

Культура и ресурсы

Опыт этнологического обследования
современного положения
народов Севера Сахалина

Москва
2015

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
имени Н.Н. Миклухо-Маклая

АССОЦИАЦИЯ МЕДИЦИНСКИХ АНТРОПОЛОГОВ

ЭКСОН НЕФТЕГАЗ ЛИМИТЕД

Культура и ресурсы

Опыт этнологического обследования
современного положения
народов Севера Сахалина

Под редакцией
Д.А. Функа

Москва
2015

УДК 39(5Н.64)

ББК 63.5

К 906

Печатается по решению
Ученого совета исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
от 20 апреля 2015 г. (протокол № 3)

Опубликовано при финансовом содействии компании
«Эксон Нефтегаз Лимитед»

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
профессор *А. В. Головнев*
доктор исторических наук, профессор *О. Е. Казьмина*
кандидат исторических наук *Т. П. Роон*

К 906 **Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного
положения народов Севера Сахалина** / Под редакцией Д. А. Функа. М.:

ООО «Издательство «Демос», 2015. 272 с.

ISBN 978-5-9904710-6-1

Коллективная монография представляет максимально целостную картину современного положения коренных малочисленных народов Сахалинской области – нивхов, уйльта, эвенков, нанайцев. Материалами для нее послужили, прежде всего, полевые исследования группы социальных антропологов из Института этнологии и антропологии РАН, регулярно проводившиеся с конца 1990-х годов. Основной массив используемых и анализируемых в монографии данных получен в ходе экспедиционных поездок 2013 г., ставших возможными благодаря инициативе и финансовой поддержке компании «Эксон Нефтегаз Лимитед».

Традиционные черты уникальных по красоте культур и современные демографические и социальные проблемы людей, хозяйственные занятия и опыт взаимодействия с промышленными компаниями, образование и социолингвистическая ситуация, этническая риторика и практика и, наконец, особенности репрезентации народов Севера – вот основной набор рассматриваемых в книге сюжетов. Публикация сопровождается иллюстративным материалом, видео- и аудиозаписями на прилагаемом к книге DVD, а также рядом практических рекомендаций.

Книга представляет интерес для государственных служащих, работников нефтегазового сектора промышленности, активистов национального аборигенного движения, антропологов и лингвистов, а также самих коренных малочисленных народов Сахалина, благодаря содействию которых был реализован этот исследовательский проект. Работа может быть использована при чтении лекционных курсов для студентов и аспирантов кафедр этнологии, социокультурной и прикладной антропологии.

ISBN 978-5-9904710-6-1

УДК 39(5Н.64)

ББК 63.5

© Функ Д. А., ред., 2015

© Коллектив авторов, 2015

© Эксон Нефтегаз Лтд., 2015

© Грибов Олег, 2015

© Фото на обложке: Belikova (pressfoto.ru)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводные замечания (Д.А. Функ)	7
Глава 1. Старые и новые идентичности (А.Н. Терехина, Д.А. Функ)	14
Глава 2. Демографический анализ (К.Г. Шаховцов)	42
Глава 3. Социальная ситуация (А.Г. Скибина)	67
Глава 4. Экономическая деятельность аборигенного населения (К.Г. Шаховцов, Н.А. Мамонтова, Д.А. Функ)	83
Глава 5. Коренные народы Сахалина и нефтедобывающие компании (Н.А. Мамонтова)	108
Глава 6. Образование и КМНС (А.Н. Терехина)	159
Глава 7. Языковые контакты и социолингвистическая ситуация (Н.А. Мамонтова)	182
Глава 8. (Ре)презентация КМНС (А.Г. Скибина)	235
Рекомендации (Д.А. Функ, Н.А. Мамонтова, К.Г. Шаховцов, А.Н. Терехина, А.Г. Скибина)	255
Приложения.	262
Summary	265
Об авторах.	271

CONTENTS

Introductory remarks (D.A. Funk)	7
Chapter 1. Old and new identities (A.N. Terekhina, D.A. Funk)	14
Chapter 2. Demographic analysis (K.G. Shakhovtsov)	42
Chapter 3. Social situation (A.G. Skibina)	67
Chapter 4. Economic activities of Indigenous Peoples (K.G. Shakhovtsov, N.A. Mamontova, D.A. Funk)	83
Chapter 5. The Indigenous Peoples of Sakhalin and oil companies (N.A. Mamontova)	108
Chapter 6. Education and the Indigenous Peoples of Sakhalin (A.N. Terekhina)	159
Chapter 7. Linguistic contacts and the sociolinguistic situation (N.A. Mamontova)	182
Chapter 8. (Re)presentation of the Indigenous Peoples of Sakhalin (A.G. Skibina)	235
Recommendations (D.A. Funk, N.A. Mamontova, K.G. Shakhovtsov, A.N. Terekhina, A.G. Skibina)	255
Appendix	262
Summary	265
About the authors	271

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Удивительный по красоте остров Сахалин уже не одно столетие является территорией контактов различных культур. Здесь издревле сталкивались интересы тех, кто успел почувствовать себя аборигеном, и тех, кого поначалу считали чужаками, пришельцами, да и кто сам себя считал таковым. В последние примерно полтора столетия эти контакты стали многократно более интенсивными в связи с активным освоением Сахалина и Курильских островов Россией и Японией. Освоение природных богатств острова каторжанами, затем вольнонаемными работниками, то одним государством, то другим, сложные межгосударственные отношения двух держав, специфика национальной политики СССР в послевоенный период, неимоверно сложный для людей постперестроечный период, резкая активизация промышленных компаний в сфере добычи невозобновляемых природных ресурсов сказались на состоянии абсолютно всех областей культуры аборигенного населения Сахалина.

На сегодняшний день на Сахалине не осталось ни одного человека, кто считал бы себя айном. Лишь среди самых пожилых людей еще можно найти тех, у кого один из родителей был айном и совсем редко тех, у кого оба родителя были айнами, но даже эти люди не называют и не считают себя айнами, не знают языка своих предков и не сохраняют даже отдельных элементов этой культуры.

Культура тунгусоязычных оленеводов и морских рыболовов ороков / орочёнов, которые теперь все чаще называют себя уйльта, претерпела кардинальные изменения. Практически исчез этнический язык, оленеводство сохраняется лишь у северной группы уйльта (с. Вал Ногликского района) и лишь в мизерных масштабах (впрочем, это положение существует уже давно, южная группа уйльта / ороков окончательно перестала разводить оленей более 30 лет тому назад). Основная часть этой этнической группы стала горожанами или жителями крупных поселков с вытекающими из этого изменениями в социальном статусе людей. Сходная ситуация у сахалинских эвенков.

Несмотря на свою относительную многочисленность (на фоне остальных аборигенных этнических групп Сахалина) нивхи также не избежали резких изменений образа жизни: исчезли многие элементы этнической культуры, возможности практиковать традиционное природопользование, практически вышел из употребления этнический язык. Часть людей пытается бороться за право хотя бы отчасти сохранять свой привычный образ жизни путем организации так называемых родовых хозяйств и общин, кто-то, не имея

никакого отношения к традиционным промыслам, вполне вписался в реалии новой жизни и может позволить себе дважды выезжать с семьей на отдых в страны Европы или Азии, а кто-то живет лишь бабушкиной пенсией, позволяющей покупать спиртное ... Часть аборигенного населения, независимо от степени «успешности» интеграции в культуру большинства, испытывает сложности из-за таких социальных болезней как алкоголизм и наркомания. Серьезные проблемы сохраняются в сфере образования и занятости.

Вместе с тем Сахалин — это один из субъектов Российской Федерации, где, в дополнение к федеральным законам, активно развивается и во многом реализуется на практике местная законодательная база в отношении коренных малочисленных народов Севера. Именно здесь стараниями нефтедобывающих компаний осуществляется масса проектов в области развития традиционного хозяйства, промыслов и ремесел, языка и сценической культуры, книгоиздательства, музейной деятельности. Путь к более или менее регулируемым взаимоотношениям всех заинтересованных сторон (аборигенного населения, государственных структур, нефтедобывающих компаний) был непростым. Впрочем, ситуация и сейчас далека от того, чтобы воспринимать ее исключительно в розовом цвете.

В России в последние полтора десятилетия много рассуждают и пишут об этнологической экспертизе. Этот термин однажды попал на страницы российского законодательства (№82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» 1999 г.) и с тех пор активно применяется в русскоязычной научной литературе и даже в некоторых местных законодательных актах. Отдельные исследования такого рода проводились в Тазовском и Ямальском районах Ямало-Ненецкого АО (см., напр., Мартынова, Новикова 2011; Головнев и др. 2014), в Беловском, Гурьевском и Новокузнецком районах Кемеровской области (ЭЭ-1 2005; ЭЭ-2 2008). В Республике Саха (Якутия) существует не только собственно Закон «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» 2010 г., но и положение о порядке ее организации и проведения (Положение 2011). При этом абсолютно очевидно, что во всех случаях речь идет исключительно о попытке экспертных оценок ситуаций, возникающих лишь по поводу возможности реализации хозяйственных проектов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов. В стороне, таким образом, остается, по сути, широкая

палитра иных форм и способов воздействия на местные культуры. Столь же очевидно, что все проводимые на сегодняшний день так называемые этнологические экспертизы ограничиваются лишь этническим аспектом, как бы скрывая от внимания заинтересованных сторон все иные социальные группы, в том числе и группы старожилов и просто местного населения, которое точно так же оказывается под воздействием от реализации социальных и экономических проектов государства и бизнес-структур, как и малочисленные этнические группы. И, наконец, анализ проведенных ранее «этнологических экспертиз» свидетельствует об отсутствии разработанных унифицированных методов оценки воздействия, предотвращения или смягчения его последствий, методик оценки непосредственного и отсроченного во времени ущерба при том, что мировая практика, выработавшая ответы на многие такого рода вопросы, остается незадействованной российскими экспертами. Исходя из всего вышесказанного и был задуман проект, по результатам реализации которого написана эта книга. Мы принципиально отказались от идеи проведения некоей экспертизы в ситуации отсутствия методики экспертных работ данного рода. Задачей нашего исследования являлся сбор и анализ опубликованных, архивных и собственных полевых материалов, которые, как предполагалось, позволят представить в историческом контексте, по возможности в динамике, основные этнокультурные/социальные характеристики изучаемых аборигенных культур Сахалинской области. Исследование велось в 2013 г. в населенных пунктах трех муниципальных образований с численностью аборигенного населения свыше 300 чел., то есть в Охинском (998 чел. в марте 2013 г.), Ногликском (856 чел.) и Поронайском районах (344 чел.), а также в областном центре, г. Южно-Сахалинске (254) (Численность 2013). Всего было интервьюировано около 170 чел., сделано более 3000 фотоснимков и отснято около 100 видеороликов.

Основные методы полевого этапа работы включали в себя полуструктурированные интервью, беседы, наблюдения, сопровождавшиеся также аудио-, фото- и видеосъемкой, работу с местной прессой, музейными и архивными материалами, а также консультации (в том числе и экспертное интервьюирование) с работниками местных администраций. Мы осознанно отказались от социологических опросов, отдав предпочтение беседам и интервью. Это было тем более важно, что значительная часть информантов, с которыми мы общались, были нашими давними знакомыми. Так удавалось сохранять необходимый в нашей работе уровень доверия и избегать частных, узких, сиюминутных реакций респондентов на некие изначально сформулированные

вопросы, что является столь характерным для массовых опросов. Впрочем, где-то общение строилось иначе. На Сахалине существует целый ряд общественных организаций, так или иначе представляющих интересы (части) коренного населения. Порой общение с «одной стороной» могло ревностно восприниматься другой, считающей лишь себя единственными выразителями мыслей и чаяний «своего» народа. Это общая для Сибири и Севера ситуация, с которой мы уже давно были знакомы по имеющемуся у всех нас опыту полевой работы на Саяно-Алтае, в Эвенкии, на Ямале, в Томской области и других регионах. Во всех случаях мы старались соблюдать исследовательский нейтралитет, внимательно

выслушивая каждую из сторон, но не примыкая к какой-либо из них.

Максимально широкий набор изначально поставленных задач корректировался нами непосредственно в ходе экспедиционных работ и во время последующей обработки собранных материалов. В итоге в сводный отчет и в представляемую сейчас на суд читателей книгу были включены восемь блоков (глав) информации, достаточно полно представляющих основные результаты исследования. В оглавлении указаны авторы каждой из глав, хотя фактически в научном редактировании и доработке всех глав, помимо руководителя проекта, также принимали активное участие Н.А. Мамонтова и К.Г. Шаховцов.

Рис. 1. Карта-схема Сахалинской области. Указаны населенные пункты, в которых проводились экспедиционные исследования в 2013 г. Сост. К.Г. Шаховцовым на основе находящейся в общественном достоянии карты «Outline Map of Sakhalin Oblast» с сайта Викисклада (автор — участник Википедии Виктор В) https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e6/Outline_Map_of_Sakhalin_Oblast.svg

Значительная часть собранных материалов еще ждет осмысления и публикации. Это и обширные материалы по фольклору, в том числе на уйльтинском и нивхском языке, и пространные описания почти забытых обычаев и обрядов, свидетелями которых люди были еще в годы своей молодости, и в целом характеристика религиозной составляющей жизни северян, и ряд иных аспектов современной жизни. Эти уникальные записи и наблюдения обязательно найдут свое место в последующих публикациях авторов.

Данный проект под названием «Этнологическое исследование КМНС Сахалинской области» был инициирован и финансово поддержан компанией Эксон Нефтегаз Лимитед. Он выполнялся сотрудниками и аспирантами Института этнологии и антропологии Российской Академии наук и включал в себя как полевой этап исследования (июнь-сентябрь и ноябрь 2013 г.), так и собственно время на подготовку аналитического отчета и последующую переработку его в научный текст, которую часть авторов осуществляла уже на базе Московского Государственного университета и Университета Хельсинки (2014 – первая половина 2015 гг.). Мы особо признательны за постоянное внимание и поддержку на всех этапах реализации проекта сотрудникам компании Эксон Нефтегаз Лимитед Маргарите Львовне Цой и Валерию Анатольевичу Крипе, директору ООО «Оптим» Евгении Смирновой за великолепное обеспечение логистики всех наших поездок 2013 года, а также президенту Ассоциации медицинских антропологов, д.и.н. Валентине Ивановне Харитоновой, за организационное сопровождение проекта подготовки и публикации данной книги.

От имени авторского коллектива хочу поблагодарить также все фонды и организации, чья финансовая поддержка позволила нам в течение длительного времени собирать и анализировать полевые материалы, касающиеся самых различных сторон современной жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалина: Министерство окружающей среды Финляндии за поддержку проекта “The Small Indigenous Nations of Northern Russia” («Коренные малочисленные народы Российского Севера»; 1997–1999 гг.; рук. Л. Силланпяя), Национальный научный фонд США (NSF) за поддержку международного проекта “Circumpolar Land-Use and Ethnicity» (CLUE) («Землепользование и этничность в циркумполярном регионе»; 2008–2015 гг.; рук. Х. Бич), а также Правительство РФ за поддержку проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант № 14.B25.31.0009; 2013–2015 гг.; рук. Д.А. Функ). Без собранных в ходе

этих проектов полевых материалов, в том числе и в первую очередь на Сахалине, и без возможности целенаправленно заниматься их обработкой мы вряд ли смогли представить значительную часть публикуемых сейчас материалов в динамике. А без этого вряд ли удалось бы выявить отдельные тенденции в изменении культурного облика, демографии, социолингвистической ситуации у коренных жителей Сахалина.

И, наконец, мы особо признательны нашим помощникам, особенно Алене Викторовне Кавозг и Алексею Геннадьевичу Лиманзо (п. Ноглики), Светлане Сергеевне Киле (г. Поронайск), Наталье Константиновне Чайке (с. Некрасовка), Владиславу Владиславовичу Соловьеву и Ирине Яковлевне Федяевой (с. Вал), руководителям отделов КМНС в областной и районных администрациях, дирекции и сотрудникам краеведческих музеев в Южно-Сахалинске, Поронайске, Ногликах и Охе, и всем нашим информантам. Без их помощи это исследование было бы просто невозможно. Надеемся, что время, проведенное людьми в общении с нами, после прочтения этой работы не покажется им потраченным напрасно.

Источники и литература

- Мартынова, Новикова 2011 — Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: этнологическая экспертиза 2011 года. М.: ИП А.Г. Яковлев, 2011. 132 с.
- Головнев и др. 2014 — Головнев А.В., Лёзова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: «Издательство АМБ», 2014. 232 с.
- Положение 2011 — Положение о порядке организации и проведения этнологической экспертизы. Утверждено Постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 6.09.2011 г. №428.
- Численность 2013 — Численность коренных малочисленных народов Севера по этносам на март 2013 г. (по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Сахалинской области). Статистическая справка, предоставленная начальником управления коренных народов Севера аппарата Губернатора и Правительства Сахалинской области Е.А. Королевой.

- ЭЭ-1 2005 — Этнологическая экспертиза. Вып.1. Оценка воздействия ООО «МетАл», ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» и УК «Южный Кузбасс» на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области / А.Н. Садовой, О.В. Нечипоренко, В.В. Поддубиков и др. /. Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2005.
- ЭЭ-2 2008 — Этнологическая экспертиза. Вып. 2. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области / В.И. Бойко, А.Н. Садовой, В.В. Поддубиков, О.В. Нечипоренко, М.В. Белозерова и др. Новосибирск: Изд-во ИФиП СО РАН, 2008.

Глава 1

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

По состоянию на 1 января 2015 г. численность населения Сахалинской области РФ составила 488,3 тыс. человек (это 99,4% по отношению к аналогичной дате 2014 г.), более 81% которых — горожане (Характеристика 2015). Современный этнический состав населения области весьма сложен. Здесь можно встретить представителей множества этнических групп со всей территории бывшего СССР, а также других государств, однако преобладающим по численности является, безусловно, русское население: русские составляют на Сахалине более 85% от всего населения. Вторая по численности группа — корейцы, более 5%, следом идут украинцы, их более 2,5%.

На Сахалине проживают четыре основные этнические группы, относящиеся к коренным малочисленным народам Севера (далее – КМНС): нивхи, уйльта, эвенки и нанайцы. Общая их численность около 3 тысяч человек – это 0,7% всего населения Сахалина.

Нивхи представляют собой самое многочисленное сообщество КМНС Сахалина, по данным на март 2013 г.) насчитывавшее 2 221 чел. Уйльта (делятся на северную и южные группы), являющиеся одним из самых малочисленных коренных народов России (254 чел.), проживают в с. Вал, п. Ноглики и г. Поронайске. Эвенки в основном живут в г. Александровске-Сахалинском, а также в Ногликском, Охинском и Поронайском районах. Общая численность их составляет 199 человек. Группа сахалинских нанайцев, большей частью живущих в Поронайском районе, насчитывает 128 человек (Численность 2013).

1. Этнонимы КМНС Сахалина и общие сведения об этнической истории групп

1.1. Нивхи

Самоназвание «нивх» переводится как 'человек', «нивхгу» — 'люди'. Л.Я. Штернберг в своих работах дает объяснение этого автоэтнонима с лингвистической точки зрения и определяет его в значении «здешний» (Штернберг 1900: 17). До 30-х годов XX в. нивхи были известны в научной

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.B25.31.0009).

литературе и среди окружающего населения также под названием «гиляки». По мнению Л.И. Шренка, это название происходит от китайских слов «киль», «киленг», обозначавших когда-то всех аборигенов в низовьях Амура (Шренк 1883: 14). Другая версия рассматривает происхождение экзоэтнонима «гиляки» от тунгусского «гилэкэ», «гилями», что значит «люди, передвигающиеся при помощи парных весел на больших лодках» (Таксами 2000: 380–382). Официальный этноним сосуществует с наименованиями отдельных нивхских групп (керкпинггу, лапинггу и др.) (Итоги переписи 2010). В переписи 2002 г., отличавшейся «бумом идентичностей», нивхское население идентифицировало себя как нивхи, гиляки, нибих, нивах, нивух, нивхгу, ныйгвнгун (Итоги переписи 2002).

В своих воспоминаниях информанты, родившиеся и выросшие в советский период, упоминают о том, как в школах-интернатах детей-нивхов зачастую дразнили «гиляками». Для некоторых это считалось обидным «ругательством». Сохраняется это наименование в качестве детской дразнилки и до сих пор.

Гипотез в отношении происхождения данной этнической группы существует довольно много. К числу наиболее обоснованных, опирающихся на культурно-типологические и лингвистические данные, относятся «северная» (на основе сходства некоторых элементов материальной культуры с северо-восточными палеоазиатами) (Штернберг 1933: 13–17), «южная» (существование ряда лингвистических параллелей с корейским и японским языками) (Крейнович 1955: 136) и «автохтонная» (нивхи — потомки древнего неолитического населения, носителей байкальского и амурского антропологического типов; она основывается на анализе антропологических и археологических материалов) (Золотарев 1933: 233–247; Левин 1958: 297). Современные материалы позволяют отдать предпочтение третьей из них, но при безусловном признании многокомпонентности и сложности этногенетических процессов, которые и привели в итоге к возникновению этого народа (можно указать, в частности, на родовой состав нивхов, к которому выделяются негидальские, ульчские, нанайские, айнские и уйльтинские элементы) (Смоляк 1973; 1974; 1975). Вопрос об изначальности миграционных потоков нивхов – с Сахалина на материк или в обратном направлении, — по всей видимости, следует пока отнести к числу спорных, поскольку однозначных убедительных доказательств «изначальности» такого рода переселений пока нет. Исторические и фольклорные материалы свидетельствуют о многочисленных фактах переселения нивхов как на Сахалин, так и с Сахалина на материк (Шренк 1975: 323; Смоляк 1975).

1.2. Уйльта

История этнонима данной группы КМНС связана с рядом проблем, поэтому имеет смысл остановиться на этом вопросе более подробно. В литературе известны самые разнообразные наименования представителей этой этнической группы: орныр, тонгуз, ороки, орочны/орочёны, уйльта, ульчи, ольчи и другие (Миссонова 2006: 59).

В метрических книгах Сахалина уйльта в большинстве своем были записаны как орочны. Этот же этноним указывался в графе «национальность» советского паспорта, хотя в переписях населения использовалось название «орок» (Там же: 60). Попутно можно заметить, что ороचनाми называла себя часть приамурских эвенков. Перепись 1989 г. также не избежала ошибок предыдущих переписей. Согласно инструкциям этой переписи, человек, назвавший себя ороченом или орочем, мог быть записан и ороком, и орочем. В переписи населения 2002 г. впервые был представлен этноним «уйльта» (Функ и др. 2000: 14–30). Самоидентификация уйльта в данной переписи включала в себя следующие наименования: ульта, уйльта, ороки, орочи, орочны, ульчи.

Слово «орок», введенное в научный оборот Л.И. Шренком, предположительно происходит от айнского 'орохо' (Шренк 1883); по мнению А.Ф. Маевича, этот термин, в свою очередь, восходит к орака-та, в котором встречается формант -та, вероятно, в значении 'житель', тот же, что и в названиях орокских родов Валетта, Гетта, Муйгэтта ~ Муйгэттэ, Сюкта ~ Соокта, со значением 'житель какой-либо местности' (Маевич 1991: 37).

Японцы в губернаторстве Карафуто называли уйльта «орокко» и тоже указывали на айнское происхождение этнонима. По общему мнению ученых, в основе этнонимов орок и орочен лежит слово «орон» 'олень'. Л.Я. Штернберг также выдвигал в свое время версию о самоназвании ороков «нани» (эндоэтноним, используемый нанайцами) (Косарев 2009: 17), что не нашло подтверждения в более поздних материалах. Эвенки называют уйльта ульчан (ультян), русские – орочёны (Функ и др. 2000).

В 1990 г. было составлено знаменитое обращение в Верховный Совет СССР с требованием вернуть «исконный этноним» «уйльта» в официальные документы (Миссонова 2006). Идею и собственно само обращение разработали представители национальной интеллигенции. В итоге в начале XXI в. в научной литературе и большинстве официальных документов появляется этноним «уйльта» как равноправный с названием «ороки».

Как сообщают пожилые информанты, самоназвание уйльта использовали

их бабушки, хорошо говорившие на родном языке. Как и орок/орочен, этноним уйльта, по мнению лингвистов, восходит к слову олень: «ула(а)» – ‘одомашненный олень’ (Маевич 1995: 12–13). Подробнее о проблеме идентификации данной этнической группы будет еще сказано ниже.

Гипотезы Л.И. Невельского и Г.И. Шренка о происхождении ороков формулируются как «северо-охотоморская» и «амгуно-амурская». В обеих подчеркивается многокомпонентный состав культуры этого народа, в котором отчетливо выделяются тунгусский (оленоводческий) и амурский (рыболовство и охота) пласты (Сем 1965: 79–87).

1.3. Эвенки

В настоящее время для всех эвенков Приамурья и Сахалина употребляется практически единственный этноним — эвенки (чрезвычайно редко, обычно в самоопределениях себя женщинами-эвенкийками, встречается название «эвены»). До 30-х гг. XX в. широко использовался термин «тунгус». Этим же названием в царский период могли обозначить негидальцев, удэгэйцев и даже уйльта – то есть «оленных» людей с языком, относящимся к тунгусо-манчжурской группе.

Рассуждения об этногенезе этого народа в последние годы сводятся к предпочтению идеи амурской прародины (бассейн Амура, а также побережье Охотского моря). В любом случае, есть основания говорить о достаточно позднем и растянувшемся на несколько столетий (XVII–XIX вв.) проникновении эвенков на остров Сахалин.

1.4. Нанайцы

Самоназвание нанайцев – нанай, нани – означает «местный, здешний» человек. В царский период бытовал этноним «гольд». Ю.А. Сем предполагал, что возможная этимология этнонима «гольд» — от *голо* «народ», «племя», *ды* «сторона», «край»; *гол(о)*, «река» (маньчж., монг.) (Сем 1973).

КМНС Сахалина в контексте истории

2.1. Освоение Сахалина. Русско-японское соперничество

Прежде чем затронуть сложную тему идентификации КМНС Сахалина, необходимо дать небольшую историческую справку, чтобы хотя бы в общих чертах проследить историю отношений трех сторон: российской, японской и аборигенного населения острова.

Первыми европейцами, оказавшимися у сахалинских берегов, стали члены экспедиции голландского мореплавателя М.Г. Фриза. Важную роль в изучении Сахалина и Курильских островов сыграли русские землепроходцы XVII в.: в 1646 г. экспедиция В.Д. Пояркова открыла северо-западное побережье Сахалина, в 1697 г. казаки под руководством В.В. Атласова узнали о существовании Курильских островов. С XVIII в. начался планомерный процесс изучения и присоединения Курил и Сахалина к России.

Параллельно с русскими на юг Сахалина проникают японцы. Во второй половине XVIII в. на острове появляются японские фактории и рыболовецкие точки, а с 1800-х гг. активно проводятся научные экспедиции такими исследователями как Могами Токунай, Мамия Риндзо и другими (Алексеев 1982: 287).

Европейские и русские мореплаватели XVIII – начала XIX в. вели спор о географической конфигурации Сахалина, пока в 1849 г. Г.Н. Невельской не доказал, что Сахалин является островом. После этого открытия на Сахалине появляются русские военные посты и поселения. Исследователи и поселенцы встречаются с коренным населением острова: айнами, нивхами, уйльта и эвенками.

В течение всего XIX в. продолжаются пограничные притязания России и Японии. В 1855 г. в соответствии с Симодским договором граница проходит между островами Уруп и Итуруп, Сахалин получает весьма нечеткий статус совместного управления. В 1875 г. по Петербургскому договору Россия передает Японии все Курильские острова, получив взамен полные права на Сахалин. В 1869-1906 гг. Сахалин является крупнейшей каторгой в России, организованной по примеру европейских каторжных колоний (например, английской Австралии), что позволяет изолировать преступников и осваивать недра острова, эксплуатируя труд каторжан (Кораблин 2005: 72).

В 1886 г. за участие в заговоре с целью покушения на императора Александра III на сахалинскую каторгу попадает ставший в будущем знаменитым этнографом Б.О. Пилсудский. Здесь он знакомится с представителями коренных народов острова. Под влиянием Л.Я. Штернберга, сосланного на Сахалин в 1891 году, Бронислав Осипович начинает записывать нивхские предания, тщательно изучает нивхский язык (Пилсудский 2003). В 1898 г. Б.О. Пилсудский публикует в «Записках Приамурского отдела Русского географического общества» статью «Нужды и потребности сахалинских гиляков». В 1902 г. Пилсудский возвращается

на Сахалин, но теперь уже по направлению от Академии наук, которая командировала его для сбора этнографических коллекций у айнов и «орочей» (уйльта) (Латышев 2008: 130). Через год Пилсудский присоединяется к другому польскому ссыльному – В.Л. Серошевскому, специалисту по культуре якутов. Оба исследователя отправляются на японский остров Хоккайдо. Однако вскоре разворачивается Русско-японская война, и ученым приходится покинуть Японию.

После поражения в Русско-японской войне 1904–05 гг. по Портсмутскому мирному договору Россия передает Японии южную часть Сахалина, расположенную южнее 50-й параллели. В 1906 г. русскими упраздняется каторга и начинается новая попытка, теперь уже вольного, заселения северной части острова.

В 1918 г., в период Гражданской войны в России, Япония вместе с западными странами начинает интервенцию на Дальнем Востоке. В 1920–25 гг. японцы оккупируют Северный Сахалин, где активно начинают добычу нефти и промысел пушного зверя. В результате подписания Пекинской конвенции 1925 г. Япония передала Северный Сахалин СССР, но оставила за собой право иметь на этой территории концессии с нефтяными и угольными месторождениями. Только 30 марта 1944 года в Москве был подписан протокол, по которому японские нефтяные и угольные концессии передавались в собственность СССР.

2.2. Губернаторство Карафуто в 1905-1945 гг.

Южная часть Сахалина (губернаторство Карафуто) являлась для Японии важным источником ресурсов, поэтому с 1905 г. началось активное заселение и промышленные разработки этих территорий. Для освоения новых земель вербовались японцы, а также принудительно завозилось население из аннексированной в 1910 г. Кореи.

Население японской части острова в 1906 г. составляло 12 тыс. чел., а к **1941 г.** в губернаторстве Карафуто проживало около 400 тысяч жителей. Подавляющее большинство жителей было представлено японцами – 382 056 чел. (95,8 %). Корейцев в Карафуто насчитывалось 16 067 чел., коренного населения (айнов, эвенков, нивхов, уйльта) – 1697 чел., русских и поляков, оставшихся здесь после Русско-Японской войны – ок. 200 чел. В **1944 г.** на южном Сахалине проживало уже почти 450 тыс. чел.

2.3. Аборигенное население в Карафуте

Коренное население острова эпохи Карафуте: айны, нивхи, эвенки, уйльта — занималось рыболовством, оленеводством (поронайские уйльта), добычей морского зверя, нанимались на японские предприятия (подробно см.: Нагане Сукехаци 1929). После учреждения японского губернаторства на р. Поронай был заложен город Сикука (нынешний г. Поронайск). В окрестностях города располагалось несколько аборигенных поселков. В 1926 г. на месте туземного селения Отаси японцами было решено построить показательный поселок. Отасу пропагандировался в Японии как естественный уголок жизни аборигенов. Нивхов и ороков (уйльта) насильственно переселяли в Отасу с их традиционных рыболовецких и охотничьих угодий (Вишневецкий 1994: 119). По воспоминаниям японцев, в Отасу ороки больше старались сохранить свои традиции, а нивхи строили дома японского типа, перенимали стиль интерьера и одежду.

Сейчас в Поронайске проживает несколько пожилых людей, заставших в детстве японское правление и приход советской власти. Нивх Окуда Че Оди вспоминает, как жил с родителями на берегу моря небольшим стойбищем из трех семей. Они занимались охотой и продавали шкурки японцам.

Среди наших информантов оказалась нивха Камимура Тэйко, проживавшая в Отасу. Она рассказывает, что в семье тёти, в которой она воспитывалась, готовили в основном японскую еду, жили в японской обстановке. Больше всего, как вспоминает Тэйко, ей не нравилось «постоянно по-японски кланяться».

В 1926 г. в Отасу была открыта начальная общеобразовательная школа. Детей обучали японской письменности и речи, математике, истории и этике. Обучение велось на японском языке. Школа становилась своего рода проводником японской культуры в семьи аборигенов. Японцы заботились об обеспечении сетью школ всего губернаторства. Окуда Че Оди рассказал нам, как ходил в начальную японскую школу в Сикуке. Классы были смешанными – японско-русскими. Наши информанты рассказывали также, что в детстве они говорили и по-нивхски, и по-японски. В качестве основного языка использовался японский, который в настоящий момент они почти забыли.

В период Карафуте коренные жители нередко вступали в браки как с японцами, так и с корейцами. Из воспоминаний информантки:

«Папа был вербованный. Он из Японии приехал... всю жизнь ловил рыбу... Мама – нивха. Он ее здесь встретил, на Сахалине» (ПМ 2013, зап. А.Н. Терехиной).

Кроме того, аборигенное население регистрировали под японскими именами и фамилиями, поэтому на данный момент большинство нивхов и уйльта Поронайска сохраняет фамилии эпохи Карафуту. Исключение составляют дети от смешанных браков, приезжее население из других районов и нанайцы, поселившиеся на Сахалине в 1946–47 гг. В советский период, как правило, в школе параллельно с японскими давались и русские имена. Так, Камимура Тэйко стала Татьяной, Окуда Че Оди – Николаем, Минато Сюрико – Людмилой. Обладатели «двойных» имен используют японское и русское имя в разных ситуациях, хотя порой используют оба своих имени, например, в статьях местных газет.

2.4. Советский Сахалин с 1945 г.

В 1945 г. советские войска вступили на территорию Карафуту: СССР установил контроль над Южным Сахалином (Русские Курилы 1995). По переписи населения, проведенной отделом внутренних дел Гражданского управления по состоянию на 1 июля 1946 г., на бывшей территории губернаторства Карафуту проживало 305800 человек – граждан японского подданства. По национальному составу население распределялось следующим образом: японцев – 277649, корейцев – 27088, айнов – 406, ороченгов – 288, эвенков – 81, нивхов – 24, нанайцев – 11, китайцев – 103, поляков – 27, русских (старопоселенцев) – 97, прочих – 16. Как предполагают исследователи, более 100 тыс. человек в ходе боевых действий было экстренно эвакуировано в Японию (Подпечников 2003: 257).

В 1946–49 гг., а затем в 1957–59 гг. была проведена массовая репатриация японских граждан с Сахалина. Поронайские информанты сообщают, что вместе с японцами в Японию переселялись и представители коренного населения. Некоторые родственники и потомки переселившихся КМНС сейчас пытаются найти своих родных, восстанавливают связи, выезжают в Японию для общения. Существуют случаи переезда в Японию на постоянное место жительства. Одна информантка рассказывала о том, что их семья после прихода советской власти осталась на Сахалине, несмотря на то, что отец был японцем. Позже, в 1960-е гг., они собирались переселиться в Японию, но обстоятельства не позволили осуществить эти планы.

Следующий сюжет, присутствующий во всех интервью с людьми старшего поколения – советские репрессии. Представители КМНС в Карафуту считались гражданами Японии, но в японскую армию не призывались. Тем не менее, военные власти губернаторства привлекали аборигенов в помощь пограничной

службе и к отдельным операциям разведки. Для этого в Сикуке в 1942–45 гг. была создана разведшкола, где обучалась молодежь из числа уйльта, эвенков и нивхов. Большинство готовившихся «шпионов» были малограмотными или совершенно неграмотными людьми. После окончания разведшколы (период обучения составлял 2–3 недели в году) они несли патрульную службу на различных участках границы между Японией и СССР. Факты подобной деятельности впоследствии стали основанием для обвинений аборигенов в «антисоветской деятельности».

В первые же месяцы после освобождения Южного Сахалина отделы «СМЕРШ» Красной Армии начали привлекать всех, обучавшихся в разведшколе, к уголовной ответственности по советским законам. В 1945–46 гг. многих аборигенов приговаривают к различным срокам заключения — от 6 до 10 лет — с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях. Лишь осенью 1953 г. оставшихся в живых депортировали в Японию без права возвращения на родину. В 1993 г. с этих людей были полностью сняты обвинения. Все они были реабилитированы. Общественность Хоккайдо, осознав масштабы трагедии коренных народов Сахалина, оказала финансовую поддержку в проекте создания памятника жертвам репрессий. Благодаря совместным усилиям японской стороны и администрации Поронайского района проект был реализован. Этот памятник установили на о. Южный (старое название Сачи).

С 1947 г. из Хабаровского края на Южный Сахалин была переселена группа нанайцев для работы на рыбных промыслах из-за нехватки трудоспособного населения. Прибывшие 25 семей поселились в устье реки Таран, где организовали поначалу артель, а позже – рыболовецкий колхоз «Новый путь». Из интервью председателя общественной организации «Союз нанайцев, уйльта и эвенков»:

«Приехало 150 человек, из них 25 семей. Вот столько детей было. Приехали в поселок Таран, образовали поселок Таран. Организовали артель «Дружба», где в основном были задействованы нанайцы. И русские тоже приехали. Там и русские были, и татары жили, и уйльта, орочены жили, нивхи жили. Для них это было в диковинку, что русские приехали и нанайцы приехали – другая нация, хотя и тоже коренные малочисленные народы Севера... Переселение было добровольное. Но в 48-м году многие нанайцы обратно уехали. Это в основном старики» (ПМ 2013, записи Н.А. Мамонтовой).

В 1947 г. на Сахалин также приезжают и устраиваются на работу корейцы из Северной Кореи.

Бывшие граждане Японии – жители Южного Сахалина – долго не получали гражданства СССР. Информанты в Поронайске рассказывают, что получили его лишь в 1960-е гг. Представители коренных групп, записанные корейцами, через суд старались изменить национальность на «русских» или нивхов, эвенков, уйльта, поскольку корейцы до 1980-х гг. имели статус «БГ» – «без гражданства».

В 1948–56 гг. на территорию Сахалина (в основном Северного) было депортировано более 1,5 тысяч калмыков. Прекрасной иллюстрацией судеб людей и заключавшихся тогда смешанных браков является история нашей информантки из Поронайска:

«У меня дедушка – житель Александровского района. Он был охотник. Девичья фамилия у меня Шаманова. Фамилия не уйльтинская и не нивхская, а фамилия у нас калмыцкая. Потому что у нас папа – калмык... Папа попал на Сахалин. Мама – нивха. А вообще, у нас до такой степени запутано... Мой дед – чистокровный нивх... А мамин дедушка был русский – сосланный из Москвы. Ссылный, политический. Еще до советской власти, где-то в 15–16 гг.» (ПМ 2013, записи А.Н. Терехиной).

3. Идентичность

3.1. Выбор и доказательство этничности

В каждом из трех районов, охваченных экспедиционным исследованием (Охинском, Ногликском, Поронайском), существует особая процедура получения лицензий для представителей КМНС на вылов рыбы в начале путины. В каждом районе процесс получения необходимых документов происходит по-своему, но всюду необходимо предоставить данные о том, что рыбак является представителем «коренной национальности». Специалист по проблемам КМНС в Поронайском районе О. Резник сообщает, что люди обращаются к ним за справками, подтверждающими принадлежность к одной из коренных этнических групп. В Администрации района есть списки аборигенного населения, которые каждый год уточняются.

Обязательной процедурой является фиксация в свидетельстве о рождении национальности родителей ребенка. В Ногликском районе специалист по делам КМНС Е.Н. Вовчук описывает ситуацию следующим образом:

«Ш.К.: Как сейчас можно подтвердить, что кто-то нивх или уйльта, ведь сейчас в паспорте нет, в похозяйственных книгах тоже нет [сведений о национальности]?

В.Е.: Ну, в похозяйственных книгах у них записывается, но только с моих слов могут записать. Но если ты не записался, то, получается, ты просто гражданин России. У нас есть список, список на 1133 человек где-то. Мы эти списки отправляем в Государственную морскую инспекцию, Рыбоохрану и другие инстанции. Сколько мы так работаем, у нас таких проблем нет. Человек может прийти и взять справку, что он народ Севера. Но они не берут. Вот для лесхоза чаще берут, потому что у КМНС есть возможность бесплатно использовать лесные ресурсы... Через суд доказывают, что они КМНС, если в свидетельстве о рождении не записана национальность родителей.

Новое поколение, дети 2000-х годов. Я им говорю, чтобы в загсе писали национальность родителей. Потому что для представителей народов Севера есть поддержка по Плану содействия и областным программам (ПМ 2013, записи К.Г. Шаховцова).

В советский период из-за небрежного отношения к заполнению графы «национальность», порой фиксировались варианты записи «гольд», «тунгус». Отмечены случаи, когда человеку через суд приходится доказывать свою принадлежность к коренным народам Севера.

О. Резник отмечает, что практически во всех смешанных семьях при указании национальности ребенка его «наделяют» аборигенной идентичностью. Резник вспомнила только один случай, когда русский отец отказался записывать своего ребенка коренным. Вместе с тем в рамках одной смешанной семьи дети могут быть зарегистрированы по-разному: например, один ребенок как кореец, другой как нивх.

«К.А.: Мой муж русский.

Т.А.: Как Вы ребенка записали?

К.А.: По национальности? Уйльта.

Т.А.: А как муж к этому отнесся?

К.А.: Да ему по боку. То есть, у него нету такого. Если бы он как-то к этому относился, мы бы с ним и не встретились. Единственное, что у ребенка фамилия мужа. Они так договорились с моим отцом, что у первого ребенка будет фамилия мужа, а у второго нашего ребенка будет фамилия папина, то есть моя.

Т.А.: Сейчас во многих случаях в смешанных браках ребенка записывают коренным. Почему так?

К.А.: Потому что у коренных больше льгот, чем у русских» (ПМ 2013, записи А.Н. Терехиной).

Сама специалист сообщает, что ситуация такого массового выбора идентичности связана с получением льгот для КМНС. Этому же мнения придерживаются все опрошенные информанты, в том числе председатель аборигенного общественного движения в г. Поронайск Татьяна Катизовна Агава. Её ответ о льготах на рыбу, как об определяющем выбор официальной идентичности факторе, был сформулирован однозначно.

Данная ситуация создает в обществе вполне определенное мнение. Например, информантка из Некрасовки сообщает, что раньше принадлежность к нивхам определялась по матери, а теперь делают «как попало». Недовольство современной ситуацией вызвано тем, что люди заявляют о своей принадлежности к числу коренных народов, но внешне могут совсем не соответствовать ожидаемому в обществе облику аборигенов:

«Если он нивх, видно же сразу. Нивх он и нивх. А вот у нас так получается, нивх... Я даже уже не чистая нивха, у меня отец – кореец, мать – нивха. Есть «чистые» нивхи и которые сейчас, современные. Вот она говорит, что нивха, а она белокурая. Но это же уже тоже ненормально» (ПМ 2013, записи А.Н. Терехиной).

Особенно сложной в ракурсе этой проблемы показалась нам ситуация в Поронайском районе. По приведенному выше обзору исторических событий видно, что в районе проживают и вступают в смешанные браки, помимо русских, нивхи, уйльта, эвенки, нанайцы, корейцы, японцы и представители других этнических групп. В последнее десятилетие к этому списку активно добавляются мигранты из стран СНГ.

Смена идентичностей, как выяснилось в ходе исследований, распространенное явление для аборигенного населения района. В качестве примера приведем отрывок из интервью:

«Т.Г.: Эвенка у нас одна [есть]. Дети у нее все пошли ороченами, хотя муж у нее японец. Тот был уйльта, но потом взял японца [поменял национальность]... Ей было 16 лет, пришла она паспорт делать. Что она там говорила, не знаю,

но ее записали тунгуской, но потом она уже паспорт переделывала – «эвенка» сделала. Вот так вот.

М.Н.: А почему муж у нее японцем сделался?

Т.Г.: А вот такие они странные люди».

<...>

М.Н.: Так почему он решил японцем стать?

Т.Г.: А потому что мама раньше была уйльта, потом стала, почему-то у нее кровь взыграла, стала японкой. Дети половина – корейцы. У нее много детей и все от разных мужей. Половина корейцы, половина... Вот девочка одна...она (ее) от орочена родила. Девочка вот одна у них уйльта. А <называется фамилия> через суд в прошлом году доказала, что отчим с мамой ее живет и он ее удочерил. Раньше рыбу можно было ловить, а сейчас – только если народ Севера. Вот у них интерес и настал. В прошлый год у нас список пополнился: уйльта больше, чем нивхов стало. Все смеются, но что делать – это жизнь» (ПМ 2013, записи Н.А. Мамонтовой).

Постсоветские условия вылова рыбы и получения других льгот заставили аборигенное население пересмотреть свои взгляды на собственную этничность:

«Раньше они не хотели. Вот <называется фамилия>. Старшая дочь у них кореянка до сих пор. Мальчик был народ Севера, он умер. Третий ребенок – Галя – тоже кореянской себя считала. Третья-то всю жизнь в Хабаровской области прожила, потом сюда переехала. В Хабаровске-то 50, а тут – 55 [возраст, с которого начисляется пенсия], так она через суд пошла. Уйльта восстановила, а потом пенсию себе сделала. Молодыми себя не признавали, стыдно им было. Мне, вот, например, не стыдно, что я нанайка» (ПМ 2013, записи А.Н. Терехиной).

Только ли льготы мотивируют на подобную ситуативную идентификацию? Некоторые информанты связывают такое утилитарное отношение к этничности также с утратой родного языка, являющегося мощным идентификационным маркером, с утратой традиций и родовых связей, но также с гордостью за свою идентичность, которая лишней раз подчеркивает право людей считаться хозяевами на своей земле.

Это, в целом, общие для КМНС России процессы. Сведение объяснений лишь к стремлению получить экономические льготы – чрезвычайно распространенное как на обывательском уровне, так и в академическом дискурсе – оказывается

на поверку не везде и не всегда убедительным. Так, в частности, на селькупских материалах было показано, что, например, в послевоенный период складывались такие условия, «при которых „социальный комфорт“, обеспечивавшийся среди прочего и номинальной принадлежностью к русскому (или иному „большому“) народу, воспринимался как бóльшая ценность, нежели экономическая выгода от пользования льготами» (Шаховцов 2006: 167). Лишь во второй половине 1980-х годов ситуация стала меняться, и детей от смешанных браков стали в подавляющем большинстве случаев записывать национальностями из списка малых народов Севера (позже – из списка КМНС). Впрочем, такого рода выбор родителей в период перестройки и в постсоветские годы также не может быть однозначно объяснен лишь стремлением получить экономические льготы. Порой как раньше, так и сейчас люди в разных регионах Сибири даже не подозревают, что им положены какие-то льготы лишь на том основании, что они являются представителями этнических меньшинств (см., напр.: Функ 1999).

3.2. Проблемы идентификации уйльта

В ходе общения с информантами определился ряд проблем, связанный с описанной в первой части главы путаницей в этнонимах уйльта. Современная самоидентификация уйльта далеко неоднородна, что было отмечено исследователями еще в конце 1990-х годов:

«„Ульта“ по паспорту в с. Вал лишь 1 чел. Практически все уйльта записаны в паспортах и похозяйственных книгах как „орочёны“. Подавляющее большинство опрошенных считают термин „орочён“ неточным, и лишь единицы уйльта старшего поколения воспринимают его как собственно самоназвание: „бии орочён“ – „я – орочёнка“ (З.Ф. Алексеенко). Чаше люди рассуждают примерно так: „По паспорту я орочёнка. Русские как хотят, так и пишут: в одном свидетельстве о рождении у ребенка я написана орок, в другом – орочёнка. Мы вообще – уйльта. Нам сказали, так трудно выговаривать, будете ороками. Что ж, нас мало, мы подчиняемся“ (Л.Н. Конусова). „Я орочёнка, а дети мои ороки записаны. Уйльта у нас только Федяева записана. Мы тут на похоронах с женщинами говорили. Они говорят: „Да зачем нам это надо [уйльта записываться]?“ А я им говорю, так и будем всю жизнь неизвестно кто, как русские нам скажут, так и будем записываться» (Ж.А. Миронова).

Любопытно, что уже сейчас даже пожилые уйльта говорят (правда, сказанное зафиксировано нами лишь однажды): «Лет 5 назад взяли и

изменили на „уйльта“. Это когда Бибилова сюда переехала. Она где-то там вычитала. А так всю жизнь орочёнами были». Е.А. Бибилова хотя и местная, но действительно «переехавшая» в с. Вал из Катангли, где она работала учительницей. Непостоянное проживание ее в селе, возможно, и вызвало скептическое отношение женщины, прожившей здесь всю жизнь.

Этническое самосознание не только ситуативно, гибко, но, очевидно, еще и не едино и не может в принципе быть единым у народа в целом, сколь бы малочислен он ни был. Именно поэтому знание различных, даже диаметрально противоположных и, на чей-то взгляд, «неправильно» мотивированных мнений представляет особый интерес для этнологических исследований.

Еще один вариант восприятия этнонимов у молодого поколения, не говорящего ни на каком ином языке, кроме русского: «Уйльта – это те, которые знают язык орочёнский, а орочёны – это те, которые не знают языка» (А.В. Соловьева).

Кроме двух названных терминов, используется третий – *ороки* (и для мужчин, и для женщин он записывается одинаково – «орок»). Такую запись имеют в паспортах лишь 9 чел. в с. Вал, и именно под этим наименованием все 114 чел. уйльта зафиксированы в списках КМНС, составляемых с 1998 г. администрацией с. Вал. Термин этот для уйльта чужой. Как известно, айны называли их *орокко*, а японцы – *ороко*. Сами уйльта считают термин «орок» русским: «Русским трудно говорить „орочён“, поэтому решили называть нас ороки» (Э.М. Степанова). Действительно, первые русские путешественники, посетившие Сахалин в середине XIX в., широко использовали этот термин наряду с термином «орочон» (Функ и др. 2000).

В наших материалах 2009 и 2013 годов большинство опрошенных нами информантов-уйльта называли себя орочёнами. Часть из них сразу же поправлялась, изменяя ответ на вопрос об их национальности на «уйльта». При этом некоторые оперировали такими формулировками: «как теперь нас называют», «как сейчас поменяли наше название»:

«Сначала была ороченом, потом ороком, потом еще кем-то, теперь уйльта. Что только не придумают» (ПМ 2013, записи А.Н. Терехиной).

Л.И. Миссонова в монографии «Уйльта Сахалина. Большие проблемы малочисленного народа» заявляет, что в 1990-е годы шла «общественная борьба»

за переименование из ороченов и ороков в уйльта. Автор описывает, как «несколько столетий народ терпел» неистинные названия со стороны ученых и власти и «народ потребовал называть его таким именем, которое хранилось на протяжении всех прошедших эпох в народной памяти» (Миссонова 2006). Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о некотором преувеличении в данной цитате. Термин «уйльта» плотно вошел в лексикон ученых, политиков, весьма немногочисленной национальной интеллигенции, но не в повседневное употребление оленеводами, рыбаками и даже городскими аборигенами. Большинство наших информантов упоминали этот этноним со ссылкой на ученых, правительство, то есть ссылаясь на чужое, «официальное», мнение:

«Я пишуь ороченкой. Не меняла, не переименовывалась. А уйльта, оказывается ... я прочитала книгу Миссоновой — это самоназвание. Я в детстве слышала, что бабушка говорила, что мы не орочены, а уйльта. Что, мол, пришли русские и переименовали нас в орочены» (ПМ 2013, запись А.Н. Терехиной).

В одном монологе информант зачастую может использовать два этнонима – уйльта и орочён:

«У меня, получается, мама наполовину ороченка, наполовину нанайка. Ее мать маленькая, в 6 лет, приехала с Амурского края на Сахалин. И отец у меня наполовину кореец, наполовину — уйльта» (ПМ 2013, запись А.Н. Терехиной).

Путаница в употреблении этнонимов приводит к тому, что у людей возникают вполне конкретные проблемы с документацией. К примеру, информант Василий Михеев из с. Вал, бывший оленевод со стажем, не мог оформить себе пенсию. Одной причиной являлась потеря трудовой книжки после развала совхоза, другой – трудности с оформлением документов в пенсионной службе. Так рассказывает об этом жена Василия:

«Уже 6 лет пенсию не может сделать. Всем говорю, чтоб писали «уйльта». Но как можно писать уйльта, когда он в свидетельстве орочён? Полдеревни ороченов! Правительство прислали, что нет такой нации. Да хоть бы людей спросили! Я не знаю, когда уйльта сделали. Говорили, что уйльта и орочены – одно и то же. Теперь доказывай, что ты есть на свете» (ПМ 2013, записи А.Н. Терехиной, Н.А. Мамонтовой).

О. Резник приводит пример женщины, которая в суде в качестве доказательства зачитала статью Миссоновой об этнониме уйльта:

«Р.О.: Тяжелые случаи бывают, сталкиваемся. Основанием в суде была статья Миссоновой по уйльта, почему там орочен и как это все произошло, а по нашему новому законодательству орочен – нет такой национальности. И вот приходилось эту статью зачитывать научную, чтобы доказать, что она все-таки является... Да, такие случаи есть. Вот, по уйльта у нас, вот 200 с копейками там человек у нас, более 70 случаев вот такие.

Т.А.: А по государственному списку есть ороки?

Р.О.: Уйльта и ороки, а орочен – нет таких» (ПМ 2013, записи А.Н. Терехиной, Н.А. Мамонтовой).

Как нам видится ситуация, в такого рода «проблемах» сказывается порой недостаточное знакомство людей не только с научными работами, но порой и с решениями на местном уровне. Приведем ниже одно из решений областного ЗАГСа г. Южно-Сахалинска тридцатилетней давности, которое напрямую касалось вопроса о соотношении этнонимов орочен и орок (Кузнецов, Миссонова 1991: 15–16):

Областной отдел записи актов гражданского состояния.

г. Южно-Сахалинск. От 5.06.86 года № 13-ои

**«О выдаче повторных свидетельств
гражданам народностей Севера — Орокам»**

Отдел по народностям Севера облисполкома, изучив вопрос документирования народностей Севера, населяющих остров Сахалин, в частности «ороков», внес предложение в облисполком, что в Александровск-Сахалинском, Ногликском, Охинском, Поронайском, Тымовском районах при документировании народностей Севера допущены ошибки в написании национальности, записано ошибочно дореволюционное название «орочён» вместо «орок».

В перечне национальностей народностей Севера, указанных в Постановлении Совета Министров РСФСР от 20.05.1980 года N260 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера», национальности среди народностей Севера «орочён» не имеется.

Отдел ЗАГСа облисполкома предлагает:

1. При регистрации всех актов гражданского состояния граждан — народностей Севера и при предъявлении ими документов, где указана национальность «орочён» в записи указывать «орок» (независимо от того, что паспорт не заменен на национальность «орок»).

2. При обращении в органы ЗАГС граждан народностей Севера по национальности «орочён» и направлении их паспортными отделами ГОВД, РОВД за получением повторных свидетельств о регистрации актов гражданского состояния необходимо записывать национальность «орок» (ранее выданные свидетельства, где указана национальность «орочён», изымать).

3. После внесения изменения национальности «орочён» на «орок» в записи актов гражданского состояния указывать, что изменение произведено на основании письма отдела по народностям Севера Сахалинского облисполкома от 22.04.1986 года № 1036.

4. Настоящее письмо довести до сведения исполкомов сельских и поселковых Советов народных депутатов, регистрирующих акты гражданского состояния.

И.о. заведующей отделом Н.А. Егорова

Хотя часть уйльта, в том числе и люди среднего возраста и даже владеющие языком уйльта, настаивают на своей орочёнской идентичности, нами также были записаны мнения о том, что изменение этнонима должно, наоборот, прояснить сложившуюся путаницу. Так, рыбаки из с. Вал, нанятые для работы в родовом хозяйстве Поронайского района, объясняют, что раньше названия были похожи по звучанию, а теперь стали уйльта, и уже не запутаешься в «ороках» и «ороченах».

3.3. Родовая/клановая идентичность

Память о прежнем родовом составе довольно неплохо сохраняется у уйльта и эвенков среднего и старшего поколений. Нам уверенно называли такие родовые наименования, как Баяусá, Намисá, Гётта, Синахудо́ и Тори, или Торисá. Помнят свою родовую принадлежность и местные эвенки (Адя́н, Дир).

Никаких брачных запретов или предпочтений, исходя из родовой принадлежности брачующихся, выявлено не было. Все опрошенные уверены в том, что браки возможны даже в одном роде, например, между представителями

подразделений *даи* и *нути* (нучи) (на такие подгруппы делятся практически все названные выше уйльтинские рода). В принципе, не осуждаются браки между троюродными братьями и сестрами, хотя на практике большая часть уйльта, имеющих общих детей, состоит в более близкой степени родства. Анализ имеющихся материалов заставляет усомниться в актуальности знания людьми своей родовой принадлежности. Некоторое восстановление забытого пришлось, по-видимому, на последние 15-20 лет, когда встал вопрос о разделе совхозной собственности и определении границ “родовых территорий” (подробно см.: Функ и др. 2000; Миссонова 2006).

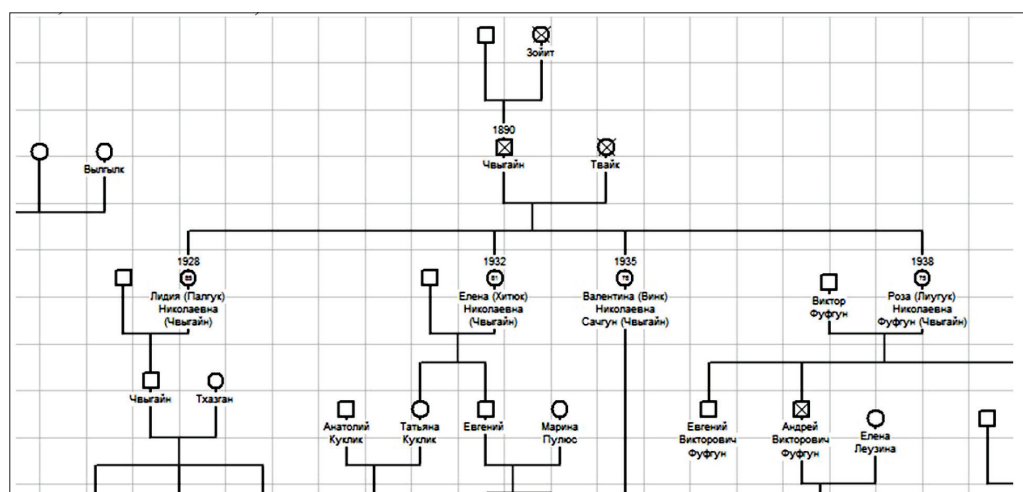

Рис. 1. Фрагмент одной из составленных участниками проекта нивхских генеалогий.

Вместе с тем следует особо обратить внимание на тягу значительной части наших информантов к составлению семейных генеалогических древ. Существующую пока возможность фиксации максимально полных семейных генеалогий следует поддерживать как путем организации семинаров по обучению составлению такого рода схем, в том числе с использованием компьютерных программ, так и (при согласии людей) путем публикации этих материалов.

3.4. «КЭМЭНЭЭСники» и «народы Севера»

Неоднократно в разговоре об этнической идентичности информанты употребляли формулировки «народ Севера», «КМНСники», «коренная национальность». Часть такого рода определений функционирует, и уже довольно давно, на уровне этнонима, что позволяет людям строить такие

речевые конструкции как *«Человек может прийти и взять справку, что он народ Севера»* или *«Мальчик был народ Севера»*. Можно говорить о том, что в сознании людей сложилась новая обобщенная идентичность (в основном у молодежи), сформировавшаяся под воздействием общественно-политического дискурса вокруг статуса коренных малочисленных народов Севера. Дискурсивный обобщенный образ аборигена включил в себя полагающиеся льготы на рыбу, стремление сохранить «традиционную культуру», возродить почти полностью утраченный родной (этнический) язык и получить права на «родную землю», и в то же время он подчеркивает как отличие «народа Севера» или «кэмэнээсника» от русскоязычного некоренного большинства, так и некую общность тех, кто определяет себя в этих новых терминах.

Термин настолько прочно вошел в лексикон людей, что сейчас уже просто невозможно усмотреть в факте его использования каких-либо претензий на льготы, возрождение языка и культуры и проч. Скорее, речь идет об обобщенном противопоставлении себя (коренных северян, не-славян) всем остальным (приезжим, чужим). Современная индигенная идентичность могла бы являть собой яркий пример «воображаемого сообщества» в терминологии Б. Андерсена (Anderson 1983), если бы не реальные ее проявления в повседневной жизни. Статус коренных малочисленных народов Севера наделен рядом общих ассоциаций и атрибутов, транслируемых как внутри этих сообществ, так и представителями «не-КМНС». Так, например, «северное многоборье», включающее в себя прыжки через нарты, метание аркана, тройной прыжок в длину, борьбу, метание топорика и др., в каждом регионе, от Кольского полуострова до Сахалина, считается «традиционным» и «исконным».

4.Современные межэтнические отношения

Сахалинская область – территория проживания множества национальностей (более 100 наименований) со своей историей заселения и дальнейшей судьбой. Промышленное освоение в советский период обеспечило приезд специалистов и рабочих со всего СССР. Современная ситуация показывает, что сейчас на Сахалине идет обратный процесс – отток населения на «материк». Переселиться в более выгодные для жизни условия в других областях РФ стремятся и представители коренных народов. Впрочем, события последних полутора лет на Украине частично изменили эту ситуацию, вызвав появление на острове переселенцев из восточных областей этого государства: в 2014 году на Сахалине оказались 1024 вынужденных переселенца (В 2014 году ... 2015).

Начиная с 1990-х гг. установление дипломатических связей с Южной Кореей и постсоветские преобразования оказывают значительное влияние на Сахалин. Инвестиции российских и иностранных (международных) корпораций в исследование нефтяных и газовых месторождений Сахалина вызывают приток людей из Восточной Азии. Крупные населенные пункты Сахалина (например, г. Южно-Сахалинск и г. Поронайск) становятся важной областью деятельности южнокорейских протестантских миссионеров. Кроме того, Сахалин является популярным местом и для японских туристов.

Южнокорейское правительство реализует программу «возвратной миграции», по которой сахалинские корейцы, приехавшие на остров в период Карафуты или родившиеся на Сахалине до 15 августа 1945 г. (дата освобождения Кореи от японского колониального правления), получают право иммигрировать в Южную Корею. Правительство Кореи обеспечивает финансовую поддержку в получении жилья и медицинском обслуживании. К концу 2000-х годов более 3,5 тыс. корейцев переселились в Южную Корею (Сунг-Сук Лим 2011: 261–262).

4.1. Мигранты в Сахалинской области

Параллельно с обозначенными выше процессами идет и процесс увеличения числа мигрантов из Средней Азии (узбеков, таджиков, киргизов и др.). Масштаб миграции вызывает заметный общественный резонанс, но несколько раздут средствами массовой информации. В статье «Учи узбекский. В Сахалинском поселке на трех жителей приходится два мигранта», опубликованной в Smart News 29 марта 2013 г. и получившей значительное количество откликов в Интернете, со ссылкой на доклад начальника отдела экономики и развития малого и среднего бизнеса администрации Ногликского района Галины Кононенко утверждается, что на 11,8 тыс. жителей Ноглик приходится 7 тысяч иностранцев (Учи узбекский 2013). Основными проблемами чиновники и общественное мнение называют привычные уже для антимиграционистской риторики «формулы» — отчуждение рабочих мест, повышение уровня преступности и плохое владение русским языком. Последний вопрос отдельно обсуждался 15 августа 2013 г. на круглом столе «Просвещение: языковая и культурная адаптация мигрантов». В мероприятии приняли участие представители государственной власти Сахалинской области, представители бизнеса и национальных диаспор региона и Русская православная церковь. Сахалинская Церковь выступила с инициативой открытия дополнительных бесплатных курсов русского языка для мигрантов (Надо искать 2013; В Южно-

Сахалинске 2014). Любопытно, что в качестве проблемы обучения мигрантов указывается на незнание ими основ русского языка: «Многие мигранты, приезжающие на Сахалин, не владеют основами русского языка, поэтому преподавателям иногда сложно найти подход к обучению мигрантов» (там же), что может свидетельствовать лишь о незнакомстве с методиками интенсивного преподавания иностранных языков, прекрасно зарекомендовавшими себя, в частности, во всех европейских университетах: знание основ изучаемого языка в таких случаях вовсе не требуется, а ученик ровно через год оказывается полностью готовым к обучению в местном университете. При рассуждении о незнании среднеазиатскими трудовыми мигрантами русского языка и о нежелании ими учить его, как правило, не принимается в расчет и тот факт, что подавляющее большинство этих людей ориентировано на временное пребывание в России, что не способствует повышению мотивации в изучении ими языка принимающей страны. Очевидна также спекуляция на тему трудоустройства мигрантов, особенно в нефтегазовых компаниях. Хорошо известно, что эти компании берут на работу квалифицированных специалистов, прошедших тщательный отбор, так что в данном случае ссылка на то, что среднеазиатские мигранты лишают местных жителей рабочих мест, выглядит достаточно спорной.

4.2. Мигранты и КМНС Сахалина

Тема отношений с мигрантами в интервью раскрывалась в социально-экономическом и демографическом дискурсах.

По данным многих опрошенных нами жителей с. Некрасовка Охинского района, руководство сельского рыболовецкого предприятия (бывшего колхоза) нанимает на сезонные работы в период путины жителей разных областей России (например, Хабаровского края) и мигрантов из Средней Азии. Некрасовские рыбаки объясняют это тем, что таким наемным рабочим выплачивается минимальная заработная плата, а местным (некрасовским) необходимо платить больше. Информанты смеются, что среднеазиатские рыбаки не умеют рыбачить. Жители Некрасовки отмечают, что их претензии адресованы руководству бывшего колхоза, а к самим мигрантам негативного отношения нет. Никаких конфликтов на межэтнической почве с мигрантами информанты в пример не приводят.

Вопрос трудоустройства обсуждался также с главой национального хозяйства «Абориген» Поронайского района Л.М. Курмангужиновой. Любовь

Михайловна объяснила трудовую политику своего предприятия. На путину стараются набирать рыбаков из числа аборигенов. В последние годы принято нанимать мужчин из Ногликского района (с. Вал), по причине неэффективной работы поронайских жителей (любой выходной или штормовой период заканчивался пьянством, задержкой работы, так как с территории хозяйства близко ехать до родного города). Рыбаки из Вала в основном идентифицируют себе как уйльта. Что же касается переработки рыбы, то Л.М. Курмангужинова пожаловалась нам, что жители Поронайского района не хотят работать. Приходится приглашать людей из других субъектов федерации – например, из Бурятии.

Еще один распространенный довод в пользу невозможности заключать долговременные трудовые соглашения с аборигенным населением — это ссылка на их непредсказуемость в плане оставления рабочего места ради очередной путины. Такого рода «доводы» можно услышать не только на Сахалине, но всюду и на Крайнем Севере, и в Южной Сибири, где проживают представители КМНС. В данном случае можно лишь рекомендовать обратить внимание на международный, в том числе американский и канадский, опыт, позволяющий учитывать и такие потребности коренного населения: период шикования, охоты на таежного зверя, сбор лесных растений, или рыбная путина — все это, безусловно, может быть отражено в трудовом договоре.

Недостаток занятости представителей коренных народов, с нашей точки зрения, в ряде случаев состоит не в нехватке рабочих мест из-за наплыва мигрантов (как это порой пытается представить пресса), а в том, что представители КМНС чаще всего попадают в разряд неквалифицированной рабочей силы, поскольку не имеют необходимого образования, а также в том, что нефтегазовые компании и многие другие предприятия не налаживают систему подготовки кадров из числа жителей Сахалина и решают кадровый вопрос кажущимся им «простым» путем — за счет привлечения внешних специалистов.

Большой приток мигрантов отразился и на демографической ситуации в регионе. Количество смешанных браков между представителями КМНС и мигрантами с каждым годом растет. Приведем отрывок из интервью со специалистом по делам КМНС Поронайской администрации О. Резник:

«М.Н.: Есть ли какие-то проблемы в межэтнических отношениях между коренными и мигрантами?»

Р.О.: Конечно, есть. У нас очень много детей. Процентом 20% браков с мигрантами.

М.Н.: Мигранты это кто?

Р.О.: Таджики, узбеки, всякие есть.

Т.А.: Выражается в какой-то агрессии?

Р.О.: Нет, у нас такого нет. У нас более толерантно, чем у вас, на материке. У вас даже я себя чувствую, будто спустилась с дерева (смеется). Здесь многонациональное общество, поэтому все сглаживается» (ПМ 2013, интервью Н.А. Мамонтовой и А.Н. Терехиной).

Приведенное выше мнение подтверждают и другие информанты, сообщая о том, что конфликтов на этнической почве с мигрантами нет. Представители КМНС дают следующие объяснения этому:

1) с давних пор на Сахалине проживает много национальностей из разных уголков России и других стран,

2) здесь всегда бок о бок жили несколько аборигенных народов, которые научились взаимодействовать и уважать разницу в культуре соседей.

4.3. Межэтнические отношения среди аборигенного населения

В районах, где сосуществуют несколько этнических групп КМНС, между ними складываются разные модели отношений. В Охинском районе доминирующим аборигенным населением являются нивхи, поэтому обратимся к Ногликскому и Поронайскому районам.

В с. Вал Ногликского района проживают уйльта, эвенки и нивхи. Уйльта и эвенки традиционно занимались оленеводством. В дореволюционное время и в советский период оленеводческие бригады состояли из уйльтинско-эвенкийских семей. Тип оленеводства, быт, интересы эвенков и уйльта были сходными. Знание уйльтинского и эвенкийского языков каждым членом бригады считалось нормой. В настоящий момент оленеводство ведется одной родовой уйльтинской общиной. Таким образом, прямой сферы совместной работы эвенков и уйльта для тех, кто живет в поселке, нет. Тем не менее, уйльта отмечают эвенков как «самый близкий народ» из живущих на Сахалине.

В Поронайском районе иллюстрацией взаимоотношений между коренными народами можно считать наличие двух независимых общественных организаций: Общественной организации КМНС Поронайского района и Союза нанайцев, уйльта и эвенков. Одна информантка-уйльта объяснила это тем, что нанайцы, как переселившиеся на остров относительно

недавно, держатся особняком, стараются сохранять внутрисемейные связи, «держатся за свой род». При этом руководитель Союза Галина Тумали посещает собрания Общественной организации, а члены обеих организаций обращаются друг к другу за помощью.

* * *

История сложения современной этнической карты Сахалина с ее самыми разнообразными культурами и идентичностями сложна и полна противоречий, неоправданных государственных решений, конфликтов, но также и уникального опыта мирного сосуществования языков и культур, взаимовыручки людей в сложных ситуациях, взаимопроникновения многих культурных элементов. Множество проблем принесла неразбериха в этнической терминологии, связанная, по сути, с колониальным имперским взглядом на местные аборигенные сообщества – как на монолитные, не имеющие внутреннего деления, как на общества с четко очерченными границами расселения, как на сообщества, которые могут довольствоваться именами, данными им кем-то другим (таковы экзоэтнонимы орочёны, ороки, гиляки, тунгусы). Время и люди, и не в последнюю очередь исследователи, постепенно исправляют ошибки прежних лет и прежних поколений. Хочется верить, что уважительное отношение представителей разных языков и культур друг к другу, дополненное осмысленной национальной политикой, сыграет свою роль в непростом деле обеспечения высочайшего уровня толерантности и стабильности в регионе.

Источники и литература

- Алексеев 1982 — Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и русской Америки. М. 1982.
- В 2014 году ... 2015 — В 2014 году в Сахалинскую область приехали 1024 вынужденных переселенца с Украины // Sakhalin. Info. 22 января 2015 г. <http://www.sakhalin.info/immigrants/99389> Дата посещения 7.02.2015 г.
- В Южно-Сахалинске 2014 — В Южно-Сахалинске состоялся круглый стол «Просвещение: языковая и культурная адаптация мигрантов», // Информационное агентство Новости Федерации regions.ru, 23.04.2014 г. <http://regions.ru/news/2508634/> Дата посещения 29.09.2014 г.

- Вишневский 1994 — Вишневский Н. Отасу, этно-политические очерки. Южно-Сахалинск, 1994.
- Золотарев 1933 — Золотарев А. К вопросу о генезисе классообразования у гиляков // За индустриализацию советского востока, 1933, № 3. С. 28–35.
- Итоги 2002 — Итоги переписи населения 2002 г. <http://www.perepis2002.ru/>
- Итоги 2010 — Итоги переписи населения 2010 г. <http://www.perepis-2010.ru/>
- Кораблин 2005 — Кораблин К.К. Каторга на Сахалине как опыт принудительной колонизации // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. С.72–83.
- Косарев В.Д. Задача со многими неизвестными: Ороки (ульта) в этногенетике тунгусоязычных народов Приамурья // Ainumosiri – Земля людей. Личный сайт Валерия Косарева. <http://kosarev.press.md/Oroks%20Uilta.htm> Дата посещения 10.02.2015 г.
- Крейнович 1955 — Крейнович Е.А. Гиляцко-тунгусо-маньчжурские параллели // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР, 1955. No 8. С.135–167.
- Кузнецов, Миссонова 1991 — Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Ороки Сахалина: проблемы современного развития. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 1991. 18 с. (Серия А «Межнациональные отношения в СССР». Документ № 23).
- Латышев 2008 — Латышев В.М. Сахалинская жизнь Бронислава Пилсудского. Прологомены к биографии. Южно-Сахалинск, 2008.
- Левин 1958 — Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.
- Маевич 1991 — Маевич А. Ороки: прошлое и настоящее. Познать, 1991.
- Маевич 1995 — Маевич А.Ф. Ороки в прошлом и настоящем // Краеведческий бюллетень.1994. No 2. С. 12–13.
- Миссонова 2006 — Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина. Большие проблемы малочисленного народа. М., 2006.
- Нагане Сукехаци 1929 — Нагане Сукехаци. Быт туземцев на Карафуто (айнов, орочен, гиляков). 1929. Архив Сахалинского Областного краеведческого музея, оп.1, №326. 115 л.
- Надо искать 2013 — Надо искать пути мягкой адаптации мигрантов на Сахалине — епископ Тихон. 18 августа 2013 г. Новости@mail.ru со ссылкой на SakhalinMedia <http://news.mail.ru/inregions/fareast/65/society/14373270/>
- Пилсудский 2003 — Пилсудский Б. О. Фольклор сахалинских нивхов. Публикация А.Б. Островского. Южно-Сахалинск, 2003.

- ПМ 2013 — Полевые материалы участников проекта «Этнологическое исследование КМНС Сахалинской области», 2013 г.
- Подпечников 2003 — Подпечников В.Л. О репатриации японского населения с территории Южного Сахалина и Курильских островов // Вестник Сахалинского музея. 2003. №10. С. 257–260.
- Русские Курилы 1995 — Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы, М., 1995.
- Сем 1965 — Сем Ю.А. Проблема происхождения ороков Сахалина // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока. М., 1965.
- Сем 1973 — Сем Ю. А. Материальная культура нанайцев. Владивосток, 1973.
- Смоляк 1973 — Смоляк А.В. Тунгусоязычные компоненты в родовом составе нивхов // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Смоляк 1974 — Смоляк А.В. Родовой состав нивхов в конце XIX - начале XX вв. // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974.
- Смоляк 1975 — Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего амура и Сахалина в XIX – начале XX века. М.: Наука, 1975.
- Сунг-Сук Лим 2011 — Сунг-Сук Лим. Обсуждение значения «возвратной миграции» среди сахалинских корейцев // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2011. С. 261–264.
- Таксами 2000 — Таксами Ч.М. Нивхи // Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 2000.
- Учи узбекский 2013 — Учи узбекский. В сахалинском поселке на трех жителей приходится два мигранта // SmartNews, 29 марта 2013 г. <http://smartnews.ru/regions/sahalin/5864.html> Дата посещения сайта 18.01.2015 г.
- Функ 1999 — Функ Д.А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков юга Западной Сибири в 1980-е–первой половине 1990-х гг. (на примере бачатских телеутов) // Этнографическое обозрение. 1999. №5. С. 109–128.
- Функ и др. 2000 — Функ Д.А., Зенько А.П., Силланпяя Л. Материалы по современной культуре и социально- экономическому положению северной группы уйльта // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14–29.
- Характеристика 2015 — Характеристика населения. Сайт Министерства экономического развития Сахалинской области. <http://mineconom.admsakhalin.ru/?page=215&div=> Дата посещения 12.04.2015 г.

- Численность 2013 — Численность коренных малочисленных народов Севера по этносам на март 2013 г. (по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Сахалинской области). Статистическая справка, предоставленная начальником управления коренных народов Севера аппарата Губернатора и Правительства Сахалинской области Е.А. Королевой.
- Шаховцов 2006 — Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.
- Шренк 1883 — Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883.
- Штернберг 1900 — Штернберг Л.Я. Гиляки. 1900.
- Штернберг 1933 — Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
- Anderson 1983 — Anderson B. *Imagined Communities*. London: Verso, 1983.

Глава 2

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Данные о численности населения, в т. ч. коренных малочисленных народов Севера, Ногликского, Охинского и Поронайского районов получены из официальных публикаций Федеральной службы государственной статистики, документов районных отделов статистики, сданных в архивы соответствующих районов, а также от специалистов районных администраций по вопросам КМНС (подробный перечень источников см. в конце раздела).

К сожалению, в районных архивах не удалось обнаружить значительную часть ежегодных отчетов сельских Советов (администраций) о половом и возрастном составе сельского населения, обычно являющихся наиболее удобным и доступным источником этнодемографических данных. Вместо непрерывных рядов за 1980—2010¹ годы были получены следующие наборы данных о сельском населении:

- по Ногликскому району — за 1985—1988, 1990 и 1992 годы;
- по Охинскому району — за 1982, 1986, 1987, 1990—1992 и 1995 годы;
- по Поронайскому району — за 1986—1988 и 1993 годы.

В фондах районных отделов статистики, сданных в архивы, полностью отсутствуют таблицы по формам ЗВЧН и 2ВЧН (половозрастной состав городского и сельского населения), на данных которых обычно строится анализ половозрастной структуры населения района в целом.

Данные о численности КМНС за 2007—2013 годы получены из районных администраций, фоновые данные о населении районов и Сахалинской области в целом — из бюллетеней Сахалинстата и изданий Федеральной службы государственной статистики.

Указанные выше годы (1982, 1985 и 1986) приняты за начало анализируемого периода для Охинского, Ногликского и Поронайского районов соответственно. Для Сахалинской области в целом за начало периода взят 1984 год — середина периода между всесоюзными переписями населения 1979 и 1989 годов (расчетные данные).

Часть недостающих данных была получена из других архивных документов и этнографических публикаций, часть удалось приблизительно «восстановить»

¹ С 2010 г. сбор статистической отчетности по форме «НС» прекращен, в межпереписные периоды районные администрации ведут списки граждан, относящихся к КМНС, для целей текущего учета.

с использованием статистических методов². Несмотря на то, что результаты расчетов ниже приводятся как точные числа и в ряде случаев действительно близки к таковым, их следует принимать только в качестве оценки численности на конкретную дату, поскольку их точность напрямую зависит от степени достоверности исходных данных. Иногда разные документы содержат различные значения одних и тех же показателей на ту же самую дату, например, согласно бюллетеню Сахалинстата (ЭСР 2009), численность населения Ногликского района на 1 января 2001 года составляла 13,6 тысяч человек, а по данным администрации района, приведенных в работе Л.И. Миссоновой — 14,7 тысяч (Миссонова 2006: 105). Какому источнику следует доверять в конкретном случае, не всегда очевидно.

Отсутствие значительной части обычно легкодоступных источников демографической информации существенно сузило возможности анализа: например, оказалось невозможным проследить изменения в половозрастной структуре КМНС и остального населения рассматриваемых районов, а также построить модель воспроизводства населения. Дополнительно снижает сопоставимость и, соответственно, ценность выводов, сделанных по данным, относящимся к различным периодам, такой фактор, как смена критериев учета возрастных групп: если в конце 1980 — начале 1990 годов верхней границей трудоспособного возраста служил возраст 59 лет для мужчин и 54 года для женщин, то в современной статистике на Сахалине используется возраст льготного выхода на пенсию в районах, приравненных к районам Крайнего Севера.

В документах разных лет встречаются различные наименования для обозначения одних и тех же этнических групп, так, например, оленеводы села Вал могли именоваться *ульта*, *уйльта*, *ороками*, *орочами* и *орочонами*, эвенки иногда учитывались по наименованием *эвены* и т. д. Поэтому для удобства изложения фигурирующие в источниках ороки, орочи (по этнографическим данным, не проживающие на Сахалине вообще (Миссонова 2006: 106)), орочоны далее будут называться «уйльта», эвенки и эвены — «эвенки», единичные негидальцы, удэгейцы, ханты и др. объединены в категорию «другие».

² В зависимости от величины лакуны в данных использовались различные методы, опирающиеся на стандартную для демографии гипотезу о линейном характере изменений значений исследуемого показателя при наличии данных только на начало и конец периода.

Сахалинская область в целом

Диаграмма 1 иллюстрирует изменения численности Сахалинской области в 1984—2013 годы. Рост численности населения, начавшийся в 1960-е годы, в начале 1990-х сменяется стабильным сокращением (сельского населения с 1990 г., городского и полного — с 1991 г.), в первую очередь, в результате миграционного оттока, а также за счет отрицательного естественного прироста. В период с 1 января 1991 г. по 1 января 2013 г. убыль населения составила 222 031 чел.

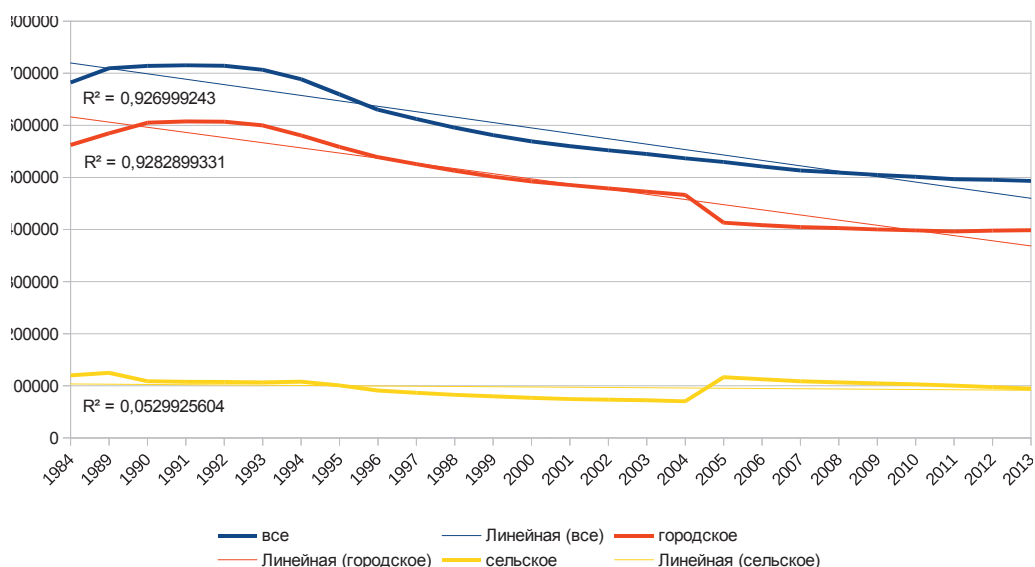

Диаграмма 1. Динамика численности населения Сахалинской области в 1984—2013 годах

Кривые изменения численности полного и городского населения достаточно хорошо (коэффициент детерминации $R^2 > 0,92$) аппроксимируются линейными функциями, таким образом можно обоснованно полагать, что изменения в большей части обусловлены действием постоянного внутреннего фактора (либо совокупностью факторов, суммарный результат которых имеет постоянное направление и близкую к постоянной величину), вклад внешних случайных факторов составляет не более 7 %.

Для кривой изменения численности сельского населения за период с 1984 по 2013 год коэффициент детерминации составляет всего 0,053, однако при

раздельной аппроксимации для периодов с 1984 по 2004 и с 2005 по 2013 год он составляет уже 0,95 и 0,987 соответственно, то есть уменьшение численности сельского населения еще более линейно.

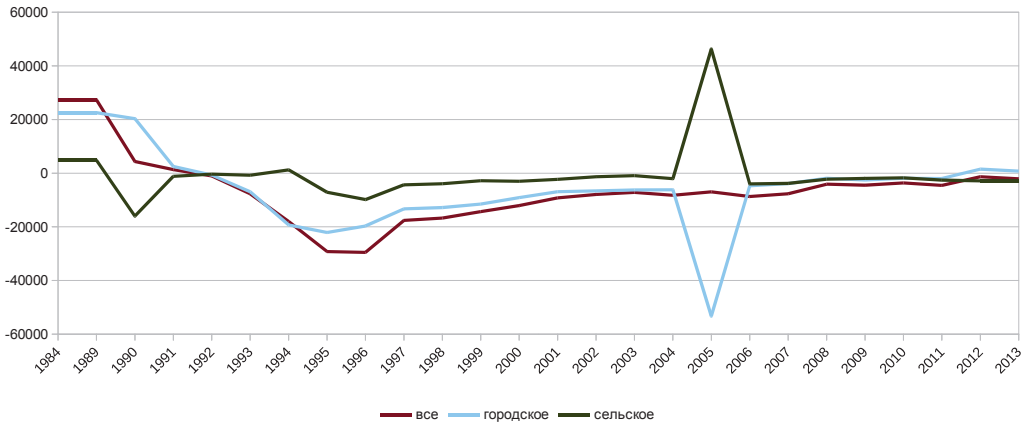

Диаграмма 2. Прирост населения Сахалинской области в 1984—2013 годах (относительно предыдущего года), абсолютные цифры.

Все три кривые демонстрируют постепенное снижение темпов падения численности, а для городского населения в 2012 и 2013 годах впервые с 1991 года зафиксирован прирост (см. также диаграмму 2, симметричные пики на кривых городского и сельского населения в 2005 году соответствуют утрате рядом поселений статуса городских).

Аналогичные областным изменения численности полного и городского населения происходят и в трех обследованных районах: Ногликском, Охинском и Поронайском.

Ногликский район

Численность населения

В таблице 1 представлены все имеющиеся в нашем распоряжении данные — как извлеченные из документов (на тёмно-сером фоне показаны округленные до сотен человек данные Сахалинстата), так и «восстановленные» (показаны на светло-сером фоне) — о численности населения Ногликского района и национальном составе КМНС за период с 1985 по 2013 год. На диаграммах 3, 4 и 5 показано изменение численности городского и сельского населения

района и численности отдельных КМНС (численность нанайцев и «других» не отображена, т. к. вместе они составляют менее 1 % от численности КМНС).

Таблица 1. Динамика численности населения Ногликского района в 1985—2013 годах

Год	Отдельные КМНС					КМНС в районе			Население района		
	нивхи	уйльта	эвенки	нанайцы	другие	город	село	все	городское	сельское	все
1985	79	97	61	1	1		239		14698	3075	17773
1986	58	99	54	1	1		213		14379	3188	17567
1987	68	90	55	1	1		250		14181	3180	17361
1988	66	102	63	0	1		232		14063	3092	17155
1989	69	119	64	0	1		252		13348	3230	16578
1990	72	137	65	1	1		276		13349	3368	16717
1991	71	132	65	1	1		269		13490	3370	16860
1992	71	127	65	1	1		265		14046	3373	17419
1993							258		13855	3145	17000
1994							251		13325	2975	16300
1995							244		12704	2796	15500
1996							237		12317	2860	15177
1997							230		12070	2803	14873
1998							223		11808	2742	14550
1999	24	119	69	5			217		11546	2681	14227
2000	26	114	69	5			214		11299	2624	13923
2001	848	169	85	4	1	895	212	1107	11600	2000	13600
2002	726	136	81	3	2	717	211	951	12303	2229	14738
2003	707	132	79	3	2	727	200	927	11723	2420	14143
2004	689	129	77	3	2	708	195	903	10940	2608	13548
2005	711	133	80	3	2	730	201	931	10800	2800	13600
2006	772	145	87	3	2	793	219	1012	10800	2700	13500
2007	834	156	94	3	2	846	247	1093	10800	2600	13400
2008	833	156	93	3	2	848	244	1092	10900	2500	13373
2009	848	158	93	5	2	887	219	1106	10800	2500	13300
2010	850	157	96	5	1	882	222	1104	10700	1891	13200
2011	851	157	99	6	0	877	244	1121	10757	1850	12607
2012	854	157	103	7	0	880	244	1124	10204	1810	12014
2013	856	155	103	0	8	877	246	1123	10109	1731	11840

На диаграмме 3 видно, что для населения Ногликского района характерна та же тенденция, что и для Сахалинской области в целом: постепенное снижение

численности, при чем численность городского населения снижается быстрее, чем сельского. Все три кривые также достаточно хорошо аппроксимируются линейными функциями (для городского и полного населения $R^2 > 0,92$, для сельского $R^2 \approx 0,75$, что, вероятнее всего, соответствует вкладу временного роста населения села Вал в период строительства объектов проектов Сахалин-1 и Сахалин-2 и последующего сокращения по его окончании). На кривой численности городского населения замечен период замедления темпов его сокращения (2002—2010 годы), затем начиная с 2011 года падение численности восстановилось.

Важно отметить, что данные за 1985—1992 и 1999—2000 годы отражают только численность представителей КМНС, проживающих на территории сельских поселений, а данные за 2001—2013 годы — их численность во всех населенных пунктах района, поэтому далее эти периоды рассматриваются отдельно.

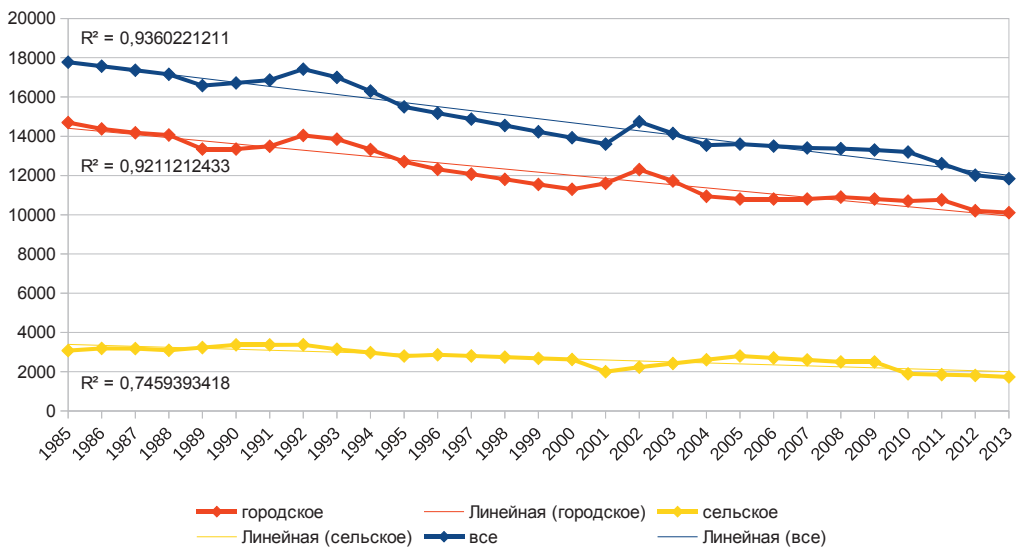

Диаграмма 3. Динамика численности населения Ногликского района в 1985—2013 годах

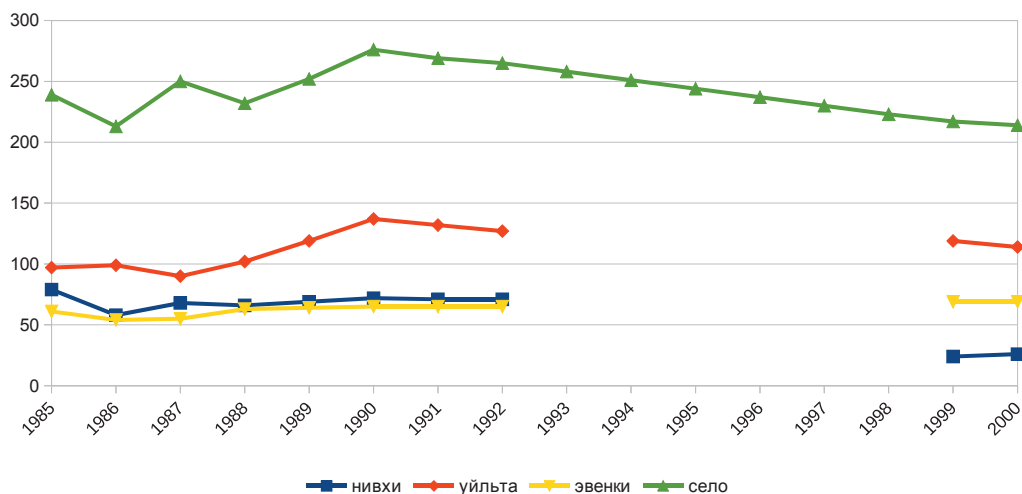

Диаграмма 4. Динамика численности КМНС в Ногликском районе в 1985—2000 годах, сельская местность

В период с 1985 по 1989 численность КМНС в сельской местности (большая часть их проживала в селе Вал) выросла с 239 до 276 человек, затем, предположительно, в 1990 году началось плавное сокращение до 214 человек в 2000 году. При этом характер изменений численности уйльта, с одной стороны, и нивхов и эвенков, с другой, заметно различался. Численность уйльта возросла с 96 до 137 человек с 1985 по 1990 год, затем за два года уменьшилась до 127. Число же нивхов и эвенков было практически постоянно, при чем первые постоянно перераспределялись между населенными пунктами Ногликского сельсовета, селом Вал и поселком Катангли. Судя по полевым материалам, к концу 1990-х часть нивхов переехала в Ноглики.

Семейное фото эпохи Карафута.
Фотография из архива Тэйко Камимура.

Нивхи в японской военной форме.
Фотография из архива Тэйко Камимура.

Памятник жертвам репрессий на о. Южный. Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

На территории бывшего колхоза в п. Некрасовка.
Фото Д.А. Функа, 2013 г.

Жилой дом в старой части п. Некрасовка.
Фото Д.А. Функа, 2013 г.

Жители п. Ноглики у входа в историко-этнографический музей.
Фото предоставлено А.В. Кавозг, 2013 г.

Рыбаки на заливе. Поронайск. Фото К.Г. Шаховцова, 2013 г.

Лов лосося неводом. Ныйский залив. Фото Н.А. Мамонтовой, 2009 г.

Н.Д. Ворбон заготавливает юколу. Ныйский залив.
Фото Н.А. Мамонтовой, 2009 г.

Процесс разделывания нерпы. Ныйский залив.
Фото Н.А. Мамонтовой, 2009 г.

Плетение «косички» из нерпичьих кишок.
Ныйский залив. Фото Н.А. Мамонтовой, 2009 г.

Вяление корюшки. п.Некрасовка.
Фото А.Н. Терехтиной, 2013 г.

Улица в д. Вал. Фото Н.А. Мамонтовой, 2013 г.

Жилой дом в д. Вал. Фото Н.А. Мамонтовой, 2013 г.

Главное богатство уйльта. Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

На оленеводческом стойбище.
Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

В палатке с будущим оленеводом.
Стойбище недалеко от п. Вал. Фото Н.А. Мамонтовой, 2013 г.

Современная палатка оленеводов.
Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Оленевод уйльта. Фото Н.А. Мамонтовой, 2013 г.

«Нефтяной городок» рядом с п. Вал. Фото Н.А. Мамонтовой, 2013 г.

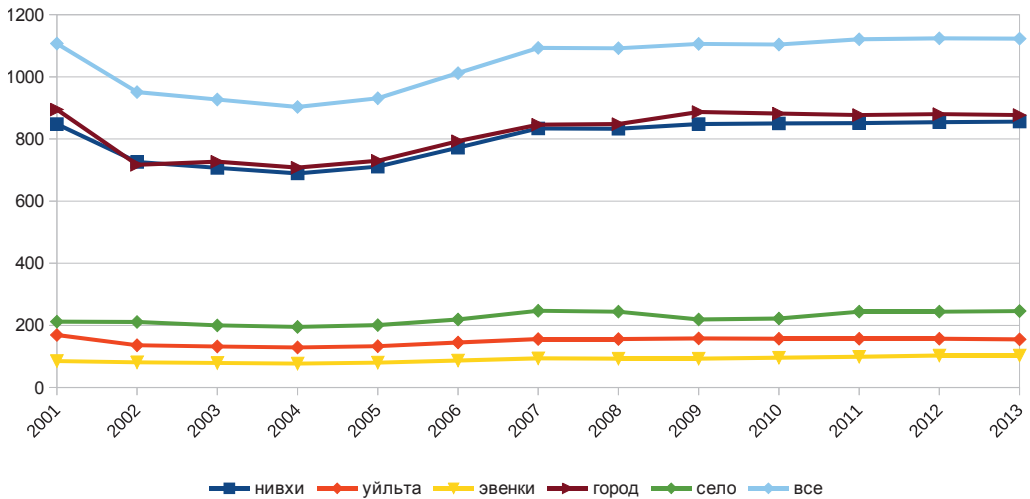

Диаграмма 5. Динамика численности КМНС в Ногликском районе в 2001—2013 годах, городская и сельская местность

Численность нивхов в 2001—2013 годах представляется стабильной: по документально подтвержденным данным (за 2001, 2009, 2012 и 2013 годы), она варьирует от 848 до 856 человек, также стабильна их доля в общей численности КМНС (75,98—76,99 %, среднее 76,37 %). Численность уйльта медленно снижается от 169 человек 2001 до 155 в 2013 году (соответственно уменьшается их доля от КМНС — с 15,27 % до 13,8 %), а эвенков — растет с 85 до 103 человек (доля от КМНС — с 7,68 % до 9,17 %). Это позволяет приблизительно восстановить отсутствующие данные за 2002—2008 годы, используя данные об общей численности КМНС (результат³ приведен в таблице 1).

Имеющиеся документы не позволяют дать убедительное объяснение снижению численности КМНС на 156 человек в течение 2001 года на фоне роста и последующего практически полного восстановления к началу 2007. Данные за 2002 и 2004—2005 годы получены из отчетов Ногликской ЦРБ (Ногликская ЦРБ Отчет 2002, л. 1; Ногликская ЦРБ Отчет 2004, л. 51; Ногликская ЦРБ Отчет 2005, л. 24) и, возможно, занижены в силу тех или иных причин.

Большая часть нивхов (813 из 848 человек в 2009 году; 810 из 854 человек в 2012 году) проживает в городской местности (поселок Ноглики), уйльта же

³ Сравнение общей численности КМНС, рассчитанной таким образом, с документально зафиксированными значениями показывает, что модель дает результат отличающийся от реального в среднем на 0,41 %, как правило, в меньшую сторону (типичное отклонение составляет –3 человека).

преимущественно на селе (111 из 157 человек в 2012 году проживали в селе Вал), среди эвенков городские жители составляют чуть более половины (55 из 103 человек в 2012 году).

Половозрастная структура

Учитывая сказанное выше о недостаточности источниковой базы для реконструкции изменений половозрастной структуры населения района, приходится ограничиться отдельными наблюдениями.

В таблице 2 представлено распределение населения села Вал по полу и возрасту в 1990, 1992 и 2012 гг., на диаграмме 6 — графически⁴ изображена рассчитанная по данным таблицы половозрастная структура по трем группам: все население, КМНС (с разбивкой по группам нивхов, уйльта и эвенков) и не-КМНС. Высота столбцов соответствует доле каждой половозрастной группы в общей численности лиц того же пола, то есть доли девочек (0—15 лет), женщин трудоспособного (16—54 года) и пенсионного (55 лет и старше) возраста рассчитана от числа женщин, а доля мальчиков и т. д. — от числа мужчин, доли мужчин и женщин рассчитаны от полной численности населения. Такой подход позволяет сравнивать между собой структуры групп независимо от их численности. Попутно отметим, что хотя в нашем распоряжении не было сравнительных, столь же полных данных о распределении населения с. Вал по полу и возрасту за иные годы, все же для дополнительной верификации использовались данные за 1998 и 1999 годы, опубликованные в (Функ и др. 2000: 16–18).

Таблица 2. Распределение населения села Вал по полу и возрасту в 1990, 1992 и 2012 годах

Год	Группа населения	Всего	Мужчины				Женщины			
			0—15	16—59	60 и старше	всего	0—15	16—54	55 и старше	всего
1990	Все население	2349	280	834	15	1129	360	828	32	1220
1992	Все население	2304	351	771	26	1148	295	795	66	1156
	КМНС, в т. ч.	234	48	62	2	112	46	70	6	122
	нивхи	42	10	7	0	17	9	15	1	25
	уйльта	126	28	41	0	69	21	33	3	57
	эвенки	64	10	13	1	24	16	22	2	40

⁴ Здесь и далее на диаграммах половозрастной структуры используются следующие обозначения: М — мужчины, F — женщины, цифры указывают нижнюю и верхнюю границы возрастных групп, знак «+» читается «и старше».

Год	Группа населения	Всего	Мужчины				Женщины			
			0—15	16—59	60 и старше	всего	0—15	16—54	55 и старше	всего
2012	КМНС, в т. ч.	218	18	74	3	95	37	61	25	123
	нивхи	44	4	13	2	19	8	13	4	25
	уйльта	111	8	47	0	55	18	26	12	56
	эвенки	60	6	12	1	19	11	21	9	41

Хотя КМНС в 1992 году составляли около 10 % населения села Вал, их вклад в общую половозрастную структуру тем не менее заметен как изменение соотношения численности детей и лиц трудоспособного возраста. Хорошо видно, что у КМНС как в целом, так у каждой группы в отдельности, значительно выше доля детей обоего пола, чем у остальной части населения, также у них ниже доля лиц пенсионного возраста, т. е. в целом население КМНС моложе и его структура выглядит более благополучной с точки зрения возможностей естественного воспроизводства, чем структура остального населения.

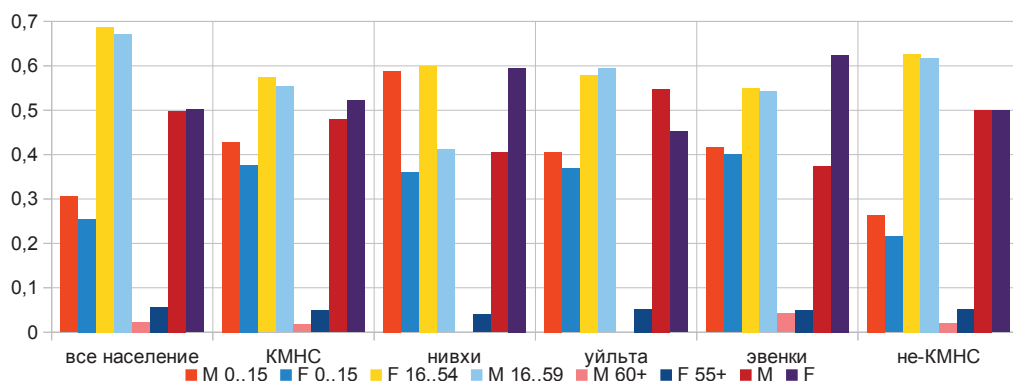

Диаграмма 6. Половозрастная структура населения села Вал в 1992 году

Масштаб и характер произошедших за двадцать лет изменений позволяет оценить диаграмма 7 (показаны изменения только у КМНС, так как информация о половозрастной структуре сельского населения более не собирается). Доля детей обоего пола в составе каждого из трех КМНС сократилась как минимум на 10 процентных пунктов, доля же мужчин в трудоспособном возрасте выросла более, чем на 20. Также увеличилась доля женщин пенсионного возраста у всех групп, мужчин — у всех кроме уйльта.

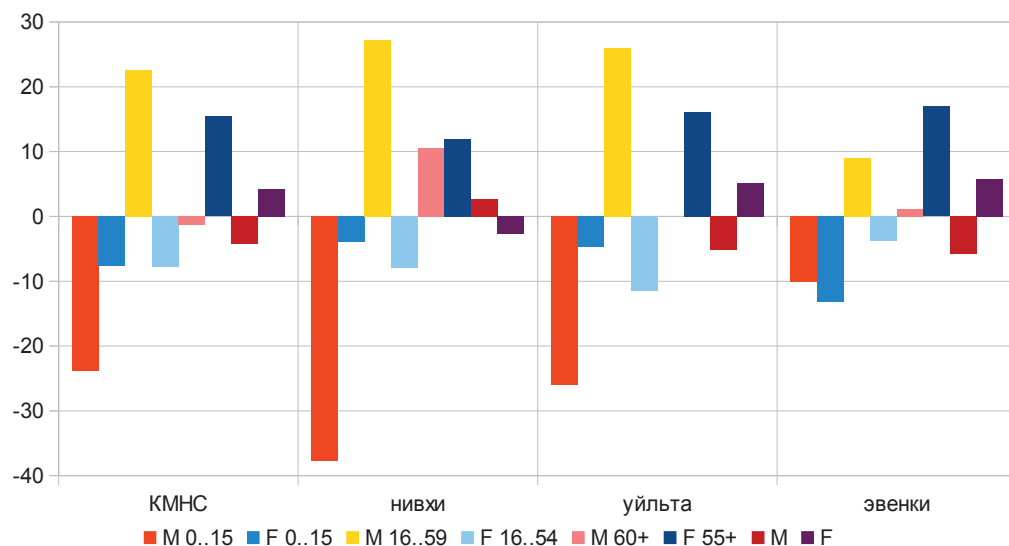

Диаграмма 7. Изменения половозрастной структуры КМНС села Вал, данные 2012 года в сравнении с данными 1992 года, в процентных пунктах

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о естественном и механическом движении населения слишком фрагментарны для сколько-нибудь обоснованного моделирования: в материалах Ногликского районного отдела статистики имеются сведения об обоих видах движения населения в разрезе сельских Советов за 1992—1994 годы, также есть данные о рождаемости и смертности у КМНС за 2006, 2007 и 2010—2012 годы, полученные в администрации района. В качестве наблюдательного факта можно отметить, что, по отчетам районного отдела статистики, смертность среди всего населения достоверно превысила рождаемость в течение 1994 года. Тенденция к сокращению населения за счет миграционного оттока, очевидно, сформировалась несколькими годами ранее.

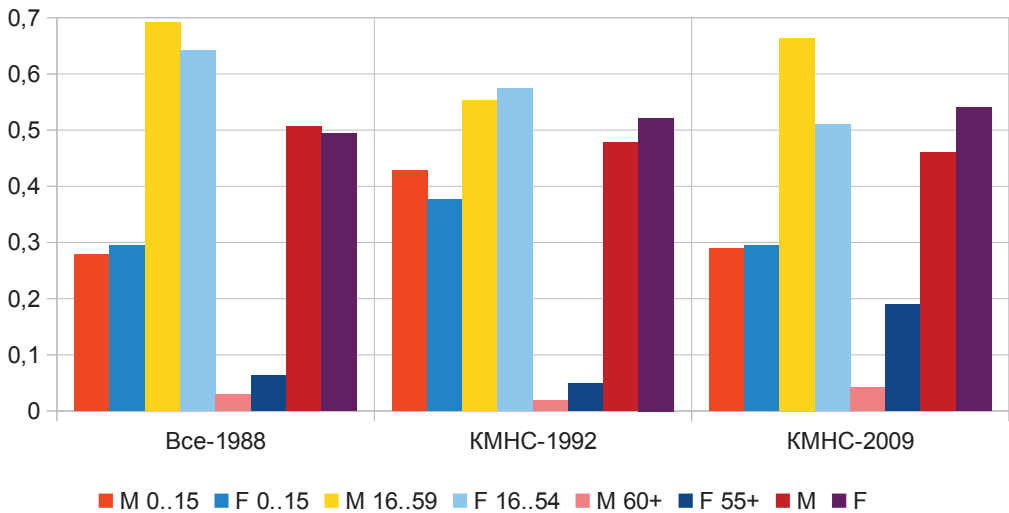

Диаграмма 8. Результат изменения половозрастной структуры КМНС с конца 1980-х по конец 2000-х годов

На диаграмме 8 показаны усредненная половозрастная структура сельского населения Ногликского района за 1985—1992 годы (Все-1988), половозрастная структура КМНС на 1992 год (КМНС-1992) и усредненная для КМНС за 2007—2012 годы (КМНС-2009). Видно, что современная структура КМНС изменилась и приобрела некоторые черты сходства с структурой сельского населения рубежа 1980—1990 годов, однако предложить объяснение, какие именно процессы привели к такому результату, на данный момент невозможно. Вероятно, более продолжительные полевые исследования и архивные разыскания позволили бы ответить на этот и ряд других вопросов, например, почему население Ногликского района из числа КМНС демонстрирует демографическую динамику, совершенно отличную от остальной части населения (население района сокращается, а численность КМНС остается стабильной либо медленно растет).

Охинский район

Численность населения

В таблице 3 представлены все имеющиеся в нашем распоряжении данные о численности населения Охинского района и национальном составе КМНС за период с 1982 по 2013 год (на светло-сером фоне показаны «восстановленные» данные, на тёмно-сером — данные Сахалинстата).

Таблица 3. Динамика численности населения Охинского района в 1982—2013 годах

год	Отдельные КМНС					КМНС в районе			Население района		
	нивхи	уйльта	эвенки	нанайцы	другие	город	село	все	город-ское	сель-ское	все
1982	803	8	14	1	1		827		48319	7505	55824
1983	792	8	20	2	1		823		48738	7512	56250
1984	789	8	22	3	2		824		48878	7514	56392
1985	786	8	24	4	2		824		49018	7516	56534
1986	776	9	30	6	3		824		49436	7524	56960
1987	795	6	29	4	3		837		49632	7647	57279
1988	800	6	25	2	4		837		49883	7539	57423
1989	805	6	22	2	4		839		50134	7434	57567
1990	811	7	19	1	6		844		50386	7327	57713
1991	809	5	15	1	1		831		50367	7546	58183
1992	834	10	9	1	1		856		48403	7412	55815
1993	838	8	10	1	1		858		45449	6815	52264
1994	842	8	11	2	1		864		43455	6227	49682
1995	847	7	13	3	2		872		41462	5631	47093
1996									39469	5492	44961
1997									37478	5343	42821
1998									36261	5123	41384
1999									34699	4378	39077
2000									33162	3644	36806
2001									31600	2900	34500
2002									29950	3650	33600
2003									29400	3900	33300
2004									28850	4150	33000
2005									27200	4900	32100
2006									26900	4600	31500
2007									26600	4300	30900
2008						515	810	1325	26400	4000	30400
2009						524	825	1349	26149	3727	29876
2010	943					601	822	1422	25927	3503	29430
2011	1127					623	810	1442	24138	3081	27219
2012	1312	18	86	6	0	644	801	1454	22349	2660	25009
2013	1346	9	79	7	14			1455	21830	2517	24347

На диаграмме 9 показана динамика изменения численности населения Охинского района с 1982 по 2013 год. Как видно из таблицы 3, точные данные о численности населения района и городских поселений за 1987—1995 годы отсутствуют. Поэтому кривая численности городского населения была

построена исходя из предположения, что дата начала массового оттока горожан в Охинском районе совпадает с датой по Сахалинской области в целом (1992 год). Кривая численности сельского населения более достоверно отображает изменения его численности, т. к. в соответствующих данных пропусков заметно меньше. Даже если дата смены направления прироста городского населения определена неверно, ошибка вряд ли может превышать два года⁵, а форма гипотетической кривой достаточно хорошо согласуется с кривой, построенной исключительно по документальным данным.

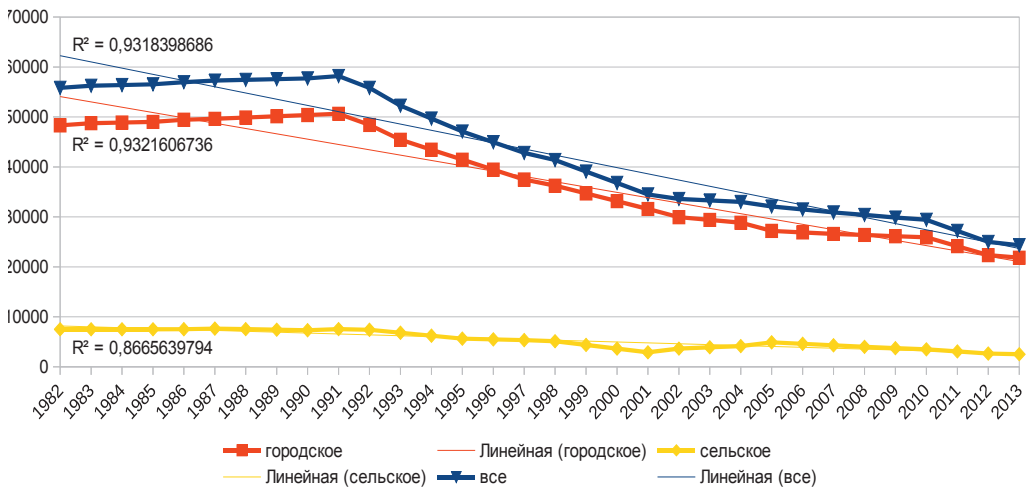

Диаграмма 9. Динамика численности населения Охинского района в 1982—1995 и 2009—2013 годах

Для населения Охинского района характерна та же тенденция, что и для области в целом: рост численности городского и полного населения в начале 1990-х сменяется быстрым сокращением, замедляющимся в начале 2000-х годов. Разница состоит в том, что в Охинском районе после 2010 года сокращение городского населения вновь ускорилось, в то время как в области в целом численность горожан практически стабилизировалась. На диаграмме 10 представлена динамика численности КМНС за 1982—1995 и 2010—2013 годы. Разрыв в данных обусловлен как сменой принципов учета (включением данных о городском населении), так недостатком данных за период с 1996 по 2009 год.

⁵ На протяжении всего 1991 года Охинский районный отдел статистики фиксировал отрицательный миграционный прирост как в сельской, так и в городской местности (Сводки 1991).

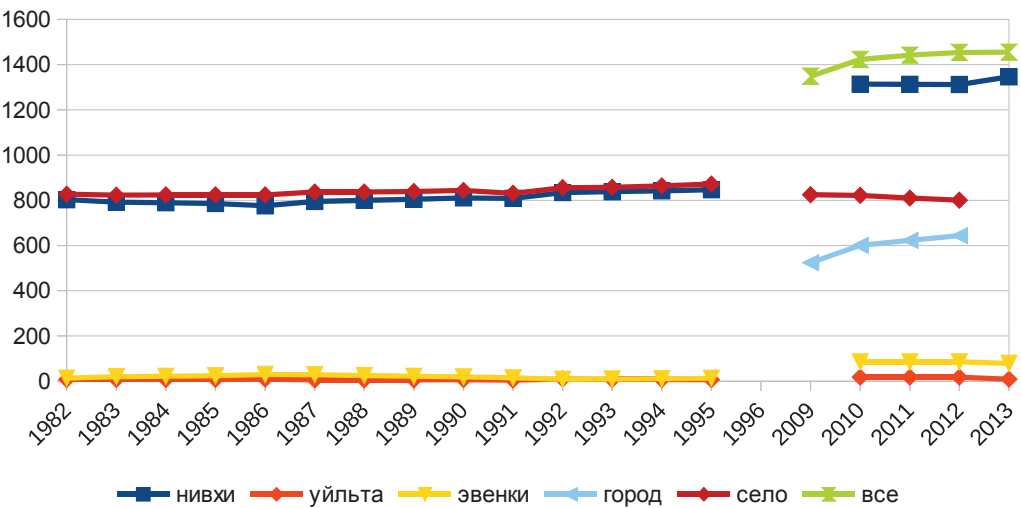

Диаграмма 10. Динамика численности КМНС в Охинском районе в 1982—1995 и 2010—2013 годах

В период с начала 1980-х по середину 1990-х годов численность КМНС в сельской местности, в первую очередь, нивхов, характеризовалась медленным ростом. Об их численности городской в местности за этот период нет данных. В течение последних четырех лет (данные за период с 1996 по 2009 год обнаружить не удалось) отмечается рост горожан и одновременное сокращение числа сельских жителей среди КМНС, что, вероятнее всего, свидетельствует о переселении все большей части их представителей в город Оху.

Половозрастная структура

В таблице 4 представлены данные о распределении КМНС в сельской местности Охинского района по полу и возрасту в 1992 и 1995 годах.

Таблица 4. Распределение КМНС в сельской местности Охинского района по полу и возрасту в 1992, 1995, и 2008—2012 годах

Год	Группы населения	Всего	Мужчины				Женщины			
			0—15	16—59	60 и старше	всего	0—15	16—54	55 и старше	всего
1992	Все население	7412	1099	2375	167	3641	1036	2309	426	3771
1992	КМНС, т. ч.	856	164	213	11	388	175	260	33	468
1992	нивхи	834	162	209	11	382	171	249	32	452
1992	уйльта	10	0	3	0	3	2	4	1	7

Год	Группы населения	Всего	Мужчины				Женщины			
			0—15	16—59	60 и старше	всего	0—15	16—54	55 и старше	всего
1992	эвенки	9	1	1	0	2	1	6	0	7
1995	Все население	5631	716	1859	187	2762	696	1719	454	2869
1995	КМНС, т. ч.	872	174	210	13	397	179	260	36	475
1995	нивхи	847	173	204	13	390	178	243	36	457
1995	уйльта	7	0	2	0	2	0	5	0	5
1995	эвенки	13	1	1	0	2	1	10	0	11
2008	КМНС	1325	192	372	40	614	170	396	122	688
2009	КМНС	1349	184	403	40	627	187	409	126	722
2010	КМНС	1423	206	390	73	669	200	432	125	757
2011	КМНС	1442	206	416	54	676	210	431	127	768
2012	КМНС	1454	194	440	50	684	213	458	99	770

На диаграмме 11 графически представлена половозрастная структура КМНС Охинского района в начале и середине 1990-х и в 2008—2012 годах, высота столбцов гистограммы для каждого года рассчитана по данным таблицы 4 и соответствует доле каждой половозрастной группы от общего числа лиц того же пола (см. пояснение к таблице 2).

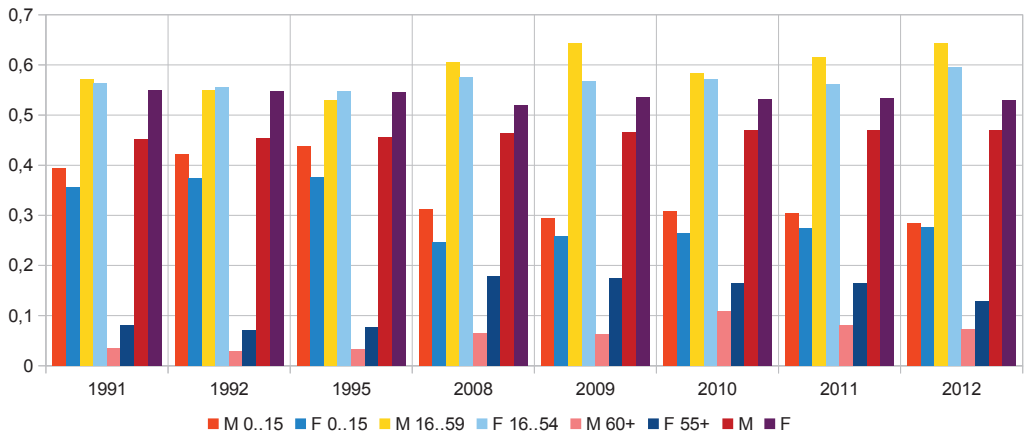

Диаграмма 11. Половозрастная структура КМНС в Охинском районе в 1991—1995 и 2008—2012 годах

Наиболее заметным изменением является сокращение долей детей в численности мужчин и женщин. Увеличение доли старших возрастов в значительной мере обусловлено изменившимися принципами учета: в отчетах первой половины 1990-х верхняя граница трудоспособного возраста составляла

60 лет для мужчин и 55 лет для женщин, в настоящее время граница понижена до 55 и 50 лет соответственно. Более наглядно характер произошедших изменений на примере половозрастной структуры нивхов села Некрасовка иллюстрирует диаграмма 12.

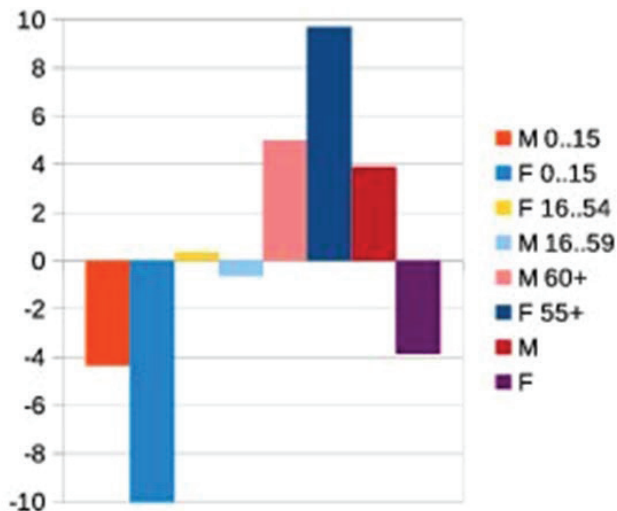

Диаграмма 12. Величина и направление изменений в половозрастной структуре нивхов села Некрасовка с 1991 по 2009 год, процентные пункты

Хотя женщин среди нивхов по-прежнему больше, чем мужчин, их доля в общей численности сократилась почти на четыре процентных пункта. Заметно изменились доли детей и лиц старшего возраста, причем разнонаправленно, в итоге некрасовские нивхи как население «постарели»: доли мужчин и женщин старше 59 и 54 лет соответственно выросли приблизительно на пять и десять процентных пунктов, в то же время доли мальчиков и девочек сократились практически на такую же величину.

Поронайский район

Численность населения

В таблице 5 представлены все имеющиеся в нашем распоряжении данные о численности населения Поронайского района и национальном составе КМНС за период с 1986 по 2013 год (на желтом фоне показаны «восстановленные» данные, на сером — данные Сахалинстата).

Таблица 5. Динамика численности населения Поронайского района в 1986—2013 годах

год	Отдельные КМНС					КМНС в районе			Население района		
	нивхи	уйльта	эвенки	нанайцы	другие	город	село	все	город	село	все
1986	2	1	0	3	0		6			3957	
1987	2	1	0	4	0		7			3949	
1988	2	1	0	1	0		4			3977	
1989									40176	4049	44225
1990									43257	4122	47379
1991								359	35102	4089	39191
1992								423	34360	4057	38417
1993	149	194	12	125	7			487	34157	3486	37643
1994	151	190	14	121	7			483	33954	2915	36869
1995	152	186	15	118	7			478	33751	2343	36094
1996	155	182	18	115	8			478	33548	1772	35320
1997	157	178	20	111	8			474	33345	1201	34546
1998	158	174	21	108	8			469	33142	630	33722
1999	161	171	24	105	9			470	32939	2522	35461
2000	158	163	24	110	8			463	30669	2111	32780
2001	152	164	28	111	8	416	47	463	28400	1700	30100
2002	181	184	25	117	8			497	25362	3875	29237
2003	189	187	26	117	7			526	24350	4600	28950
2004	192	188	27	117	7			531	23337	5325	28662
2005	195	189	27	117	7			551	20300	7500	27800
2006	204	192	29	117	7	538	11	549	19950	7400	27305
2007	201	189	32	120	7			549	19600	7300	26900
2008	201	188	33	121	7			550	19300	7200	26500
2009	200	187	34	122	7			554	19190	7103	26293
2010	198	185	37	125	7			552	19019	6990	26009
2011	216	200	37	117	7			577	17407	6213	23620
2012	218	203	38	118	7			584	15768	5436	21231
2013	231	217	39	115	12			609	17536	5297	22833

На диаграмме 13 показана динамика изменения численности городского и сельского населения района. Несмотря на то, что формы кривых заметно отличаются от кривых, построенных по данным для Ногликского и Охинского районов, они описывают аналогичную тенденцию в движении населения — стабильное, практически линейное, сокращение численности, начиная с рубежа 1980-х и 1990-х годов. При аппроксимации кривых для полного и городского населения линейными функциями коэффициент детерминации $R^2 > 0,93$. Для сельского населения $R^2 < 0,4$, что можно, на первый взгляд, интерпретировать как отсутствие внутренней закономерности, которую можно

было бы представить с помощью линейной аппроксимации. Однако даже в условиях недостатка достоверных данных видно, что после каждого увеличения численности тенденция к сокращению восстанавливается.

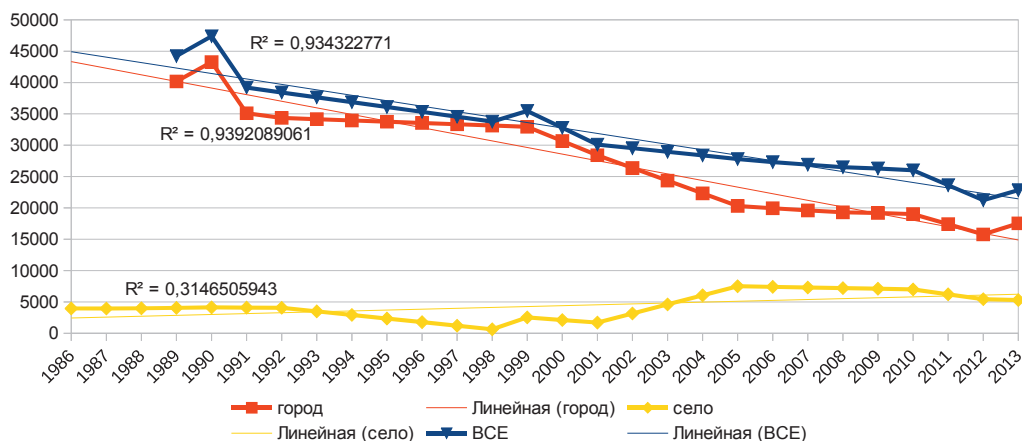

Диаграмма 13. Динамика численности населения Поронайского района в 1986—2013 гг.

На диаграмме 14 представлены изменения за последние двадцать лет. Данные 1986—1988 годов не бы отражены, т. к. описывают только численность КМНС среди сельского населения, в то время как характерной особенностью КМНС Поронайского района является сосредоточение почти все их представителей в городе Поронайске (включая остров Южный). Данные за 1989—1992 годы обнаружить не удалось⁶.

⁶ Есть только сведения об общей численности КМНС района в 1991 году — 359 человек (Список за 1989–1995, л. 4).

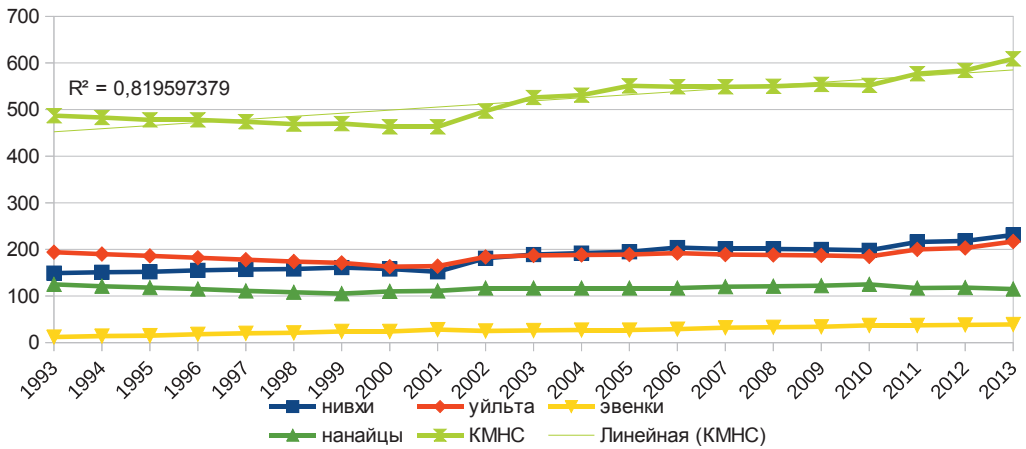

Диаграмма 14. Динамика численности КМНС в Поронайском районе в 1993—2013 годах

Общая численность КМНС в районе демонстрирует тенденцию к росту, близкую к линейной ($R^2 \approx 0,82$), но имеющую некоторые особенности, обусловленные специфическими демографическими процессами, протекающими у отдельных КМНС. Видно, что если численность нанайцев представляется практически постоянной (колеблется от 105 до 125 человек при среднем значении 116 человек) на протяжении всего рассматриваемого периода, то численность нивхов, уйльта и эвенков демонстрирует более сложную динамику, для объяснения которой имеющихся в нашем распоряжении демографических данных недостаточно.

Например, численность эвенков стабильно увеличивается и за прошедшие двадцать лет возросла более чем втрое: с 12 человек 1993 году до 39 в 2013. Численность уйльта в период с 1986 по 2001 год демонстрировала явную тенденцию к сокращению, однако с 2002 года начался плавный рост, и уйльта не только восстановили свою численность, но и увеличили ее на 23 человека. Численность же нивхов практически непрерывно росла и к 2003 году превысила численность уйльта на 17 человек, хотя в начале периода была на 45 человек меньше.

Для описания всех этих явлений можно предложить вполне реалистичные модели естественного воспроизводства в рамках стационарного населения, но на данном этапе их объяснительная сила будет пренебрежимо мала, т. к. исходная посылка о стационарности заведомо неверна, а скорректировать модель с учетом миграции и других факторов (в т. ч. так называемого «недемографического прироста» — изменения этнической самоидентификации

лицами, рожденными в смешанных семьях в пользу принадлежности в КМНС) не представляется возможным из-за недостатка данных.

Половозрастная структура

В имеющихся документах нет данных, позволяющих сопоставить половозрастную структуру КМНС и остального населения района: сведения о КМНС описывают ситуацию на 2006 год, о сельском населении имеются данные за 1986, 1988, 1990 и 1992 годы, о городском таких данных нет вообще. Подробные данные о естественном и механическом движении населения были обнаружены в материалах районного отдела статистики только за 1995 и 1996 годы. О движении населения в остальные годы можно косвенно судить по разности численности населения, чего недостаточно для выявления тенденций воспроизводства как населения района в целом, так и отдельных КМНС.

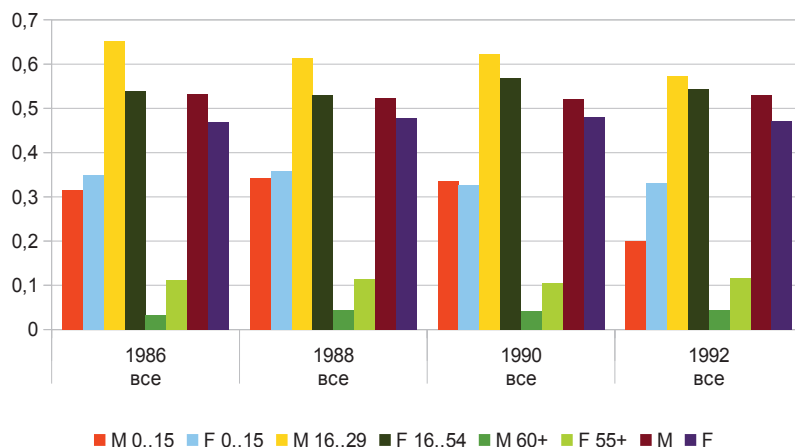

Диаграмма 15. Половозрастная структура сельского населения Поронайского района в 1986, 1988, 1990 и 1992 годах, все население

На диаграмме 15 представлена половозрастная структура сельского населения района на рубеже 1980—1990-х годов. Можно предположить, что она была относительно стабильна до конца 1980-х. В 1988 году структура населения Поронайского района была весьма близка к структуре населения Ногликского (1988) и Охинского (1991) районов. Изменения, видимые на гистограмме 1992 года, вероятно, отражают формирующуюся общую для Сахалинской области тенденцию сокращения населения, как за счет снижения рождаемости, так и за счет миграционного оттока. Неравномерное участие мужчин и женщин разных возрастов в миграционных процессах должно было

привести к изменению их долей в общей численности населения. В 1995 и 1996 годах женщины составляли соответственно примерно 62 % и 55 % прибывших в сельскую местность и 33 % и 66 % (в среднем 49,5 %) выбывших. Если подобное соотношение имело место и ранее, оно вполне могло привести к наблюдаемым изменениям — сокращению доли мальчиков и примерному выравниванию долей трудоспособных мужчин и женщин.

Вероятно, близкая к современной половозрастная структура КМНС представлена на диаграмме 16. В отличие от остальных гистограмм, эта показывает относительные доли не трех, а девяти возрастных групп по трем наиболее многочисленным КМНС.

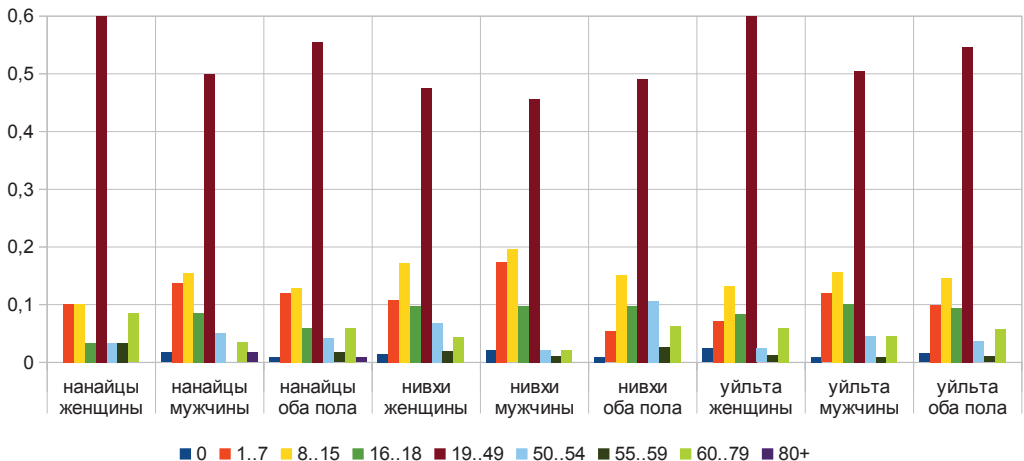

Диаграмма 16. Половозрастная структура КМНС Поронайского района в 2006 году

Доминирование группы 19—49-летних является закономерным следствием как принципа группирования возрастов в конкретном отчете (неравномерное распределение), так и того, что средняя продолжительность жизни в 2006 году составляла 45 лет, что объясняет малочисленность возрастных групп старше 50 лет. В целом половозрастная структура представляется благоприятной для поддержания численности даже в гипотетических условиях замкнутого населения⁷: суммарная доля младших возрастов (0—18 лет) у каждого из

⁷ Репродуктивно замкнутое население — группа, заключающая браки только с лицами, входящими в нее. Ни один из КМНС Поронайского района в отдельности, ни КМНС как единая группа не образуют замкнутого населения: межэтнические браки заключаются как между представителями разных КМНС, так и представителями КМНС с представителями других этнических групп (корейцами, русскими и др.).

КМНС в отдельности превышает 30 %, у нивхов же она превышает 39 %, доли детей (0—7 лет) и подростков (8—18 лет) у большинства КМНС превышает 12 % и 18 % соответственно.

Заключение

Все три района демонстрируют сходные тенденции движения городского и сельского населения: численность и того, и другого постепенно снижается, в первую очередь, за счет отрицательного миграционного прироста, однако темп сокращения городского населения значительно превосходит темп сельского (отмеченный в Поронайском районе рост сельского населения является следствием административных преобразований, а не демографических процессов).

Также для КМНС всех трех районов характерна демографическая динамика, отличная от динамики остального населения: при общем сокращении населения численность КМНС растет, КМНС в целом как население моложе их иноэтничного окружения, нет признаков выравнивания их половозрастной структуры с структурой не-КМНС. В репродуктивном отношении они не являются замкнутым населением, что позволяет им нивелировать эффекты малой численности. Рекрутируя брачных партнеров из числа представителей других этнических групп (корейцев, русских и др.) и передавая детям от таких браков свою этническую идентичность, они могут демонстрировать более высокие темпы расширенного воспроизводства, чем те, которые можно было бы ожидать, учитывая низкую среднюю продолжительность жизни и высокую смертность в репродуктивном возрасте.

Источники

Годовые отчеты о половом и возрастном составе сельского населения на 1 января 1985 года — АНР, ф. 6, оп. 1, е.х. 385.

Годовые отчеты о половом и возрастном составе сельского населения на 1 января 1986 года — АНР, ф. 6, оп. 1, е.х. 407.

Годовые отчеты о половом и возрастном составе сельского населения. 1987 — АОР, ф. 19, оп. 1, е.х. 298.

Годовые отчеты о половом и возрастном составе сельского населения за 1989 год — АОР, ф. 19, оп. 1, е.х. 333.

Годовые отчеты о половом и возрастном составе сельского населения за 1990 год — АОР, ф. 19, оп. 1, е.х. 354.

Годовые отчеты о половом и возрастном составе сельского населения за 1991 год — АОР, ф. 19, оп. 1, е.х. 379.

- Годовые отчеты о половом и возрастном составе сельского населения, 1985 год — АПР, ф. 35, оп. 1, е.х. 503.
- Годовые отчеты о половом и возрастном составе сельского населения за 1986 год — АПР, ф. 35, оп. 1, е.х. 521.
- Годовые отчеты о половом и возрастном составе сельского населения на 1 января 1987 года — АПР, ф. 35, оп. 1, е.х. 555.
- Годовые отчеты сельских Советов о половом и возрастном составе сельского населения за 1982 г. — АОР, ф. 19, оп. 1, е.х. 298.
- Единовременный отчет о половом и возрастном составе сельского населения на 1 января 1990 года — АНР, ф. 6, оп. 1, е.х. 472.
- Единовременный отчет о половом и возрастном составе сельского населения на 1 января 1992 года — АНР, ф. 6, оп. 1, е.х. 524.
- Ногликская ЦРБ Отчет 2002 — Ногликская ЦРБ: Отчет о работе лечебно-профилактического учреждения за 2002 г. — АНР, ф. 23, оп. 1, е.х. 165.
- Ногликская ЦРБ Отчет 2004 — Ногликская ЦРБ: Отчет о работе лечебно-профилактического учреждения за 2004 г. — АНР ф. 23, оп. 1, е.х. 173.
- Ногликская ЦРБ Отчет 2005 — Ногликская ЦРБ: Отчет о работе лечебно-профилактического учреждения за 2005 г. — АНР, ф. 23, оп. 1, е.х. 180.
- Основные показатели жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера на 01.01.2009 г. муниципального образования «Городской округ Ногликский».
- Основные показатели жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области на 01.01.12 г., 01.01.2013 (Ногликский район).
- Основные показатели жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера муниципального образования городской округ «Охинский» на 01.01.2012 г.
- Сводки 1991 — Сводки данных, акты регистрации о механическом движении населения за 1991 год — АОР, ф. 19, оп. 1, е.х. 377.
- Сводки данных единовременного учета сельского населения (ф. 9-с) на 1 января 1987 года — АНР, ф. 6, оп. 1, е.х. 429.
- Сельские населённые пункты Сахалинской области. Статистический бюллетень. Южно-Сахалинск: Сахалинстат, 2013.
- Список за 1989–1995 — Список народностей Севера Поронайского района за 1989—1995 годы — АПР, ф. 137, оп. 1, е.х. 4.
- Численность народов Севера по сельским населенным пунктам и школам на 1 января 1991 года — АНР, ф. 6, оп. 1, е.х. 502.

- Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 года. М.: Росстат, 2009.
- Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 года. М.: Росстат, 2010.
- Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2012 года. М.: Росстат, 2012.
- Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. М.: Росстат, 2013.
- Численность населения Сахалинской области 2003-2013 годы. Сахалинстат // http://sakhalinstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakhalinstat/resources/5dd89d804fa2c101be8cbeca6ff6f188/Численность+населения+Сахалинской+области+2003-2013+годы.htm
- Экономическое и социальное развитие районов проживания коренных малочисленных народов Севера, 2005, 2008, 2009 гг. Статистический бюллетень. Южно-Сахалинск: Сахалинстат, 2010.
- ЭСР 2009 — Экономическое и социальное развитие районов проживания коренных малочисленных народов Севера, 2000, 2007, 2008 гг. Статистический бюллетень. Южно-Сахалинск: Сахалинстат, 2009.

Литература

- Миссонова 2006 — Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука, 2006.
- Функ и др. 2000 — Д. А. Функ, А. П. Зенько, Л. Силланпяя. Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14–29.

Глава 3

СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

Данная глава основана преимущественно на статистических данных, любезно предоставленных нам районными администрациями области. Положение коренных народов в Охинском, Ногликском и Поронайском районах оценивается по следующим показателям: продолжительность жизни, динамика заболеваемости, трудоустройство, образование и состояние жилищного фонда. Приводятся также мнения и комментарии опрошенных нами жителей поселков.

Охинский район

По состоянию на 1 марта 2013 г. в Охинском районе числилось 1454 чел. из числа коренных малочисленных народов Севера: в основном это нивхи (1345 чел.), эвенки (79 чел.), а также по несколько представителей других групп. Местом проживания нивхов является преимущественно с. Некрасовка, в то время как остальные жители из числа КМНС зарегистрированы в г. Оха. В половозрастной структуре населения преобладают находящиеся в трудоспособном возрасте, несовершеннолетними являются 495 чел., а людей пенсионного возраста насчитывается 147 чел., из которых только пятеро старше 76 лет. Последнее обусловлено тем, что средняя продолжительность жизни коренных народов в Охинском районе — 55 лет (Распределение 2012, Таблица по этносам 2013).

Таблица 1. Распределение КМНС по населенным пунктам Охинского района (по состоянию на 1 марта 2013 г.)

№ п/п	Муниципальное образование, населенный пункт	Коренные малочисленные народы Севера, в том числе:					Общая численность
		нивхи	уильчи ¹	эвенки	нанайцы	ороки	
1.	г. Оха	547	5	74	6	12	644
2.	с. Некрасовка	708	4	5	1	2	720
3.	с. Москальво	46	—	—	—	—	46
4.	с. Рыбное	34					34
5.	с. Рыбновск	10					10
	Всего:	1345	9	79	7	14	1454

¹ Так в оригинале.

Низкая продолжительность жизни связана отчасти с высоким уровнем заболеваемости, в том числе характерными для Севера болезнями, к которым относится, например, туберкулез, включая его открытую форму. В поселках периодически проводятся флюорографические обследования и медосмотры, но они не являются обязательными, и можно предположить, что ими охвачена лишь наиболее благополучная часть населения, а также дети и пожилые люди. С 2013 г. всем нуждающимся в выезде для обследования или лечения в больницах местные органы власти оплачивают проезд. Ранее это положение относилось только к малоимущим жителям, так как средств было недостаточно — всего 19 тыс. рублей на весь Охинский район. При этом, согласно сообщениям информантов, данное положение не распространяется на оплату проезда из с. Некрасовка в районный центр и обратно. В самом же поселке имеется только амбулатория. Чтобы получить бесплатные лекарства, необходимо несколько раз съездить в Оху, оплатив дорогостоящий (около 300 руб.) проезд. Проблема состояния здравоохранения стоит весьма остро и в связи с тем, что существует серьезная нехватка врачебных кадров в центральной районной больнице (Основные показатели 2012а).

Администрация из районного бюджета выделяет средства на зубопротезирование (50 тыс. рублей в год), а также оплату санаторно-курортного лечения пенсионерам из числа коренных народов. Но, например, в 2008 г. воспользоваться последней услугой смогли только 2 чел., в 2010 — 3 чел. Дополнительно, в рамках программы социального развития «Плана содействия» компании «Сахалин Энерджи» можно получить гранты на мероприятия в области здравоохранения: софинансирование программ стоматологической помощи, финансирование лечения офтальмологических болезней, а также помощь медицинским учреждениям в районах проживания коренных народов. Однако, по нашим данным, малоимущие и пожилые жители, наиболее нуждающиеся в этих медицинских услугах, не знают, каким образом можно было бы получить эту помощь, и никогда не подавали заявки.

Что касается другой распространенной проблемы — алкоголизма, то число жителей, состоящих на учете в наркологическом диспансере, не отражает реального положения дел, поскольку постановка на учет больных алкоголизмом происходит только в самых крайних случаях, что связано с отношением к алкоголю как части повседневности. Употребление наркотиков еще не стало проблемой для района, хотя в Охе были зафиксированы несколько случаев наркомании. Согласно информантам, пока эта проблема коснулась только семей с уровнем достатка выше среднего.

Следует отметить, что Охинский район, несмотря на богатство природными ресурсами, является дотационным. Это связано с тем, что большая часть компаний зарегистрирована в Южно-Сахалинске, и налоги в районный бюджет не поступают. Такая ситуация значительно осложняет трудоустройство, поскольку зачастую оно осуществляется через головной офис, расположенный в областном центре. Официальная статистика по безработице представляется малонадежной, так как почти никто из жителей поселков не ездит регистрироваться на биржу труда. Напомним, проезд в Оху стоит около 300 рублей — большие деньги для безработного. В настоящее время, по словам одного из информантов, из всего трудоспособного населения работают, с учетом сезонной занятости, не более 40%. При этом даже на сезонную работу, например, на лососевую путину, устроиться нелегко, поскольку на необходимое для этого медицинское разрешение требуются деньги — ресурс, которого жителям Некрасовки как раз катастрофически не хватает.

В советский период и во время перестройки основным работодателем в Некрасовке являлся национальный рыболовецкий колхоз «Красная заря». Еще в 1996 г. число занятых в колхозе составляло 169 чел., и количество работников в зависимости от сезона не менялось. Спустя два года это число сократилось до 150 чел., работавших только во время путины, и 83 чел. — в остальное время года. Колхоз располагал двумя рыбоперерабатывающими заводами на Рыбновском побережье и небольшим рыбоперерабатывающим заводом в Некрасовке, рассчитанным на лов наваги. В январе 2013 г. работникам колхоза было объявлено о преобразовании предприятия из национального рыболовецкого колхоза в ООО «Национальная рыбопромышленная корпорация „Красная Заря“» и переводе его из кооперативной формы собственности в частную. Неоднократно звучали жалобы населения на то, что реорганизация осуществлена незаконно и без согласия членов колхоза. При этом большая часть работников была уволена под предлогом злоупотребления алкоголем и частых прогулов. Хотя, по мнению информантов, далеко не всегда это соответствовало действительности. Оставшиеся работники стали получать намного меньшую оплату за тот же объем работы. Небольшая часть уволенных перешла в разряд временных рабочих: это означает не только снижение зарплаты, но и отсутствие социального пакета. Важно также подчеркнуть, что работа по подготовке к путине — весьма продолжительная и трудоемкая — практически не оплачивается. Одновременно с увольнением работников объем квот на вылов рыбы у бывшего колхоза значительно увеличился, а рыболовные

участки, на которых ранее рыбачили коренные жители, были преобразованы в рыбопромысловые участки с дальнейшей их продажей на аукционах.

По словам информантов, большая часть работающих в бывшем колхозе во время путины, главным образом рыбообработчики, наняты из других регионов России. В 2013 г. в СМИ обсуждался скандал, связанный с предприятием ООО «Оха», которое не выплатило нанятым рабочим обещанных денег. Впрочем, по воспоминаниям жителей, это не первый подобный случай. В отличие от нанятых рабочих, местное население работает преимущественно во время зимней путины. Они объясняют это двумя причинами: во-первых, организации предпочитают приглашать рыбообработчиков на летнюю путину из других регионов, чтобы платить им меньше, во-вторых, местные жители не хотят рисковать тем, что, отработав несколько месяцев в опасных для здоровья условиях под постоянной угрозой увольнения, в итоге они останутся без зарплаты. Путина — это в основном мужское занятие. Женщины поселка нанимаются на рыбообработку время от времени и в незначительном количестве: зимой 2012/2013 г. их число составило всего 4 чел.

Постоянно в бывшем колхозе занято 4–5 человек из местного населения, в основном в качестве сторожей. Нанятые рыбаки — колхоз привлекает не более 20–30 мужчин (в 2013 — 28 чел.) — зарабатывают недостаточно, чтобы полностью обеспечить свои семьи. Так, за зимнюю путину они получили всего по 35–40 тыс. рублей. За летнюю путину, в которой, напомним, в местном колхозе почти не занято местное население, можно получить больше, но этого также не хватит, чтобы покрыть все расходы. При этом принципы отбора при приеме на работу очень жесткие: многие не имеют возможности даже претендовать на место, поскольку не могут, например, оплатить необходимое медицинское свидетельство. Кроме того, информанты из Охинского района крайне обеспокоены вероятной продажей цехов и другой собственности бывшего колхоза. Ведь если это произойдет, положение населения Некрасовки еще более ухудшится. В 2013 г. жители с. Некрасовка даже обратились в Следственный комитет, Генеральную прокуратуру и в правительство РФ с просьбой выяснить причины дискриминации в отношении бывших работников колхоза и всех коренных жителей поселка.

В поселке действует несколько родовых общин, ориентированных на рыболовство, но, поскольку рыбопромысловыми участками они не обладают, то не могут осуществлять рыбообработку, поэтому потребности в большом количестве рабочих кадров у них нет. Нанимают родовые хозяйства только

сезонных рабочих, в основном мужчин. Во время летнего сезона для сбора дикоросов привлекаются на работу и женщины. Несмотря на то, что родовые хозяйства принимают рыбу у населения, с учетом лимитов на вылов лосося, эта деятельность не имеет определяющего экономического значения для поселка. Рыбу, пойманную по квотам на личное потребление, нельзя сбыть легально, а с 2011 продажа свежей рыбы на рынке г. Оха запрещена.

Помимо предприятий рыбной отрасли, рабочие места населению предоставляет школа-интернат и профилакторий (**МУП «Санаторно-оздоровительный центр „Лесная поляна“»**). Жители поселка, как и в отношении колхоза, опасаются возможного в скором времени закрытия профилактория, в котором работают преимущественно женщины. Важно подчеркнуть, что по сравнению с мужчинами, у женщин в поселках меньше возможностей трудоустройства. Даже в профилактории они работают в основном летом. Некоторые из них также подрабатывают горничными в рабочих поселках при месторождениях Одопту, Лунском и других, или поварами на рыболовецких станах и в нефтеразведочных экспедициях. Но все эти сферы занятости обеспечивают их работой только на сезонной основе и доступны не каждый год.

Часть проблем с трудоустройством связана с отсутствием у подавляющего большинства жителей поселка какого-либо образования, помимо школьного. На начало 2013 г. из числа коренных малочисленных народов Севера Охинского района высшее образование имели 70 чел. (из них 50 чел. — нивхи, 17 чел. — эвенки, 1 и 2 — уйльта и ульча соответственно). Средне-профессиональное образование (ПТУ, лицей) было у 174 чел. (из них 167 чел. — нивхи, 6 чел. — эвенки, 1 чел. — уйльта). Наконец, средне-техническое образование имели 21 чел. (из них 16 чел. — нивхи, 5 чел. — эвенки). Согласно официальным данным, в 2009 г. образование в высших, средних и начальных профессиональных учебных заведениях получили 10 человек (7 чел. в лицее и 3 чел. в ВУЗе). В 2010 цифра выросла до 15 человек (6 чел. в ВУЗе, 7 чел. в лицее и 2 чел. в техникуме) (Система индикаторов 2011).

Порой вопросы трудоустройства удается решать непосредственно с помощью нефтедобывающих компаний, но обычно речь идет в таких случаях о временной занятости в должности разнорабочих. Так, в 2013 году 12 жителей с. Некрасовка были приняты разнорабочими сроком на полгода в ЗАО «РН – Шельф – Дальний Восток» (Слежакова 2014).

Многодетных семей в Некрасовке еще довольно много, но их количество сокращается. По словам информантов, раньше семьи с количеством детей

меньше трех были редкостью, однако сейчас положение меняется. Согласно статистике, в школах Охинского района обучается 189 детей из числа коренных народов, в дошкольных учебных заведениях — 54 чел. В школах существуют классы коррекции, после которых дети не имеют возможности поступить ни в одно учебное заведение, несмотря на усилия администрации района. До 2013 г. это было еще возможно, однако после учебные заведения без объяснения причин отказались принимать таких учеников. В 2013 г. число выпускников коррекционных классов составило 9 чел. Вероятно, проблема связана с тем, что многие из учеников интерната в Некрасовке происходят из неблагополучных и малообеспеченных семей. Это сказывается не только на успеваемости, но и в целом на их физическом состоянии. Так, одной из целей создания летнего лагеря являлось «подкормить учеников, чтобы они потом за 2 месяца совсем не отощали». Дети из числа коренных народов получают горячее питание в школе и помощь в приобретении одежды, обуви и школьных принадлежностей. В 2008 г. 136 детей получили питание и 66 — одежду, в 2009 г. 68 и 64 детей — питание и обувь соответственно, в 2010 г. 79 учеников — питание и еще 62 помощь другого рода. Данных по более позднему периоду нет. При этом, по сведениям информантов, до недавнего времени школа-интернат в Некрасовке финансировалась в том же объеме, что и школы в Ногликах (дневного пребывания) и в Поронайске (где также имеется интернат), но затем финансирование было урезано (Там же).

Сахалинская область заключила договор на бесплатное обучение детей из числа коренных малочисленных народов в СПбГПУ им. Герцена, но, по мнению опрошенных жителей, дети идут туда неохотно, поскольку боятся оказаться оторванными от родного поселка, они недостаточно адаптированы к жизни в большом городе, а родители не в состоянии оплачивать их проживание. В июне 2013 г. в Охинском районе было всего два претендента на обучение в университетах. Некоторые выпускники поступают в педагогический колледж в Александровске-Сахалинском или в Сахалинский госуниверситет, что сравнительно проще организовать и обходится это дешевле. Но по причине финансовых проблем данные учебные заведения также заканчивают далеко не все. Если говорить о предпочитаемых абитуриентами из числа коренных народов специальностях, то из десяти студентов, обучавшихся в 2013 г. в СахГУ, двое получали образование педагога-психолога, 1 — педагога начального образования, 3 — социологов, 1 — морского биолога, 1 — эколога, 1 — инженера нефтяной промышленности и 1 — учителя технологии. Проблема

Областной краеведческий музей. г.Южно-Сахалинск.
Фото А.Н. Терёхиной, 2013 г.

Поронайский краеведческий музей.
Фото А.Н. Терёхиной, 2013 г.

Поронайская Христианская пресвитерианская церковь.
Фото А. Н. Терехиной, 2013 г.

Угощение земли на празднике Кормления духа — хозяина моря.
Поронайский район, г.Поронайск. Фото Н.А. Мамонтовой, 2013 г.

Угощение огня на празднике Кормления духа — хозяина моря.
Поронайский район, г.Поронайск.
Фото Н.А. Мамонтовой, 2013 г.

Угощение моря на празднике Кормления духа — хозяина моря.
Поронайский район, г.Поронайск.

Показ традиционного костюма на празднике в Поронайске. Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

За несколько минут до официального начала праздника встречи нивхских родов. Справа в национальной одежде – инициатор проведения праздника В.М. Санги. п.Ноглики. Фото Д.А. Функа, 2013 г.

Столы с угощением для участников праздника встречи нивхских родов. п.Ноглики. Фото Д.А. Функа, 2013 г.

А.В. Кавозг (справа) с хранительницей нивхского фольклора и писательницей Н.Я. Танзиной. п.Ноглики.
Фото Н.А. Мамонтовой, 2013 г.

В.А. Шевнин дома рядом с лимонным деревом. с. Вал.
Фото А. Н. Терехиной, 2013 г.

Энгельсина Кириллова у себя дома. с. Вал.
Фото Н.А. Мамонтовой, 2009 г.

Укрина Мария Николаевна за шитьем головного убора в этноцентре «Кых-кых». с. Некрасовка. Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Мастер ДПИ Воксин Александр Васильевич. с. Некрасовка. Фото
А.Н. Терехиной, 2013 г.

Фрагмент главного здания ныне закрытого профилактория в с. Некрасовка. Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Образцы продукции сувенирного цеха. г.Поронайск. Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Жители поселков обсуждают этнологическую экспертизу. г.Поронайск.
Фото Н.А. Мамонтовой, 2013 г.

Д.А. Функ с Тamarой Александровной Минато (слева на снимке) и Зоей Александровной Зольвиной в историко-этнографическом музее п.Ноглики. Фото Д.А. Функа, 2013 г.

заключается в том, что не все специалисты смогут найти применение на родине студентов, даже профессии, связанные с нефтяной сферой, оказываются невостребованными: нефтяные компании предпочитают нанимать специалистов с материка, а для работы в иностранных компаниях требуется еще и хорошее знание английского языка.

Материалы интервью с учащимися свидетельствуют о том, что многие хотели бы уехать и продолжить учебу, но понимают, что эта возможность не для всех. Девушки предпочли бы профессию учителя или врача, юноши — сварщика или монтажника. Интересно отметить, что именно родители-пенсионеры имеют больше возможностей помочь детям учиться, посылая им деньги хотя бы на питание, поскольку они живут практически натуральным хозяйством и могут откладывать часть пенсии. Отдельные информанты в числе серьезных проблем указывали на распространение суицида среди молодежи, вызванного либо алкоголизмом, либо безысходностью, что зачастую является двумя сторонами одной и той же проблемы. Например, один из местных жителей показал нам могилу школьника, совершившего суицид из-за невозможности после школы продолжить обучение в ВУЗе.

Отметим и проблему жилого фонда. Согласно информантам, средства на ремонт жилых помещений хотя и выделяются, но весьма медленно: в год ремонту подлежит только один дом. Те, кто стоит ближе к концу очереди, рискуют до ремонта не дожить. Коммунальные услуги при этом очень дорогие, оплатить их в полном объеме могут далеко не все, поэтому нередко случается, что у должников отключают газ. Можно представить, что это означает для жителей поселка, расположенного на севере Сахалина. Оставшись без отопления, они вынуждены оставлять свои дома и перебираться к родственникам. С учетом небольшой площади домов и размеров семей, это приводит к тому, что маленькие квартиры напоминают коммуналки на несколько семей. На территории старой части Некрасовки, в т. н. Старом поселке, планируется строительство восьми домов: будут снесены аварийные дома и на их фундаменте выстроены новые, но площадь жилья таким образом не увеличится. Что касается ремонта жилых помещений за государственный счет, то, согласно имеющимся данным, в Охинском районе он проводился в 2010 г., когда было отремонтировано 129,6 кв. м — две квартиры в т. н. Новом поселке. За более поздний период нам не удалось получить данные. Впрочем, достаточно визуального обследования, чтобы сказать, что большинство домов по состоянию на вторую половину 2013 года были в очень плохом состоянии (Система индикаторов 2011).

Сказанное выше отчасти относится и к Охе. В 90-е годы после Нефтегорского землетрясения (28 мая 1995 г.) малые поселки на Рыбновском побережье и побережье залива Пильтун были ликвидированы, а их население, среди которого был большой процент коренного, переведено в г. Оха, поселки Некрасовка и Москальво. Из разговоров с информантами следует, что практически никто не воспринял переезд как нечто положительное. Так, члены одной из переселенных в Оху семей жаловались на невозможность полноценной рыбалки, а также отсутствие возможности вести подсобное хозяйство. В Охе семьи переселенцев были размещены в так называемых «быстровозводимых канадских модулях». По сообщениям информантов, в Охе много аварийных домов, пострадавших при землетрясении, но до сих пор они не снесены и даже не прошли капитальный ремонт. Среди населения ходят слухи о том, что старые дома будут сносить, а людей расселять. Никто не знает, когда конкретно это должно произойти, но ждут этого момента с нетерпением — поскольку в таком сейсмоопасном районе, как Оха, поврежденные дома представляют собой непосредственную опасность для жизни их обитателей.

Другой серьезной проблемой для Охинского района является транспортное сообщение. Дорога из районного центра в Некрасовку представляет собой весьма низкого качества проселок. Идущая по поселку дорога, соединяющая обе его части, находится в еще худшем состоянии. Насколько удалось понять из интервью с представителями районной администрации и местными жителями, разговоры о ремонте дороги ведутся уже давно, однако в ближайшее время улучшение ситуации маловероятно, поскольку данное направление не является сколько-нибудь важным с экономической точки зрения. Грузооборот порта Москальво — единственного экономически существенного объекта на этом направлении — составил в 2011 всего 32 тыс. тонн (для сравнения, грузооборот портов юга Сахалина исчисляется миллионами тонн). Отметим, впрочем, что в 2012 году дорога, соединяющая оба поселка, была, наконец, оснащена фонарями уличного освещения.

Ногликский район

Численность коренных малочисленных народов Севера (нивхи, уйльта, эвенки), проживающих в Ногликском районе, составляет 1122 чел. Большая часть из них — нивхи (856 чел.), за ними следуют уйльта (155 чел.) и эвенки (103 чел.). Половозрастная структура показывает явное преобладание численности

женщин над численностью мужчин — 619 и 503 человек соответственно, при этом для категории людей в возрасте от 55 лет этот показатель составляет 127 женщин и 28 мужчин, что представляется прямым следствием низкой продолжительности жизни (Аналитический отчет 2012). В Ногликском районе у коренных народов она составляет 47 лет — самый низкий показатель из всех районов Сахалинской области. На численность коренных малочисленных народов Севера влияет и количество аборт, которое примерно равно количеству родившихся детей: 14-15 и 16-17 в год соответственно.

Таблица 2. Распределение КМНС по населенным пунктам Ногликского района (по состоянию на 1 января 2013 г.)

№ п/п	Муниципальное образование, населенный пункт	Коренные малочисленные народы Севера, в том числе:				Общая численность
		нивхи	эвенки	орочены / уйльта	другие	
1.	с.Ныш	—	5	—	—	5
2.	с. Венское	5	—	—	—	5
3.	с. Катангли	14	—	—	—	14
4.	с. Вал	35	62	122	2	221
5.	п. Ноглики	802	36	33	6	877
6.	итого	856	103	155	8	1122

При анализе статистики заболеваемости следует отметить, что, как и в Охинском районе, острой проблемой остается туберкулез. В 2002 году на учете в диспансере находилось 18 больных туберкулезом в активной и 24 в неактивной формах, открытая форма с бактериовыделением была зафиксирована только у одного человека. Спустя 10 лет, в 2012 г. число больных снизилось и составило 21 чел. Однако, следует повторить, что население не проходит регулярные обследования, поэтому оценить точность этой цифры трудно. Проблемой, как представляется, на протяжении длительного периода остается и недостаточное и неполноценное питание — анемия весьма распространена среди беременных женщины и детей. Другой проблемой, характерной для Сахалина в целом, являются заболевания суставов. Распространены и болезни органов дыхания (помимо туберкулеза). На основе отчетов ЦРБ за прошлые годы можно сделать вывод, что большинство случаев заболеваемости (358) приходится на различного рода респираторные инфекции. Достаточно распространены случаи чесотки. Стоит обратить внимание и на число пациентов с психическими расстройствами — 52 чел., что составляет существенную долю от численности всего населения.

Говоря о распространении алкоголизма, приведем официальную цифру — 155 чел. Однако трудно говорить с уверенностью, что она отражает реальное положение дел (Основные показатели 2013). В Ногликах алкоголизм считается в первую очередь проблемой мужского населения. Женщины и девушки оказываются менее подвержены этому заболеванию. Подавляющее большинство выпускников школ, продолжающих получение образования, — как раз девушки. С алкоголизмом связывают и распространение смешанных браков, поскольку, как сказал один из наших информантов, «ни одна девушка не захочет с ним жить, если он не работает, а пьет». В Ногликском районе имеется одна больница, рассчитанная на 173 койкоместа, 4 поликлиники и 1 фельдшерско-акушерский пункт. Укомплектованность учреждений здравоохранения высшим и средним медицинским персоналом составляет соответственно 76 и 85 % (Там же).

По состоянию на 1 января 2013 г. численность трудоспособного населения КМНС составила 726 чел., среди них занятыми числилось 681 чел. При этом годом ранее официально зарегистрированных безработных насчитывалось, по разным данным, всего 1 или 2 чел. Из занятого населения в промышленности работало 92 чел., в национальных предприятиях, родовых общинах и других субъектах хозяйственной деятельности — 33 чел. Средняя зарплата работающих составляет 19549 рублей. По данным 2012 г. среднее значение этого показателя по области — 41302 руб., а средний доход на душу населения равен 13497 руб. при прожиточном минимуме в 8195 руб. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума равна 8,9 % (101 чел.) от всей численности коренных народов района (Там же). По словам информантов, молодежи сложно найти работу в поселках, а в городах без опыта работы устроиться выпускнику среднего профессионального учебного заведения практически невозможно. Жители также отмечали, что молодые люди, возвращаясь из армии, нередко не могут найти свое место в обществе и начинают употреблять алкоголь. Впрочем, рыболовство по-прежнему для многих молодых людей является выходом из затруднительного положения: они выезжают на косу, отделяющую Ныйский залив от Охотского моря, ловят там рыбу и охотятся на морского зверя, заготавливая все это, по возможности, на зиму. С ними там же живут и неработающие представители старшего поколения. Как и в Охинском районе, родовые хозяйства на Ныйском заливе не обладают закрепленными рыбопромысловыми участками, поэтому, их возможности трудоустроить рыбаков ограничены. Временами, не имея наличных денег, главы

общин вынуждены даже расплачиваться с нанимаемыми на летнюю путину работниками продуктами. Учитывая трудности с легальной реализацией свежей рыбы и икры, можно заключить, что такого рода занятость лишь незначительно повышает уровень жизни работников. В связи с отмеченными проблемами, многие информанты высказывали недовольство тем, что основное внимание и финансирование уделяется «ансамблям и выставкам», а не «условиям, в которых живет народ».

Ситуация в сфере образования выглядит следующим образом. В дошкольных учебных заведениях района обучается 75 детей из числа коренных народов Севера, в школах — 126. Из тех населенных пунктов, в которых проводилось наше исследование, имеется одна школа в с. Вал и две в Ногликах. Традиционно большая часть детей из числа коренных народов учится в школе № 2 — бывшей школе-интернате. Хотя в настоящее время жесткого разделения между школой для представителей коренных народов и школой для детей других этнических групп нет, однако преподавание нивхского языка по-прежнему осуществляется только в школе № 2. При ней же в летнее время действует детский лагерь «Корх». В Ногликском районе функционирует среднее профессиональное учебное заведение — филиал Сахалинского промышленно-экономического техникума, в котором обучение ведется в заочной форме, а также есть начальное профессиональное учебное заведение — профессиональный лицей № 7. Однако информанты отмечают, что для получения среднего профессионального образования лучшего качества требуется выезжать в Тымовское, Поронайск или Южно-Сахалинск, некоторые в связи с этим упоминали педагогический колледж в Александровске-Сахалинском (Там же).

Площадь жилищного фонда в Ногликском районе составляет 16 196 кв. м — 14,4 кв. м на человека. При этом он изношен на 76%. В отсутствие соответствующих данных трудно сказать со всей уверенностью, но на основании наших наблюдений можно заключить, что подавляющее большинство представителей коренных народов в Ногликах проживает в так называемом Колхозе — наиболее старой и наименее благоустроенной части поселка. Именно там сосредоточено наибольшее количество старых, разрушающихся домов. Люди поддерживают их существование за свой счет. По словам начальника отдела по социальным вопросам и КМНС управления социальной политики администрации Т. Лебедева, в Ногликском городском округе «действует программа по переселению из ветхого и аварийного жилья. Но квартиры выделяются независимо от этнической принадлежности получателей.

Производить ремонт домов микрорайона колхоза „Восток“ муниципалитет не обязан – практически все жилье там приватизировано» (Слежакова 2014).

Дорога, соединяющая этот микрорайон с центром поселка, находится в очень плохом состоянии. По словам местных жителей, ранее в Ногликах ремонтом жилья занимался упомянутый колхоз «Восток», но теперь это обязанность исключительно местной администрации.

Поронайский район

По состоянию на 1 апреля 2013 г. численность представителей коренных малочисленных народов в Поронайском районе составляла 609 человек. Из них примерно поровну нивхов и уйльта: 231 и 217 чел. соответственно. Поронайский район является основным местом проживания сахалинских нанайцев, их здесь 115 человек.

Таблица 3. Распределение КМНС по населенным пунктам Поронайского района (по состоянию на 1 января 2011 г.)

№ п/п	Муниципальное образование, населенный пункт	коренные малочисленные народы Севера, в том числе:					Общая численность
		нивхи	ороки (уйльта)	эвенки	нанайцы	другие	
1.	Муниципальное образование городской округ «Поронайский»	194	194	37	117	Тазы- 4; Удэгейцы-3	549
2.	Муниципальное образование «Вахрушев»	22	6	—	—	—	28
3.	с. Гастелло	—	1	1	12	—	14
4.	с.Восток	1	—	—	—	—	1
5.	с.Забайкалец	—	—	2	—	—	2

Средняя продолжительность жизни коренных народов составляет здесь 51 год. В 2012 среди представителей коренных народов был зарегистрирован всего один случай туберкулеза, однако, следует повторить, что неизвестно, насколько эта цифра отражает реальное положение вещей. В целом, во всех районах данные о заболеваемости туберкулезом вызывают сомнения, так как, согласно информантам, многие больные не обращаются за врачебной помощью. Тем не менее, статистика заболеваемости позволяет говорить о сравнительном благополучии местного населения и даже улучшении

показателей с 2008 г. (30 и 17 случаев сердечно-сосудистых заболеваний в 2008 и 2012 гг. соответственно, 18 и 10 — заболеваний органов пищеварения, 52 и 20 — заболеваний органов дыхания, а также 10 случаев артрита). При этом больница в районе всего одна, рассчитанная, по последним данным, на 271 койко-место. Имеется также поликлиника и 6 фельдшерско-акушерских пунктов. Укомплектованность учреждений здравоохранения высшим и средним медицинским персоналом составляет 81,6% (Основные показатели 2012б).

По состоянию на 1 октября 2012 г. доля трудоспособного населения среди коренных народов Поронайского района составила 61,1% чел., из них занятыми числилось 37,2%. Официальные данные определяют остальные 62,8% как безработных (данный показатель сохраняется высоким с 2008 г., когда он достигал 70%). Однако за период 2008 — 2010 гг. в центре занятости было зарегистрировано всего 25 чел. или 3,8 % от общей численности безработных КМНС этого района (Количество и доля безработных 2010). Из занятого населения в промышленности работало 10 чел., в национальных предприятиях, родовых общинах и других субъектах хозяйственной деятельности — 84 чел. Средняя зарплата работающих составила на 1 октября 2013 г. 18400 рублей. При этом в среднем на одного работающего приходилось по трое иждивенцев. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума был равна 72% (в 2008 — 94,4%) (Основные показатели 2012б).

По словам многих информантов, основа экономики Поронайска — рыбная ловля. Однако численность постоянных работников большинства родовых хозяйств не превышает 4-5 человек. В сезон нанимается еще 10-15 рыбаков и рыбообработчиков. Исключение составляет разве что национальная артель «Абориген Сахалина», располагающая промысловым участком и занимающаяся рыбообработкой. Рыболовецкий колхоз «Дружба», хотя и принимает на работу местных жителей, но широкомасштабного лова не ведет. Кроме того, часть рабочих мест во время путины занимают нанятые в материковой части страны рабочие, которые соглашались на меньшую, чем местные жители, оплату труда. Часть родовых хозяйств рыбопромысловых участков не имеет, поэтому вынуждена обращаться к колхозу для получения разрешения на лов рыбы. Рыболовецких бригад из числа коренных народов в районе насчитывается всего 9. В них работают также и некоренные жители. Имеются два локальных рыбоперерабатывающих предприятия, принадлежащих представителям коренных народов. По данным за 2009 г., средняя зарплата в родовых хозяйствах и общинах Поронайского района, осуществлявших промышленный лов, составила

17 тыс. рублей (Средняя заработная плата 2009). В том же году на лососевую путину родовыми предприятиями было нанято 58 человек из числа коренных. Государственную поддержку при этом получили 3 общины, 10 родовых хозяйств и одна национальная артель. Интересно отметить, что в Поронайске имеется фонд пожертвований, куда родовые хозяйства отчисляют деньги, которые впоследствии используются на социальные нужды. Коренные жители района имеют возможность обращаться в местную общественную организацию с просьбой об оказании материальной помощи в кризисных ситуациях.

Школьное образование в Поронайском районе в 2013 г. получали 86 детей из числа коренных народов. Основным образовательным учреждением для детей народов Севера в Поронайске является лицей-интернат на острове Южный, в котором наряду с общеобразовательными предметами дети обучаются народным ремеслам. В настоящее время интернат вмещает только 24 чел., что, по словам директора, недостаточно, чтобы принять всех желающих. Например, в 2013 г. в школе числилось 55 человек, половина из них — представители коренных народов. Существуют планы расширения до 120 мест, но осуществление их зависит от решения финансовых проблем. Лицею, испытывающему материальные затруднения, оказывают помощь родовые хозяйства — в том числе, поставляя рыбу для питания учеников, и общественные организации. Дополнительно, нуждающиеся в помощи дети за государственный счет обеспечиваются горячим питанием (в 2010 г. их число составило 42 чел.). Некоторые из них также получают помощь в приобретении одежды, обуви и школьных принадлежностей.

Ранее интернат представлял собой восьмилетнюю школу, затем был преобразован в двенадцатилетнюю, и мог принимать на постоянное проживание более 100 школьников. По окончании лицея учащимся выдавался диплом о получении специальности «швея» (до 4-го разряда). После реорганизации Администрации Сахалинской области (2009 г.) программа лицея была сочтена не соответствующей этой специальности. Преподавание по-прежнему ведется, однако диплом ученики не получают, что, конечно, ограничивает возможности их трудоустройства. Дополнительно дети обучаются в лицее декоративно-прикладному искусству. Большинство учеников лицея происходит из неблагополучных или малообеспеченных семей, или являются сиротами. Одной из проблем, по которой его не посещают даже проживающие в Поронайске дети из числа коренных народов, — отсутствие надежной переправы на о. Южный. Имеющаяся паромная переправа зависит от погодных условий.

Представляется, что эта проблема актуальна и для всего населения острова. По словам директора, в случае закрытия лицея, дети окажутся не способны ни учиться дальше, ни устроиться на стабильную работу.

Официальные данные свидетельствуют о том, что в 2010 г. образование в высших, средних и начальных профессиональных учебных заведениях получили 12 человек из числа коренных народов: среди них 3 чел. — высшее, 2 чел. — среднее и 7 чел. — начальное профессиональное. Нефтяные компании выплачивают стипендии некоторым студентам с хорошей успеваемостью (Система индикаторов оценки 2010). Но таких случаев немного.

Общая площадь жилья, где проживают представители коренных народов, составляла на конец 2012 г. 4956 кв. м, что соответствует 8,9 кв. м на человека. При этом изношен жилой фонд был на 52,8%. Согласно имеющимся данным, в 2010 г. в Поронайске было отремонтировано 352,8 кв. м жилья и 120 кв. м музейных площадей. В 2009 г. эта цифра составила 110,11 кв. м жилого фонда (Основные показатели 2012б). Иными словами, ситуация выглядит несколько лучше, чем в других районах, однако проблема ветхого и аварийного жилья сохраняется и здесь.

Заключение

В целом, социальное положение коренных малочисленных народов Севера в Сахалинской области трудно назвать удовлетворительным. Особенно это касается Охинского района, хотя и в Ногликском положение остается нелегким. Основными проблемами жителей можно назвать низкий уровень занятости и дискриминацию при приеме на работу, высокий уровень заболеваемости (туберкулез, сердечно-сосудистые заболевания, авитаминозы, анемия и заболевания суставов) при низкой продолжительности жизни, что связано как с плохим питанием, обусловленным бедностью, и отсутствием возможностей для эффективного лечения, так и экологической ситуацией. Отметим также серьезные проблемы с жилым фондом, ветхое или аварийное жилье, особенно в сельских населенных пунктах.

Источники и литература

Аналитический отчет 2012 — Аналитический отчет жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера по муниципальному образованию «Городской округ Ногликский» за 2012 год. Материалы полечены в администрации Ногликского района.

Основные показатели 2012а — Основные показатели жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера муниципального образования городской округ «Охинский» на 01.01.2012г.» Материалы получены в администрации Охинского района.

Основные показатели 2012б — Основные показатели жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области на 01.01.2013. Материалы получены в администрации Поронайского района.

Основные показатели 2013 — Основные показатели жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области на 01.01.2013. Материалы получены в администрации Ногликского района.

Распределение 2012 — Распределение коренных малочисленных народов Севера по этносам (на 01.01.2012). Материалы получены в администрации Охинского района.

Система индикаторов 2011 — Система индикаторов оценки социальной и экономической эффективности реализации целевой программ «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области на 2007-2011 годы» (в редакции Закона Сахалинской области от 19.09.г. № 91 –ЗО) МО городской округ «Охинский» по состоянию на 01.02.2011 г. Материалы получены в администрации Охинского района.

Система индикаторов оценки — Система индикаторов оценки социально-экономической эффективности реализации областной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области на 2007 — 2011 годы» на территории ГО «Поронайский» в 2010 г. Материалы получены в администрации Поронайского района.

Слежакова 2014 — Слежакова З. С отчетами и планами // Знамя труда, 5 фев. 2014 г., №9 (9109).

Средняя заработная плата 2009 — Средняя заработная плата за 2009 г. (промышленный лов). Материалы получены в администрации Поронайского района.

Таблица по этносам 2013 — Таблица по этносам и возрастам МО ГО «Охинский» по состоянию на 01.03.2013 года (информация за 2012 год). Материалы получены в администрации Охинского района.

Глава 4

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

В ходе многовековой адаптации к природно-ландшафтным зонам и под влиянием локальных этнокультурных традиций формировались особые варианты хозяйства населения Сахалина (подробно см.: Смоляк 1984; Роон 1996; Миссонова 2006). Несколько упрощая картину, можно говорить о том, что специфика хозяйствования может быть прослежена применительно к той или иной этнической или территориальной группе. Так, уйльта и эвенки были в основном таежными охотниками-оленоводами, нивхи и нанайцы по большей части являлись рыбаками больших рек и морского побережья холодной зоны умеренного пояса, айны – береговыми собирателями и рыбаками умеренно-теплого пояса, но при этом нивхи и уйльта также были морскими зверобоями. Все коренные народы Сахалина вели комплексное хозяйство. В доиндустриальный период помимо рыболовства, охоты на морского зверя, таежной охоты и оленеводства, все группы в той или степени занимались собирательством, а нивхи и южная группа уйльта практиковали также собаководство.

Со второй половины XIX века демографическая ситуация на Сахалине начинает резко меняться. К середине XX столетия уже в основном сложилось система современного расселения жителей острова, в которой доминирующим является русскоязычное население и современные виды занятости людей с высокой долей высокотехнологичной нефтегазовой промышленности. Естественным образом, а также в ходе широкомасштабных государственных кампаний кардинально изменилась структура расселения и занятости коренного населения. Аборигенные жители оказались вытеснены с уже освоенных ими территорий, зачастую в более бедные природными ресурсами места и/или в крупные стационарные селения, поселки городского типа и города. Параллельно быстрыми темпами распространялось хищническое ведение хозяйства, в ловле рыбы стало использоваться перегораживание сетями устьев рек при ходе лососевых на нерест, широко распространилось браконьерство в охотничьем промысле, нормой стал молевой сплав и вырубка лесов в поймах рек.

Современная хозяйственная деятельность

Нивхи. Рыболовство

Исторически нивхи являлись полуоседлыми рыболовами и охотниками на морского зверя, чей образ жизни был тесно связан с ежегодным промыслом лосося. Важную роль в хозяйстве играли собаки, служившие транспортным средством. В связи с ориентацией на приморский и речной образ жизни нивхи использовали несколько видов сетей (для стационарного лова, с лодки и зимней подледной рыбалки), неводы, а также удочки и гарпуны. Известны нивхам были и ловушки, устанавливаемые на реках для вылова лосося (см. *Таксами* 1967: 92–110). Впрочем, орудия лова отличались в зависимости от местности, например, у нивхов п-ва Шмидт в связи со скалистым ландшафтом они имели свою специфику. Основным объектом морской охоты являлась нерпа. Нивхам было известно до четырнадцати видов нерпы. Ее мясо употребляли в пищу, а из шкуры делали ремни, которые также служили предметом обмена. Помимо нерпы, нивхи добывали морских львов, дельфинов и белых китов (Там же: 112). В XVIII и XIX вв. важную роль в экономике нивхов, как и остального островного населения, стала играть торговля. Коренные народы имели товарные и обменные отношения не только в пределах острова, но и с японцами, а также материковыми китайцами, маньчжурами, нивхами и тунгусоязычными народами (*Sasaki* 1998). В советский период эти связи были во многом нарушены, хотя обменные отношения практиковались вплоть до середины XX в. Из воспоминания жительницы Ноглик:

Тополь у нас использовали. Самый толстый ствол. Но в основном, говорят, в Тымовском районе, так как у нас здесь севернее, стволы тонкие. Даже раньше обмен шел. Они делали лодки-долбенки из самого ствола, выдалбливали середину, и обмен шел. Даже я застала. Она [лодка] такая неустойчивая. А у нас обмен был в том плане, что у нас нерпа была, шкура и юкола. В Тымовском районе рыбы мало. У них шел обмен на юколу, на мясо, на лыжи — делали наши, а они нам за это поставляли долбенки. Потом делали... у них ивы очень много, из ив, тальника плели ловушки, делали они (ПМ 2009, Ноглики, записи Н.А. Мамонтовой).

С конца 1930-х гг., как и в Сибири, на Сахалине государство проводило политику перевода кочевого и полукочевого населения на оседлый образ жизни в домах, построенных по русскому образцу. Островное население было объединено в колхозы, в которых нивхи работали в рыболовных артелях, осуществлявших промышленный вылов рыбы и изготовление икры.

Укрупнение совхозов в 1960-1980-х годах и реорганизация хозяйственных

занятий в значительной степени затронули нивхов. Были закрыты маленькие рыболовецкие колхозы: «Кит», «Имени 25 партсъезда», «Свобода», «Пятилетка», влившиеся в национальный колхоз «Красная Заря» с центральной усадьбой в с. Некрасовка Охинского района. «Этот поселок был выстроен специально для нивхов. В начале 1970-х годов там получили квартиры нивхи, жившие в селениях северо-западного побережья и полуострова Шмидта. Национальные поселки Теньги, Чингай, Зеленый Гай и другие были оставлены нивхами, закрыты рыбные цеха 3-й, 5-й, 40-й и другие. Старики, не желавшие переезжать в квартиры, оставались в маленьких селениях, отрезанных от внешнего мира. Нивхов охотского побережья из сс. Чайво, Пильтун, Ныйво и других переселили в специально выстроенный колхоз «Восток», слившийся с районным центром п. Ноглики» (Роон 2002: 156–157).

Укрупненные колхозы обеспечивали занятость основной массы нивхского населения: мужчины добывали рыбу, женщины — обрабатывали. По оценке наших информантов, заставших «расцвет» колхоза «Красная Заря», в середине 1980-х гг. в нем было не менее 400 членов (полевые материалы 2013 г.). Согласно отчету Некрасовского сельсовета, в 1986 г. в селе проживали 1146 чел., из них 562 — нивхи (АОР, ф.19, оп. 1, е. х. 298, л. 26об.). Вполне вероятным представляется вывод, что члены колхоза составляли не менее половины всего нивхского населения Некрасовки.

К середине 1990-х гг. модель занятости существенно изменилась: число постоянно занятых в колхозе сократилось более чем вдвое, появилась практика сезонного найма рыбаков на период путины. Таблица 1 дает представление о характере сезонных изменений численности занятых, таблица 2 — об изменениях средней заработной платы колхозников в течение года (таблицы составлены по данным «Сводных отчетов по статистике труда и заработной платы за 1996 год», АОР, ф. 19, оп. 1, е.х. 505 и 506).

Таблица 1. Среднесписочная численность работников в колхозах «Красная Заря» и «Рыбновский» в 1995 и 1996 годах, человек

Название колхоза	Год	Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Ноя.	Дек.
«Красная Заря»	1995	181	176	172	168	169	171	192	193	189	189	157	157
	1996	161	159	157	157	165	184	187	185	170	160	156	148
«Рыбновский»	1995	222	220	219	220	220	207	203	205	148	165	265	188
	1996	142	136	130	118	110	122	147	125	120	120	128	128

Таблица 2. Средняя заработная плата на одного работника в колхозах «Красная Заря» и «Рыбновский» в 1995 и 1996 годах, тыс. неденоминированных руб.

Название колхоза	Год	Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Ноя.	Дек.
«Красная Заря»	1995	300	195	208	263	224	672	732	2531	1003	578	848	483
	1996	465	410	506	543	1074	426	2123	3142	1678	982	460	801
«Рыбновский»	1995	270	318	463	218	295	324	479	732	439	0	189	1752
	1996	445	647	556	457	656	797	1144	1235	2119	877	833	833

К 2013 г., по словам информантов, количество членов колхоза «Красная Заря» сократилось до трех или четырех человек, еще около тридцати человек были наняты по договорам гражданско-правового характера. В основном рыбаки нанимались на 5–6 месяцев в году на период лососевой путины (включая подготовительные работы), за который они зарабатывали около 300 тыс. рублей каждый (полевые материалы 2013 г.): это было существенно ниже среднемесячной заработной платы в Сахалинской области того времени, но при этом вполне сопоставимо с заработной платой постоянных работников многих отраслей региона (В Сахалинской ... 2014).

С другой стороны, в 1990-е гг. администрация Сахалинской области оказывала целенаправленную поддержку родовым хозяйствам. Только с марта по декабрь 1992 г. количество хозяйств увеличилось в 2,5 раза, достигнув 72. Это отчасти позволило смягчить проблему трудоустройства: в национальных кооперативах и малых предприятиях было занято 23,3% трудоспособного населения области и еще 19,8 % работало в родовых и семейных хозяйствах. Многие мероприятия по возрождению хозяйства коренных народов острова были реализованы в рамках государственной программы «О мерах по улучшению социально-экономических условий жизни малочисленных народов Севера», принятой в 1991 г. В то же время за хозяйствами были закреплены, хотя и не в пожизненное пользование, рыбопромысловые участки, охотничьи угодья и оленьи пастбища (ГИАСО, ф. 1198, оп. 1, д. 188). Тем не менее, проблема передачи рыбопромысловых участков и лимитов на вылов рыбы национальным хозяйствам от колхозов сохранялась на всем протяжении 1990-х. Проблема заключается в том, что бывшие колхозы перешли в разряд частных предприятий, работающих в непосредственной близости с рыболовными нивхскими станами:

У меня родители, отец и мать, работали в колхозе «Восток». А раньше они жили в Охинском районе, раньше он был Ногликский, в поселке Пельтун. Там был колхоз «Красный охотник» или «Красный гиллак». Потом их объединили, политика такая у государства была, собирали все маленькие колхозы, и сделали

в Ногликах здесь колхоз «Восток». У меня мама работала в нем секретарем-машинисткой, а отец рыбаком, плотником, столяром, печником. И вот такая проблема. Колхоз распался и появились маленькие организации, как частные. Они закрыли нам дорогу к воде, забор поставили. Сзади нашего дома, где был колхоз, пилорама была, гаражи были – большое хозяйство было, но хозяина не было и пошла разруха. Вот один частник какой-то взялся, и он обосновал, забором железным все огородил, привез автоматчиков, чтобы они охраняли. Людей трясли, которые на рыбобазу ходили. Я тут приехала – забор стоит железный. Я говорю: пропустите. — Пропуск! — Какой пропуск? Этот колхоз подняли мои родители! Всю жизнь тут жили, мы собираемся на рыбалку! (ПМ 2009, Ноглики, записи Н.А. Мамонтовой).

Существенным подспорьем для сохранения традиционных видов деятельности стало принятое в 2009 г. Распоряжение Правительства РФ № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», согласно которому несколько районов Сахалина, включая г. Южно-Сахалинск, были отнесены к местам традиционной деятельности (о предварительных работах по реализации Распоряжения см. Сокловский 2002).

Традиционная экономика нивхов, основанная в первую очередь на рыболовстве, продолжает играть важную роль в их жизни, что подтверждается высокой степенью вовлеченности коренного населения городов и крупных поселков Сахалина в традиционное хозяйство (Новикова и др. 2010: 34). Этому способствует действующая на Сахалине система переуступки квот на вылов лососевых пород на личное потребление общинам. Например, представитель КМНС, живущий преимущественно в городе, может передать свою квоту кому-нибудь из рыбаков. Жители поселка городского типа Ноглики — административного центра Ногликского района — передают свои квоты рыбакам ближайшего к ним залива Ныйво. В разговорах с людьми, даже с теми, кто постоянно живет в Ногликах, хорошо заметно отношение к заливу как к продолжению поселка, его неотъемлемой части. Общины также не существуют автономно, между ними поддерживаются отношения взаимопомощи или конкуренции. Это помогает воплощать в жизнь идеи сразу в нескольких направлениях, что соответственно повышает шансы на выживание той или иной общины.

В теплое время года рыбаки живут на заливах в небольших бараках почти постоянно, а в зимний период приезжают для подледного лова. В определенные дни происходит раздача рыбы, о чем люди узнают друг от друга благодаря неформальной системе коммуникации, названной одним из информантов «сарафанным радио». За оказанную услугу рыбак, которому передали квоту, иногда берет небольшую сумму денег, чтобы окупить расходы на бензин, либо процент от улова. Пожилым людям рыбу полагается раздать бесплатно. Официально рыбаки не имеют права продавать рыбу, пойманную по квотам на личное потребление. Процесс вылова и раздачи рыбы курирует рыбоохрана, у представителей которой имеются списки с именами тех людей, которым осуществляется доставка рыбы. Общины могут добиться права ставить ставной невод, что увеличивает количество пойманной рыбы в несколько раз, но официально у них также нет возможности сбывать улов. Открыть же коммерческое предприятие, по мнению опрошенных жителей, сложно — нужен слишком большой начальный капитал и множество разрешений.

Некоторые информанты вспоминали, что до конца 1990-х гг., т.е. до принятия Закона «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ФЗ-104 РФ), коренные народы имели право голоса на «рыбохозяйственных советах», где происходило распределение промысловых участков. На такие собрания можно было отправить представителя от группы, чьи интересы тот бы выражал (Мамонтова 2012: 135). Речь идет о существовавшей практике выделения участков земли (оленьи пастбища, рыболовные и охотничьи угодья) в аренду или частную собственность родовым хозяйствам и семьям из числа КМНС согласно Указу Президента РФ от 22.04.1992 № 397 «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» (Указ № 397). Однако Закон «Об организации общин» способствовал тому, что коренные народы не получили имущественных прав на территории традиционного природопользования. Дополнительно, на Сахалине, как и во многих других регионах Севера, представители коренных народов зачастую вообще были не осведомлены об изменениях в законодательстве и вовремя не переоформили свои рыбопромысловые участки и оленьи пастбища. В этом заключается основная причина постоянных судебных разбирательств между общинами и представителями бизнеса. Первые считают, что, согласно документам, они по-прежнему владеют землей, но в суде оказывается, что бумаги, подтверждающие их права на участки, уже недействительны (см. *Donahoe* 2014).

В научной литературе идея закрепления земель за КМНС активно обсуждается с 1990-х гг. Некоторые исследователи считают, что для России в целом характерно отношение к требованиям коренных народов и национальных меньшинств с позиций безопасности — в связи с нежеланием нарушать территориальное единство страны, так как именно возможность не контролируемого сверху самоуправления представляется властям основной угрозой безопасности (Kymlicka 2004: 144–176). Более того, по мнению О.Н. Запороцкого и О.А. Мурашко, закон «О территориях традиционного природопользования» специально был разработан таким образом, чтобы земли не были закреплены за коренными народами. Это связано с негативным опытом предыдущих лет, когда территории традиционного природопользования за незначительную компенсацию переходили новым владельцам — промышленным компаниям, акционерным обществам и иностранным юридическим лицам (Запороцкий, Мурашко 2000: 158–159). Или же сами коренные народы за неимением альтернативных выходов из сложной социально-экономической ситуации занимались экстенсивным освоением своих земель, что приводило к истощению местных ресурсов (Ямсков 1999: 122–123). Отсутствие закрепленных рыбопромысловых участков создает коренным жителям, которые занимаются преимущественно традиционными видами деятельности и зачастую не имеют другой работы, множество проблем. Основная из них заключается в том, что общины без участков не могут брать промышленные квоты, по этой же причине открыть предприятие по рыбообработке в состоянии лишь единицы. Судя по материалам интервью 2013 г., эта проблема до сих пор является наиболее актуальной для коренных народов острова. В решении «земельного вопроса» они видят основу для развития родовых общин и предприятий КМНС, а также гарантии того, что на их участках не будет вестись промышленное освоение (полевые материалы 2013 г.).

В настоящее время основным региональным законом, устанавливающим право коренных народов Сахалина на защиту традиционного образа жизни, является Закон «О правовых гарантиях защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области» (ЗСО-72 2006). По своим основным положениям этот закон соответствует Федеральному закону 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ФЗ-82 1999). Тем не менее, в Сахалинской области отсутствует региональное законодательство, регулирующее одно из важнейших занятий

жителей острова — рыболовство. Согласно утратившему силу региональному закону «О рыболовстве и рыбохозяйственной деятельности в Сахалинской области» (ЗСО-494 2004), приоритетное пользование водными биологическими ресурсами на территориях традиционного расселения и ведения хозяйственной деятельности коренных народов Сахалина предполагало предоставление им первоочередного выбора промысловых участков и исключительное право на вылов определенных видов водных биологических ресурсов. Этот закон вошел в противоречие с принятием в 2007 г. нового Федерального закона от 06.12.2007 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ФЗ-333 РФ 2007), согласно которому ст. 39, как раз и закреплявшая за коренными народами право пользоваться рыбопромысловыми участками вне конкурса, была признана недействительной. С введением конкурсной системы лучшие промысловые участки стали получать в основном крупные промышленные компании, имеющие возможность взять промышленные квоты для осуществления коммерческой деятельности.

Во время нашего пребывания на заливе Ныйво не было ни одного коммерческого предприятия, принадлежащего представителям КМНС. Несмотря на то что многие опрошенные нивхи признавали, что русское старожильческое население Сахалина по образу жизни уже почти ничем не отличается от нивхов, они все же подчеркивали, что нивхи, в противоположность «русским» (в эту категорию информанты включали не только этнических русских, но и русскоязычных жителей не из числа КМНС), намного реже берут промышленные квоты. Кроме того, жители острова, не представляющие КМНС, также могут обзавестись собственными списками и осуществлять доставку рыбы коренным жителям. Только в этом случае передача квоты на личное потребление должна быть оформлена нотариально. Согласно материалам 2009 г., некоторые нивхи предпочитают заключить подобное соглашение с «русскими», чтобы, например, избежать между собой конфликтов. Однако, по мнению многих информантов, «русские» нарушают установившиеся неформальные отношения на Ныйво, занимая те рыболовные места, которые по традиции числились за определенным человеком или семьей (Мамонтова 2012: 138). С другой стороны, данный вопрос сложнее, чем это может показаться на первый взгляд, так как в состав многих общин входят представители различных этнических групп, которые уже считаются не «русскими», а «нашими». Жители из числа КМНС подчеркивают, что те русские, которые живут с ними в одних поселках

на протяжении нескольких поколений, не отличаются от коренных ни по образу жизни, ни по мировоззрению.

Существенным вопросом для коренных народов Сахалина является и объем квоты на личное потребление, составляющий 100 кг лососевых рыб на одного человека в год. Такой объем квоты был установлен еще Минрыбхозом СССР в 1987 г. (Письмо Госплана). Для нивхов, живущих преимущественно в Ногликах, обозначенная квота представлялась вполне достаточной. Информанты отмечали, что количество рыбы в их рационе сократилось и они заметно меньше стали заготавливать рыбы на зимний период. Люди, занятые преимущественно в сфере традиционной экономики, придерживались иного мнения. Они нередко подчеркивали, что рыба для них — это не только основная пища, но и символическая ценность, а занятие рыболовством рассматривается ими как неотъемлемая черта принадлежности к нивхской культуре. Так и возможность самостоятельно устанавливать необходимое количество рыбы и осуществлять ее вылов в любое удобное для них время — привилегия, основанная, по их мнению, на традициях: «В царское время, при коммунистах мы ловили — сколько нам надо, столько и ловили. Лишнего никогда не брали, это наш священный хлеб: у русских — пшеница, у нас — рыба. Вот такие запреты меня просто поражают» (Мамонтова 2012: 138). Для местных жителей рыба — это больше, чем просто еда или возможный источник дохода. В этой связи В. Симонова и В. Давыдов отмечают, что «рыба, ее жизнь и мир не является только лишь мощным ресурсом, но также и важнейшим культурным опытом, эмоцией и локальной философией». Она формирует культурные ценности и социальные отношения между людьми (Симонова, Давыдов 2014: 3). С этим выводом можно вполне согласиться, добавив, что для нивхов рыба — это еще и важный персонаж мифологии и традиционных верований. Ведь часть обрядов, которые люди до сих пор помнят и проводят, так или иначе связаны с морем. Дополнительно, рыба выступает эквивалентом обмена и даже заменяет в некоторых случаях деньги, что в целом характерно для рыболовных сообществ, например, на Амуре (см. Meschtyb 2009).

Исследование 2009 г. показало, что далеко не все из опрошенных нивхов могли дать однозначный ответ на вопрос, нужны ли вообще квоты. Не будет ли тогда достаточным распределение рыбы на основе взаимоотношений, установленных традицией? Признавая, что нивхи «по своей сути», действительно, не должны вылавливать рыбы больше, чем требуется, наши собеседники все же отмечали, что и среди коренных жителей есть браконьеры. При этом некоторые

из них добавляли: то, что определяется как браконьерство по закону, для многих из коренных — это способ выжить в ситуации, когда рыболовство для человека является основной сферой занятости и у него нет другой работы: «У меня другой работы нет. Я сколько себя помню, я почти тридцать лет уже занимаюсь рыбалкой. Я, допустим, не пойду добывать эту нефть, я не пойду строить дома, я не пойду рубить лес, тем более я никогда не буду офисным работником». Выражая желание, чтобы представителям КМНС дали возможность легально реализовать излишки пойманной рыбы без получения квот для ведения промышленного лова (так как последнее требует установки дорогостоящего оборудования и получения разрешений), большинство информантов подчеркивали, что хотели бы сохранить занятие рыболовством в традиционном виде. Наиболее полно, на наш взгляд, эту мысль выразил один из нивхских лидеров: «Дело не в том, что я не могу иметь промысловой базы — я не хочу иметь. Мне необходим уровень самодостаточности, и выше прыгать я не хочу. Я не хочу на традиционной экономике делать технологический уровень, чтобы он приносил богатства. Я хочу, прежде всего, чтобы все хозяйства вышли на достаточный уровень. Если коренные народы выйдут за рамки уровня достатка, то они будут вести себя, как и пришлые, — они будут уничтожать природу». Говоря о современных проблемах традиционной экономики, он также отметил, что о рыболовстве можно «рассуждать как хозяйственник с экономической позиции» и «как лицо, представляющее коренные малочисленные народы Севера». С экономической точки зрения действующее законодательство, по его мнению, выгодно для всех аборигенов, и в частности для тех из них, кто непосредственно вовлечен в традиционные виды деятельности. Таким образом, даже не имея промысловых участков, нивхи все равно могут заниматься рыболовством, используя квоты для коренных народов. Но с «традиционной позиции» нивхи тем самым ограничивают себя заданными законом рамками (Мамонтова 2012: 138-139).

В связи с высокой конкуренцией с рыбаками не из числа КМНС и нефтяными компаниями за право обладать ресурсами общее мнение опрошенных сводилось к тому, что государство должно сделать систему льгот гибче и, более того, отменить льготы на личное потребление, предоставив КМНС свободный вылов рыбы с правом ее коммерческой реализации. Отсутствие же адресной поддержки со стороны государства заставляет нивхов искать иные, не всегда легальные, пути решения повседневных проблем при сохранении того, что они сами определяют как традиционный образ жизни. Так, исследуя жизнь рыбаков залива Ныйво, Эмма Уилсон заметила, что они проводят различие

между формальным «государственным законом» и «моральным законом». Имея представления о первом, в повседневной жизни рыбаки чаще руководствуются неформальными правилами, основанными на традициях и установившихся обычаях (Wilson 2002: 149–168). Моральный закон может стать оправданием браконьерства, которое, по мнению рыбаков, таковым не является: ловить немного больше, чем разрешено по квотам, или даже продавать часть рыбы — это жизненная необходимость. Именно так опрошенные нивхи чаще всего обозначали свою позицию в этом вопросе.

Тем не менее, проблема браконьерства является одной из важнейших для коренных жителей, которые проводят четкое разделение между собой и организованными группами браконьеров, вспарывающих рыбу на нерестилищах для получения икры. По данным исследования, проведенного в 2011 г. учеными СахГУ, районами с высокой распространенностью браконьерства являются Анивский (около 31%), Тымовский (около 23%), Смирныховский (около 21%) и г. Южно-Сахалинск (21%). Районы с меньшей распространенностью браконьерства представлены Охинским (около 19%), Ногликским (суммарно 14%) и Углегорским (около 12%). В качестве основной причины браконьерства и нелегального сбыта рыбы подавляющий процент опрошенных назвал тяжелое материальное положение (Отчет о результатах 2011). Исследователи выделили три типа браконьерства: 1) Бытовое браконьерство, для которого характерна незаконная промысловая деятельность местного населения без разрешения для личного потребления; 2) Незаконная промысловая деятельность с целью последующей продажи рыбы и икры; 3) Криминальное браконьерство, осуществляемое организованными группами в промышленных масштабах и ориентированное преимущественно на заготовку икры и ценных лососевых (Там же: 9). Собственно браконьерством информанты склонны считать третий тип, противопоставляя его первым двум. По их словам, зачастую у людей нет другого выхода, как продать немного рыбы в путину, чтобы, например, купить новую одежду и канцелярские принадлежности детям, которые осенью пойдут в школу. Однако хищнический вылов рыбы для извлечения икры они называют преступлением:

В нашем народе, может, есть люди, которые пользуются, продают... но если ты – нивх, ты цену рыбе знаешь, ты знаешь, как она добывается, сам ее обрабатываешь. У меня один год не было вылова рыбы, мы ходили по побережью и просили. Есть люди, которые икру берут, а рыбу выкидывают. Мы ходили, узнавали, где и что. Хотели себе эту рыбу забрать. Ничего страшного, если она

сутки полежит. Для юколы она, наоборот, хороший товар. Все равно мы даем ей полежать, иначе нож не берет (ПМ 2009, Ноглики, записи Н.А. Мамонтовой).

Проблема браконьерства усилилась после того, как в 2009 г. органы Росрыболовства и правительство Сахалинской области стали переносить промысел лосося из морской зоны в нерестовые реки. Это было связано с необходимостью регулирования пропуска рыбы в реки с помощью «рыбоучетных» заграждений для оптимального заполнения нерестилищ. Однако, как указывают эксперты «Экологической вахты Сахалина», оптимальные уровни заполнения для разных рек не были установлены, а данные о нерестилищах не обновлялись уже более 50 лет. Подобная практика привела к снижению выхода малька и сокращению тихоокеанского лосося. Несмотря на отмеченные экологами нарушения, в 2001 г. правительство Сахалинской области создало 31 рыбопромысловых участка на наиболее ценных нерестовых реках, которые по конкурсу выиграли крупные рыбопромышленники (Справка по проблеме промысла 2014). Интервью 2013 г. свидетельствуют, что проблемы с браконьерством и конфликты между коренными жителями и рыбопромысловыми компаниями все еще не решены. Наряду с вырубкой леса в долинах рек и на водоразделах, промышленным развитием и ухудшающейся экологической ситуацией в целом, люди чрезвычайно обеспокоены сохранением как тихоокеанского лосося, так и биоразнообразия Сахалина в целом.

Северная группа уйльта. Оленеводство

В ценностных ориентациях северных уйльта первое место среди хозяйственных занятий занимает оленеводство, несмотря на то что в реальном соотношении преобладающее значение имеют охота и рыбная ловля, а также заготовка и продажа икры.

Если считать советский период в развитии оленеводства точкой отсчета, то, безусловно, приходится констатировать, что сейчас оленеводство уйльта пришло в упадок. На рубеже 2000-х оленей имели лишь четыре семьи: у Михеевых — около 70 голов, в родовом хозяйстве Макаровых — 20, у Иннокентьевых — 25 и в родовом хозяйстве Мироновой — 35. Всего не более 150 голов (здесь и ниже основные материалы, относящиеся к характеристике оленеводства уйльта на рубеже 2000-х годов, приводятся по: Функ и др. 2000). Примерно такое же количество голов оленей выпасалось и через 10 лет. По мнению информантов, деградация оленеводческого хозяйства связана с введением в 1970-е годы вольного выпаса оленей,

что способствовало их «одичанию». В конце 1980-х — начале 1990-х годов значительная часть свободно пасшихся совхозных оленей стала объектом отстрела браконьерами из городов и поселков (их считали дикими). Система свободного выпаса привела также к одичанию большей части оленей. Таким образом, можно говорить не столько об исчезновении, сколько об «одичании» домашних оленей. Информанты считают, что таких животных достаточно легко приручить вновь (в отличие от диких), однако для этого требуются значительные финансовые и организационные ресурсы. И уже легендой начинают выглядеть воспоминания стариков-нивхов из Ногликов об ороченских стадах, напоминавших бушующее море, или пожилых уйльта о том, как «в наказание» дочери, вышедшей замуж по любви за бедного эвенка, родители дали в приданое «всего 30 оленей» (Э.А. Кириллова о своей бабушке, полевые материалы Д.А. Функа 1999 г.). Люди жалеют об исчезнувших личных оленях, о прежних временах с тысячными стадами совхозных оленей. Бывший управляющий МГП «Вал» В.А. Шевнин еще на рубеже 2000-х вынашивал, вероятно, вполне реалистичные планы восстановления крупнотабунного оленеводства («Оленеемкость пастбищ такова, что поголовье можно спокойно довести до 12—15 тысяч голов»), но традиционное оленеводство уйльта не было крупнотабунным. По свидетельствам исследователей, так было в течение всего XIX и в первой трети XX в. По результатам поездки к северным уйльта (орокам) в 1928 г. Б.А. Васильев писал: «На одного хозяина редко приходится более 20 оленей. Самое распространенное число восемь, пять. У бедняков бывает и меньше» (Васильев 1929: 9).

В качестве меток оленей используются различные вырезы на ушах. Родовых меток уже не помнят; все оленеводы убеждены в семейной собственности на оленей. Как и прежде, оленей кастрируют, пережевывая/передавливая семенники зубами. С введением щипцов для кастрации появились «недокастрированные» олени (*нара*).

Уйльта сохраняют развитую терминологию для обозначения оленей по полу и возрасту. Практически все термины, за небольшим исключением в виде заимствований из эвенкийского языка, все термины собственно уйльтинские (подробно см. Функ и др. 2000: 21–22).

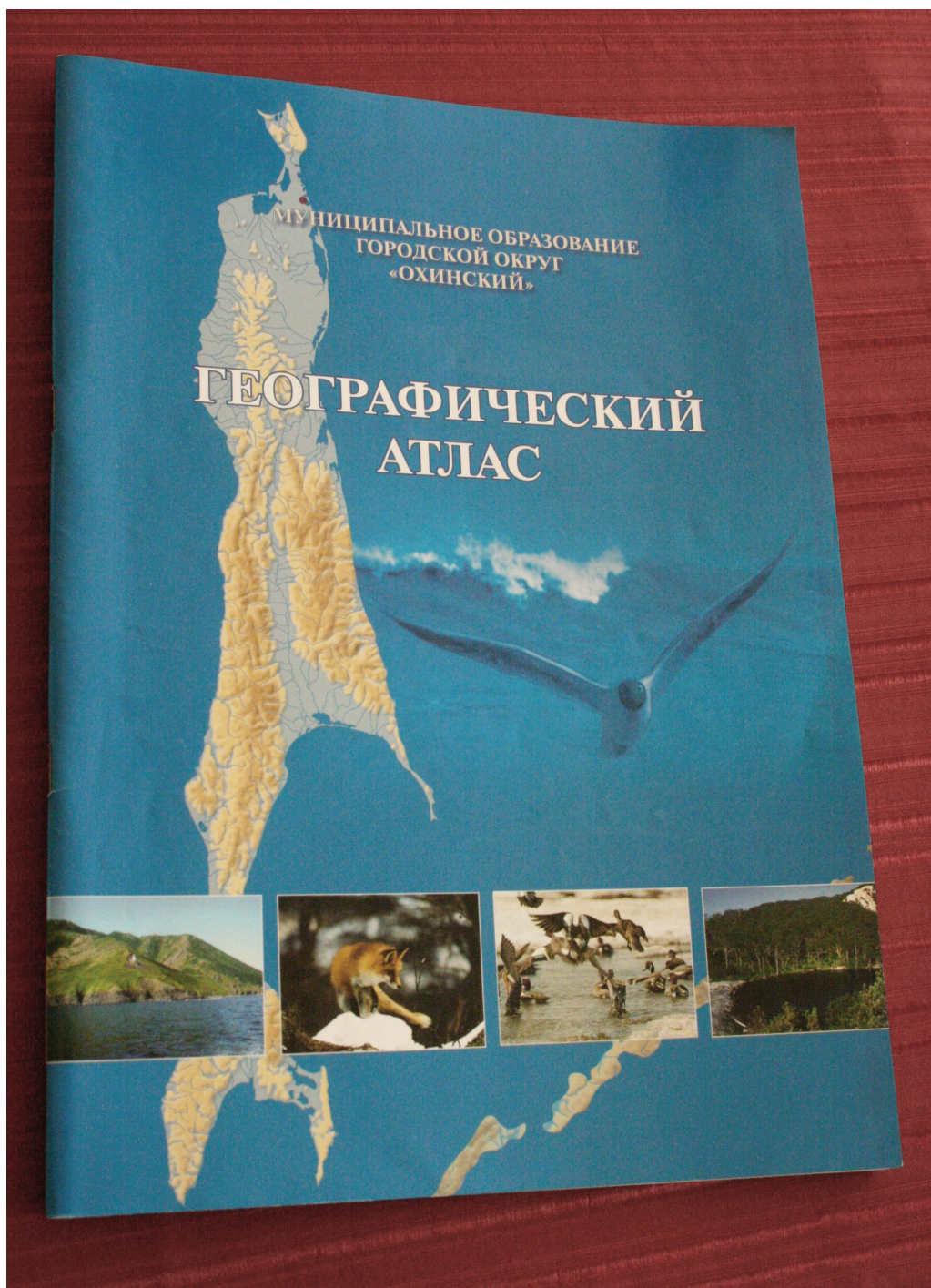
Мужчины оленеводы кочуют круглый год со стадом. Женщины, иногда с детьми, приезжают к ним обычно на лето. Зимой все женщины находятся в поселке. Маршруты кочевий в основном сохранились, хотя удобных мест стало гораздо меньше из-за пожаров, проседаний пластов земли вследствие

нефтеработок и прочих экологических бедствий. Движение стад в последние, по крайней мере, 20-25 лет происходит примерно таким образом: с сентября по ноябрь Макаровы и Иннокентьевы продвигаются со стадами в верховья р. Фуй (в районе р. Солоночу), а Михеевы — в верховья р. Пильтун, по Огненному Ключу; зимой, в декабре — марте, стада первых двух семей движутся на запад, в верховья р. Вал по р. Нилауша, где к ним присоединяется стадо Михеевых; в апреле — мае происходит отел важенок у всех трех семей в низовьях р. Оссой, в районе оз. Оленьего и в Димдданги — в районе озер у залива Астол, а важенок Ж.А. Мироновой — в устье р. Эвай; в июне — августе оленеводы собираются для выпаса стад на мысе Агиво.

Кочевой образ жизни обеспечивается за счет переносного жилья, традиционные формы которого (типа чума) исчезли достаточно давно — лишь немногие информанты имели смутное представление о чуме по воспоминаниям детства. Некое подобие чума сохранялось, судя по сообщениям информантов, до конца 1980-х годов, но только в качестве временок на период рыбалки: «Чумы были, только когда жили бабки старые, на устье Вала, рыбачили. Крыли уже тряпками. По форме только чум» (полевые материалы Д.А. Функа 1999 г.). До недавнего времени существовал один тип переносного жилища — палатка (*апала*). Летом в ней используется жестяная печь, зимой она отапливается железной печкой — «экономкой». В 2010-х годах уйльта начали пользоваться и покупными чумами, производство которых налажено одной из фирм-производителей туристического оборудования.

Сохраняется традиционный способ выпаса оленей — следование за стадом с учетом естественных миграционных потребностей животных. Отел происходит на холмистой равнине вблизи побережья (олениенок должен рождаться на земле, а не на снегу, и раннее оттаивание склонов холмов дает такую возможность; открытое пространство облегчает пастухам наблюдение за важенками и телятами). Летом олени спасаются от гнуса на морском побережье, осенью мигрируют в верховья рек, по берегам которых растет много грибов — излюбленной пищи оленей. Морского ветра вполне достаточно для спасения оленей от гнуса, и потому уйльта редко используют дымокуры, хотя этот способ защиты им также известен.

Характерная черта уйльтинского оленеводства — доение важенок, что в целом чрезвычайно редко встречается в оленеводческих культурах. Молоко очень жирное. Важенка дает в день примерно 1 л молока; для употребления в пищу его разводят в пропорции 1:10 (Функ и др. 2000: 22).

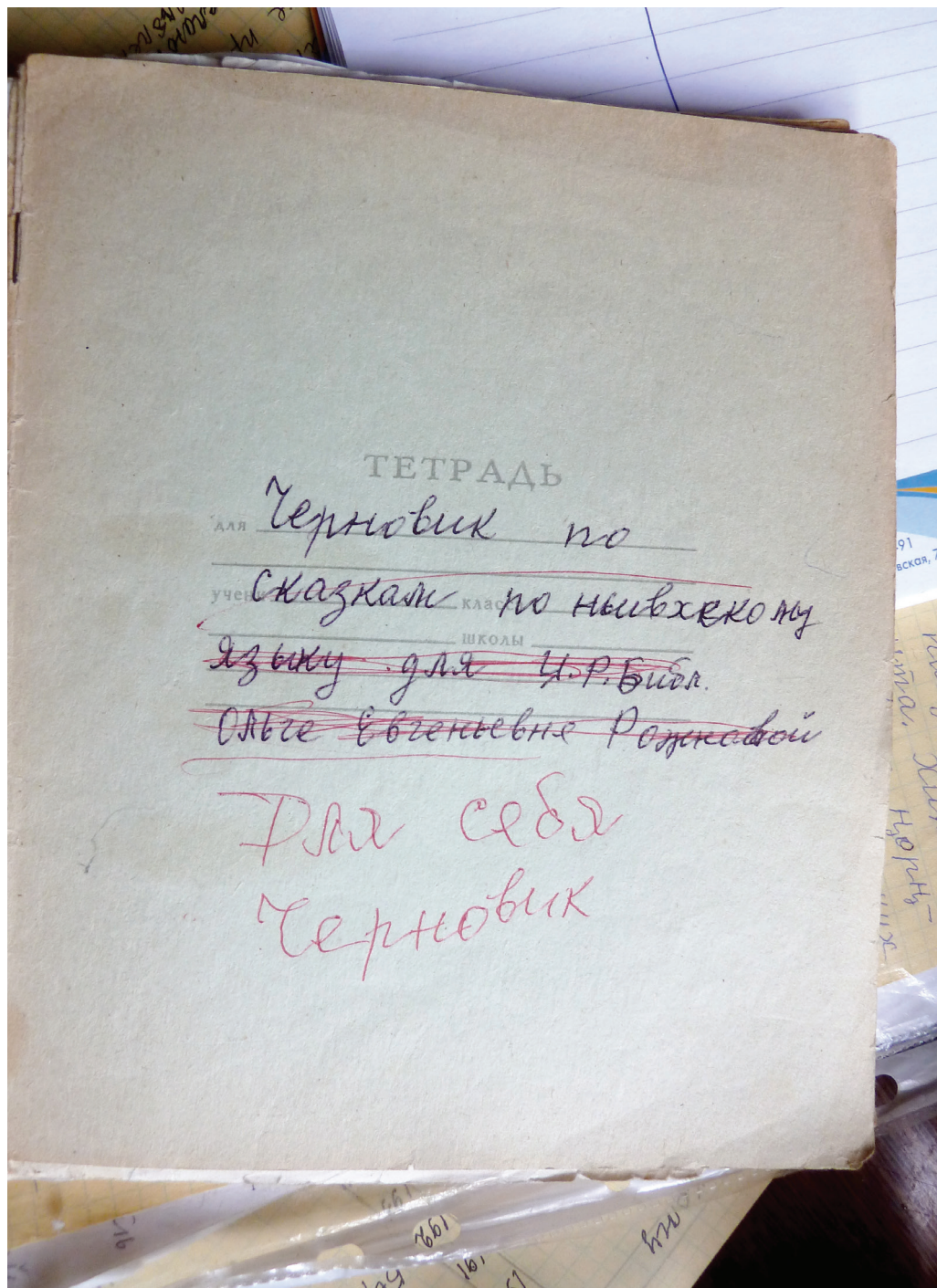
Учебное пособие по географическому краеведению в школе-интернате с. Некрасовка. Фото А. Н. Терехиной, 2013 г.

На уроке нивхского языка. п.Ноглики.
Фото Н.А. Мамонтовой, 2009 г.

Н.Я. Танзина дома за работой. п.Ноглики.
Фото Д.А. Функа, 2013 г.

Обложка тетради Н.Я. Танзиной с черновиками сказок на нивхском языке. п.Ноглики. Фото Д.А. Функа, 2013 г.

Соревнования по северному многоборью на базе школы-интерната в с. Некрасовка: прыжки через нарты.
Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Соревнования по северному многоборью на базе школы-интерната в с. Некрасовка: стрельба из лука.
Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Соревнования по северному многоборью на базе школы-интерната в с. Некрасовка: метание аркана.
Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Спортивный метательный топорик, изготовленный дедом для внука. с. Некрасовка. Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Репетиция ансамбля «Пила к'ен» с. Некрасовка. Игра на музыкальном бревне (тятя чхаш). Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Экспонаты этнографического музея в школе-интернате с.
Некрасовка: нивхские берестяные туеса.
Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Экспонаты этнографического музея в школе-интернате
с. Некрасовка: макет нивхской нарты.
Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Нивхский букварь 1932 г. на витрине
этнографического музея в школе-интернате с. Некрасовка.
Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Музей в школе с. Вал. Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Здание лицея-интерната на о. Южный. г. Поронайск.
Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Наголовник звенкийский
Бисероплетение
(ткань, бисер, стразы)
Балашиха В.А.
Подарок Деяблора Н.В.
2010 год

Звенкийский наголовник – экспонат музея лица-интерната о. Южный. г. Поронайск.
Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Переправа через р. Поронай к острову Южный.
г. Поронайск. Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Памятный знак на кладбище о. Южный. г. Поронайск.
Фото А.Н. Терехиной, 2013 г.

Мишки. Мастер З.Б. Слежакова. п.Ноглики, Фото 2013 г.

Пусть будет праздник! Детский Новый год. п.Ноглики.
Фото З.Б. Слежаковой, 2013 г.

Оленеводы сохраняют традиционные уйльтинские нарты (оксо). Их до сих пор изготавливают кто лучше, кто хуже. Различаются олени нарты и нарты для снегоходов «Буран». Первые делают более высокими, чтобы не цеплялись при езде за пни. Все нарты относятся к типу прямокопыльных. Ездовые нарты — трехкопыльные, хотя грузовые могут быть и четырехкопыльными. До сего дня сохраняется специфическая черта нарт: копылья одной стороны расположены по отношению к копыльям другой не параллельно, а под небольшим углом (вид в разрезе — трапеция), что придает нартам большую устойчивость. Бараны (дуги) привязываются к продольным верхним нащепам спереди и сзади нарт: в случае поломки задний баран переставляется на место сломанного. Оленья упряжь крепится к барану. Нарта снабжена также черемуховой дугой, укрепленной вертикально на уровне первой пары копыльев для натягивания брезента, защищающего седока от ветра и снега. В упряжке два оленя.

Полозья (паура) и копылья (бэгди) нарт изготавливаются из березы, нащепы (палтури) — из ели или пихты, а дуги (чембо, дьавалга) — из черемухи или рябины. В летнее время олени используются в основном для верховой езды и под выюк. Седла у оленеводов до сих пор существуют, причем самые разнообразные: взрослые (нэмо), детские (дурэкэ) — с высокими луками и двумя дополнительными полками по бокам, которые не дают ребенку свалиться при езде; выючные седла. Последние наиболее просты: к двум обработанным оленьим рогам (две развилки) крепятся сыромятным ремнем две деревянные полки. Полки верховых седел закрываются чехлом из ровдуги, сшитым по особой выкройке и набитым затем оленьим волосом. Раньше для новорожденных всегда готовили седло, в настоящее время этот обычай утрачен.

Зимой при необходимости пробивать в снегу дорогу нарты движутся следующим образом: впереди идет человек на камусных лыжах и ведет двух оленей, пробивая дорогу; за ним — легкая нарта, на которой сидит человек (на его нарте лежат шкура, постель, ружье), нарту тащат два оленя и еще два привязаны к ней сзади; далее следуют грузовые нарты. Нормальным считается иметь шесть нарт для перевоза скарба одной палатки. Движущиеся нарты с людьми и имуществом называются по-разному: первая нарта — нёоромди, все остальные — ируна (первый ируна, второй ируна и т.д.).

Ременные арканы для отлова оленя в стаде традиционно изготавливают из нерпичьей кожи (кожа нарезается спиралью с краев к центру), но термин для их обозначения, в том числе и на русском языке, используется лишь один, эвенкийский — маут (мавут).

С исчезновением совхозного оленеводства лидирующее положение в традиционной системе жизнеобеспечения вновь заняли охота и рыболовство. Мужчины-охотники прекрасно знакомы с традиционными способами и орудиями пассивной охоты: петлями на птиц (пута), кулемками (ловушками давящего типа) на соболей и пр. Из добываемых животных на первом месте по-прежнему стоят дикий олень и нерпа. Рыбу ловят неводами, сетями и удочками. В связи с многочисленными запретами на использование снастей и неуклонно снижаемыми властями нормами вылова рыбы последний способ рыбалки стал активно практиковаться даже взрослыми. Временные коллективы, занимающиеся выловом лососевых пород рыб, образуются не по национальному принципу, во всяком случае так происходит в самом пос. Вал.

В «родовые хозяйства» в разные годы были объединены лишь несколько семей: самостоятельные хозяйства организовали Г.Б. Макарова, Г.И. Умения, Ж.А. Миронова, Е.А. Бибилова. Организация такого рода хозяйств позволяет получать грантовую поддержку, в частности, от нефтяных компаний, сохранять оленеводство и в целом привычный традиционный образ жизни хотя бы у части уйльта, но также дает возможность заниматься этнографическим туризмом, производством сувениров, принимать участие в периодически организуемых выставках декоративно-прикладного искусства.

Южная группа уйльта. Рыболовство

В южной группе уйльта, проживающей на территории современного Поронайского района, отход от оленеводства начался намного раньше, чем в северной. Ко времени перехода Южного Сахалина под юрисдикцию СССР количество домашних оленей, вероятно, не превышало 350 голов. На протяжении последующих двадцати лет их численность возросла до 1628 (в 1968 г.), после чего начала неуклонно снижаться, и в 1981 г. оленеводство было окончательно оставлено. Южные уйльта полностью перешли к оседлому образу жизни, основным видом хозяйственной деятельности для них стало рыболовство. Официально причиной этого называлась гибель оленей и части оленеводов во время тайфуна, однако сокращение оленьего поголовья началось еще в конце 1960-х гг. вследствие выполнения зверосовхозом «Поронайский» завышенных плановых заданий по забою оленей, а численность занятых непосредственно в оленеводстве редко превышала десять человек. Поступавшие от уйльта и эвенков в разное время предложения о восстановлении оленеводства не были реализованы (Миссонова 2006: 176–179).

В 1990-х гг. начался процесс создания т. н. «родовых», «национальных» рыболовецких хозяйств, состоящих преимущественно из уйльта, нивхов и нанайцев, а также членов их семей корейского, русского или иного происхождения. Администрацией Поронайского района хозяйствам были выделены промысловые участки на берегу залива Терпения, что позволяет им участвовать в распределении промысловых квот.

Общее число хозяйств непостоянно и колеблется в пределах двух десятков. В 2001 г. их было семнадцать (там же: 228), а в распределении квот «для добычи морских биологических ресурсов для традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера [...] на 2007 год» участвовали только 13 хозяйств (АПР, ф. 143, оп. 1, е.х. 92).

Годовой цикл «вылова различных видов рыб в Поронайском районе» выглядит в настоящее время примерно следующим образом (Миссонова 2006: 227):

Период лова	Основные виды добываемой рыбы
с конца февраля до мая	корюшка
с конца мая до середины июня	сима
с середины июня до начала сентября	горбуша
с конца августа до конца сентября	кета
сентябрь	кижуч
октябрь — начало ноября	чека (корюшка-малоротка)
октябрь — ноябрь	сельдь
конец декабря, январь	навага, «разнорыбица»
март	камбала
май	красноперка

На время подготовки путины и лова горбуши хозяйства нанимают дополнительных работников, в том числе и из северной группы уйльта. Для последних такой вариант сезонного найма обладает дополнительным преимуществом: из-за более раннего окончания путины в Поронайском районе они имеют возможность по завершении работы успеть выловить лосося по квоте на личное потребление для себя и своих семей по месту своего жительства в Ногликском районе (полевые материалы 2013 г.).

Помимо рыбы небольшая часть хозяйств добывает нерпу.

Собирательство

Собирательство в той или иной форме распространено на Сахалине как среди представителей КМНС, так и населения, обосновавшегося на острове позднее. Среди последних собирательство было развито особенно у сахалинских корейцев, которые заготавливали папоротник. Сбор ягод считается женским занятием, к которому время от времени привлекают мальчиков. Иногда пожилые мужчины также участвуют в походах за ягодой. Согласно материалам интервью, мужчины редко занимаются сбором ягод. Хотя для жителей городов, проживающих далеко от ягодников, участие мужчин более привычно, так как в этом случае они нередко привлекаются в качестве водителей. В настоящий момент предметом собирательства являются следующие северные ягоды: брусника, клюква, красника («клоповка»), черника, голубика, морошка, шикша (сикса). Они служат основой не только для традиционных блюд коренных народов острова, но и входят в их повседневный рацион, а также заготавливаются в больших количествах на зиму. Как правило, ягоды замораживают в обычной морозильной камере. По воспоминаниям информантов, ранее их замораживали естественным образом и консервировали в нерпичьем жире. Но сейчас этот способ не используется. Меньшая часть ягод консервируется с сахаром — такого рода способ заготовки ограничивает дальнейшее применение ягод в национальной кухне.

По берегу моря (в Охинском и Поронайском районах) собирают выбрасываемую штормами ламинарию и моллюсков. Отметим, что у нивхов и отчасти у уйльта было хорошо развито морское собирательство. Еще в первой половине XX в. нивхам было знакомо не менее двух десятков двустворчатых моллюсков, которых они собирали как после шторма, так и на мелководье. Для этого у них даже имелась специальная острога. Раковины моллюсков использовались в лечебных целях и для украшения. Кроме того, в пищу употреблялись некоторые виды морских червей, ракообразные, панцирные и брюхоногие моллюски, а также икра морского ежа. В начале 2000-х гг. в с. Чир-Унвд в нивхских семьях широко использовалась сахалинская жемчужница: раковины моллюска дети запекали в костре, а взрослые из мяса делали котлеты и пельмени (Возгыбина и др. 2004).

Предметом собирательства являются и лесные растения: папоротник, белокопытник, сарана, черемша, растение под названием «тукс» (вид точно определить не удалось), а также кедровые орехи. Жители поселков занимаются и сбором грибов, хотя информации на этот счет у нас довольно мало. До сих пор

употребление в пищу грибов в культурах коренных народов Севера ограничено. Хотя под влиянием русского населения они стали собирать и заготавливать их на зиму. Что касается употребления в пищу папоротника, то мнения информантов на этот счет разделились: одни считают, что это было привнесено корейцами, другие полагают, что папоротник в качестве еды был знаком коренным народом давно. Заготовка папоротника осуществляется как на севере острова, так и в более южных районах. Но, пожалуй, самым популярным растением является черемша. Черемша помогала от цинги, довольно распространенной болезни в прошлом. Одна уйльтинская информантка рассказала притчу о целебных свойствах черемши:

Один поспорил: «Я, — говорит, — проживу на черемше». А другой говорит на этом, вот, лопухе. И вот поспорили. Так этот, черемшу который ел, долго прожил, а этот <второй> рано умер (ПМ 2013 г., Поронайск, записи Н.А. Мамонтовой, А.Г. Скибиной).

Что касается лекарственных растений, то жители собирают в основном наиболее известные в традиционной медицине виды, такие как, например, смородиновый и малиновый лист, или чага. Люди также называли ромашку, подорожник, иван-чай, черемуху, рябину и жимолость. Особенно полезными считаются самые первые побеги. Все перечисленные растения заваривают и пьют вместо чая.

Некоторые информанты упоминали растения, которые, согласно их воспоминаниям, раньше собирали их родители, но с наличием современных лекарств надобность в них отпала. Среди таких растений были названы «морская полынь», использовавшаяся для лечения открытых ран. В этих же целях применяется и смола пихтовых растений и их кора, как вовнутрь в виде отвара, так и снаружи в виде компресса. При желудочных заболеваниях и простудах применялся багульник, который использовался и в обрядах. При этом информанты подчеркивали, что багульник является наркотическим средством, поэтому его нужно употреблять осторожно. Мы получили также сообщение о том, что в качестве наркотического средства использовался медвежий дудник. В числе лекарственных растений с широким диапазоном действия жители называли можжевельник. Многие информанты подчеркивали его универсальность, так как, по их мнению, он помогает от самых разных заболеваний. Например, отваром можжевельника до сих пор лечат суставы.

Особенно ценился у нивхов морской шиповник. Его использовали для лечения желудка и язвы. Он также добавлялся в традиционные блюда: спелые и подмороженные мягкие ягоды собирали, смешивали с нерпичьим «маслом» и замораживали в морозилке. Корень шиповника заваривали для лечения детской диареи.

Отметим, что мнения опрошенных людей по поводу народных лекарственных средств разделились. Некоторые считают, что теперь, раз есть лекарства официальной медицины, от народных средств можно отказаться. Собственно, с такой позицией информанты и связывают утрату старинных рецептов. С другой стороны, некоторые люди не доверяют современной медицине и пользуются преимущественно лекарствами растительного и животного происхождения. Наконец, многие представители коренных народов хотя уже и не используют традиционные средства, но хорошо осведомлены, от чего помогает та или иная трава или ягода. Эти знания они получили от своих родителей или бабушек. Отдельные информанты даже описывали, каким образом собиралась та или иная трава, и что с ней нужно делать. В этой связи, следует особенно выделить уникальные знания в области традиционной народной медицины, по крупцам собранные И.И. Оненко (п. Ноглики). Подготовленная ею рукопись была издана при финансовом содействии компании «Сахалинская Энергия».

Растения использовались не только для лечения. Например, чтобы убрать запах рыбы, посуда обрабатывалась можжевельником. Для этого на сухой можжевельник с ягодами клали раскаленный кирпич и лили на него кипяток. Таким образом очищали бочки из-под рыбы. Из стеблей ольхи и рябины делали шампура, на которых пекли лепешки. Некоторые растения использовались для изготовления тканей и рыболовных сетей (крапива), а также для покраски ниток. Наконец, из стеблей некоторых растений нивхи делают музыкальные инструменты, которые применяются в сценической деятельности. Из «медвежьей дудки» (борщевик) изготавливается знаменитый инструмент «кални»:

Зонтичный такой. Стебли растут высокие, дудка. Делают национальные инструменты из них. В Тымовском районе на побережье они растут в основном. Стебли высокие-высокие, их выбирали, вот так прослушивали, проверяли, гортанное звучанье шло. У нас тоже есть, но они маленькие. Низкорослые. У них там высокие вырастают (ПМ 2009, Ноглики, записи Н.А. Мамонтовой).

Отдельные жители занимаются коммерческим сбором дикоросов. Одно из родовых хозяйств в пос. Некрасовка для осуществления сборов на п-ове Шмидта нанимает на временную работу жительниц поселка. Но, как отметил информант из Поронайского района, который сам возглавляет родовое хозяйство, коммерческому использованию дикоросов мешает маленький и перенасыщенный рынок сбыта. Рынок сбыта для рыбы на острове, по его словам, также невелик, однако «рыба всем нужна» (полевые материалы 2013 г.). Это мнение разделяет и бывший руководитель совхоза в с. Вал:

По дикоросам, ну, мы в свое время проводили мониторинг. Бригада пастухов месяца два потеряла: они ездили по западному побережью, исследование вели по ягодам, по клюкве в основном, по бруснике, по орешникам, по кедровому стланцу. Я определился так. Учитывая спрос в той же Японии, Австралии, допустим, там очень большой спрос на наши дикоросы. Ну, поскольку они у нас раскиданы, у нас нету таких массивных площадей, чтобы это все охватить, это огромнейшие и затраты должны быть. Особенно транспортные. Я пришел к выводу, ну, и делал определенные расчеты по созданию плантации брусники. Вот и все. Ну, а спрос, допустим, на туже рябину... она отлично растет здесь и дает по две тонны. Брусника 3-5 тонн дает. А при культуре она намного больше может дать, в два раза где-то. Допустим, рябина в хлебопечении используется отлично. Витаминизированное изделие. А по ягоде, по бруснике я рассчитывал, что самое лучшее, - это сублимационная сушка. Вот тогда оно используется вплоть до фармакологии (ПМ 2009, Вал, записи Д.А. Функа, Н.А. Мамонтовой).

Важно отметить, что многие информанты сообщали о сокращении количества дикоросов: «Только у нас уже нет половины таких трав, которые мы собирали в детстве» (полевые материалы 2013 г.). В качестве таковых она назвала корни кувшинки, «дикую картошку» (вид неизвестен), растение под названием «вяук», кислицу. Хотя другие информанты называли все эти растения в числе собираемых сейчас. Тем не менее, сообщения об уменьшении количества ягодников представляются заслуживающими внимания. Отчасти это связано со строительством и проведением геологоразведки на довольно хрупких территориях лесотундры и верховых болот. Колеса и гусеницы вездеходов и грузовиков оставляют на влажной почве глубокие колеи, разрушающие плодородный слой и уничтожающие

растения, которым требуется достаточно долгое время на восстановление в условиях Севера.

Почему-то резко началось, не то, что постепенно. Резко – раз и все, нет ничего. Так бы можно было перестроиться, а то хочется и морошки, хочется и голубицы. Хорошо, у кого места есть свои. Если нет, машины и лодки нет, то вообще не соберешь ничего (ПМ 2009, Ноглики, записи Н.А. Мамонтовой).

Другой фактор — хищнический сбор ягод при помощи специальных «совков», травмирующих растения. Такой сбор осуществляется при появлении первых относительно спелых ягод. В итоге собранный продукт оказывается недостаточного качества, однако продается в Южно-Сахалинске и других крупных городах области по завышенным ценам.

Опрошенные нами информанты также отмечают, что спрос на сахалинские дикоросы существует, особенно на международном рынке лекарственных добавок, но для того, чтобы их продажа стала рентабельной, требуется создание инфраструктуры. В первую очередь это касается рябины и брусники. Из лекарственных растений интерес, по мнению некоторых людей, представляют чага и можжевельник. С другой стороны, учитывая цены, запрашиваемые за дикоросы в областном центре, их сбор и продажа представляются довольно перспективными и для мелкого предпринимательства.

Что касается собирательства, связанного с морем, то на севере Сахалина оно практически не имеет какого-либо коммерческого значения, поскольку и водоросли, и моллюски в достаточном количестве встречаются только ближе к югу острова.

Благодарности

Аналитическая часть данной главы выполнена в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.B25.31.0009).

Архивные документы

1. Годовые отчеты о половом и возрастном составе сельского населения. 1987 — Архив Охинского района, ф. 19, оп. 1, е.х. 298.
2. Сводные отчеты по статистике труда и заработной платы за 1996 год. Том № 1 — Архив Охинского района, ф. 19, оп. 1, е.х. 505.
3. Сводные отчеты по статистике труда и заработной платы за 1996 год. Том № 2 — Архив Охинского района, ф. 19, оп. 1, е.х. 506.

4. Переписка по вопросам экономического развития коренных малочисленных народов Севера (переписка, сведения, протоколы) за 2007 год — Архив Поронайского района, ф. 143, оп. 1, е.х. 92.
5. Информация о взаимодействии местных органов власти с народами Севера, о ходе выполнения решения Сахоблисполкома №242 от 05.08.91 «О мерах по улучшению социально-экономических условий жизни малочисленных народов Севера», Указ президента РФ от 22.04.92 «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера за 1993 год» — Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО), ф. 1198, оп. 1, д. 231.
6. Письмо Госплана РСФСР от 30.12.87 № 51-6/628 в Сахалинский облисполком, копия — Личный архив авторов.

Интернет-ресурсы

В Сахалинской ... 2014 — В Сахалинской области проживают 490 тысяч человек. 26.02.2014 http://web-okha.net/sakhalin_news/1886-v-sahalinskoy-oblasti-prozhivayut-490-tysyach-chelovek.html Дата посещения сайта 12.03.2015 г.

Литература

- Donahoe* 2014 — Donahoe B. Naming, Claiming, Proving? The Burden of the Proof Issue for Russia's Indigenous Peoples // *Law Against the State. Ethnographic Forays into Law's Transformations*. Ed. by J. Eckert, B. Donahoe, C. Strümpell, Z.Ö. Biner. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 44-68.
- Kymlicka* 2004 — Kymlicka W. Justice and Security in the Accommodation of Minority Nationalism // *Ethnicity, Nationalism and Minority Rights* / Ed. S. May, T. Modood, J. Squires. Cambridge, 2004. P. 144–176.
- Messhtyb* 2009 — Messhtyb N.A. Aspects of the Livelihoods of the Peoples of the Lower Amur under Current Market Conditions // *Post-Soviet Transformations. Politics of Ethnicity and Resource Use in Russia*. Ed. by H. Beach, D. Funk, L. Sillanpää. Uppsala: Uppsala Universitet, 2009. P. 33-48.
- Sasaki* 1998 — Sasaki H. The Trade Activity of the Peoples of the Lower Amur Basin in the 18th and 19th Centuries // *Bulletin of the National Museum of Ethnology*. Vol. 22. № 4. 1998.
- Wilson* 2002 — Wilson E. Est' zakon, est' i svoi zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nysky Bay, North-Eastern Sakhalin

- // People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia / Ed. E. Kasten. Berlin, 2002. P. 149–168.
- Васильев 1929 — Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков // Этнография. 1929. №1. С. 3–33.
- Вогзыбина и др. 2004 — Вогзыбина Г.Д., Горбунов С.В., Раков В.А. Морские и пресноводные беспозвоночные животные и растения в культуре сахалинских нивхов / // Вестник Сахалинского музея: ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. 2005. № 12. С. 264–270.
- Запороцкий, Мурашко 2000 — Запороцкий О.Н., Мурашко О.А. Как можно реализовать конституционное право на защиту традиционного образа жизни и исконной среды обитания // Северные народы России на пути в новое тысячелетие. М., 2000. С. 158–159.
- Мамонтова 2012 — Мамонтова Н.А. Традиционная экономика нивхов Сахалина: между устойчивостью и развитием // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 133–150.
- Миссонова 2006 — Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука, 2006.
- Новикова и др. 2010 — Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., ИЭА РАН, 2010. — Вып. 217.
- Отчет о результатах 2011 — Отчет о результатах социологического исследования «Лососевое браконьерство в районах Сахалинской области» и оценка эффективности работы автономной некоммерческой организации «Сахалинская лососевая инициатива». Южно-Сахалинск, 2011.
- Роон 1996 — Роон Т.П. Уйльта Сахалина. Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры сер. XVIII — сер. XX в. Южно-Сахалинск, 1996.
- Роон 2002 — Роон Т.П. Экономические изменения у коренных народов Сахалина в XX в. // Расы и народы. Вып. 28 / Отв. ред. З.П. Соколова и Д.А. Функ. М.: Наука, 2002. С. 146–159.
- Симонова, Давыдов 2014 — Симонова В., Давыдов В. Красное золото и оборотни: браконьерство в контексте отношений человека и лосося на Северо-восточном Сахалине». URL: <http://ecosakh.ru/index.php/2013-09-20-11-30-33/publikatsii/item/1417>
- Смоляк 1984 — Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: Этногенетический аспект. М.: Наука, 1984.

- Соколовский 2002 — Соколовский С.В. Территории традиционного природопользования Сахалина (обоснование проекта) // Расы и народы. Вып. 28 / Отв. ред. З.П. Соколова и Д.А. Функ. М.: Наука, 2002. С. 160–187.
- Таксами 1967 — Таксами Ч.М. Нивхи. Современное хозяйство, культура и быт. Л., 1967.
- Справка по проблеме промысла 2014 — Справка по проблеме речного промысла лосося на Сахалине, подготовлено РОО «Экологическая вахта Сахалина». Южно-Сахалинск, 2014. URL: <http://www.ecosakh.ru/index.php/va-doc/item/1321>
- Функ и др. 2000 — Функ Д.А., Зенько А.П., Силланпяя Л. Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14–30.
- Ямсков 1999 — Ямсков А.Н. Права малочисленных народов российского Севера на территории традиционного природопользования: владение или пользование? // Обычное право и правовой плюрализм: Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму, Москва, август 1997 / Под ред. Н.И. Новиковой, В.А. Тишкова. М., 1999. С. 122–123.

Глава 5

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ САХАЛИНА И НЕФТЕДОБЫВАЮЩИЕ КОМПАНИИ

1. Краткая история промышленного освоения Сахалина

Историю промышленного освоения Сахалина можно условно разделить на четыре периода. Первый период связан с открытием в конце XIX в. нефти на севере Сахалина и последующим противостоянием между Россией и Японией за обладание месторождениями. Начало второго периода маркировано Пекинскими переговорами 1925 г., в ходе которых была принята «Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией». Он охватывает промежуток с 1920-х по конец 1950-х гг. и связан с открытием ряда нефтегазовых месторождений и последующим наращиванием темпов промышленного освоения. В 1926 – 1927 гг. в рабочем поселке Оха был организован трест «Сахалиннефть». В 1930 г. для обеспечения мобильности была построена железная дорога Оха-Москальво, а через год по этому маршруту был проведен первый нефтепровод. В 1930-е гг. шел активный поиск новых месторождений нефти, были освоены такие площадки как Катангли, Пильтун, Нутово и другие. В 1941 г. на Сахалине началась добыча газа, а с 1942 г. нефть стали перевозить на материк с помощью построенного в этих целях нефтепровода Оха-Софийск-на-Амуре. К началу 1960 г. добыча нефти осуществлялась уже на 19 месторождениях и с того времени ежегодно стало осваиваться до десяти новых площадей.¹

Следующий период, для которого были характерны высокие темпы урбанизации, длился с 1960-х гг. до начала «перестройки». Т.П. Роон отмечает, что в 1960-е гг. произошла «своеобразная адаптация коренного населения к соседству с нефтегазовыми наземными объектами». Появляются смешанные в этническом плане поселки, увеличилась доля браков коренных народов с приезжими рабочими (Роон 2002). К негативным факторам промышленного освоения в этот период относятся сокращение площадей традиционного природопользования — оленьих пастбищ, охотничьих участков, мест сбора

¹ Подробнее см. «Хроника сахалинской нефти (1878-1940)». URL: <http://okha-sakh.narod.ru/hronika.htm>

ягод и дикоросов, и увеличение частоты лесных пожаров, возникающих по вине человека. Кроме того, некоторые лесные участки были испорчены сетью подъездных дорог к нефтяным вышкам (Роон 2008: 36-47). В 1970-х гг. впервые был освоен шельф Сахалина, который равен почти всей площади острова. Хронология открытия месторождений на шельфе выглядит следующим образом: Одопту — в 1977 году, Чайво — в 1979, Лунское — в 1984, Пильтун-Астохское — в 1986, Аркутун-Даги — в 1989 г. (Межуева 2005: 45). Освоение шельфа имело ряд важных последствий для коренных народов Сахалина, занимающихся рыболовством, так как в связи со строительством нефтегазовых комплексов количество поселков, расположенных на северо-восточном и северо-западном побережьях острова сократилось почти на 75%. В целом, в период между 1962 и 1986 гг. их число уменьшилось с примерно 1000 до 329 (Grant 1995: 190). Соответственно, жители были вынуждены переселиться в более крупные поселки, расположенные далеко от их привычных рыболовных участков.

Наконец, четвертый период начался после «перестройки». Он связан с работой на Сахалине таких крупных международных компаний как «Эксон Нефтегаз Лтд», «Сахалин Энерджи» (консорциум «Газпром», «Шелл», «Мицуи», «Мицубиси»), «Элвари Нефтегаз», «БП Сахалин» и некоторых других. Их приход ознаменовал принятие ряда инициатив в отношении поддержки коренных народов, о чем будет сказано подробнее далее. Но сначала — общая характеристика нефтегазовых проектов, существующих на Сахалине на данный момент.

Все месторождения разделены по географическому принципу на 9 частей, начиная с «Сахалин-1» и заканчивая проектом «Сахалин-9». Однако только шесть первых находятся в эксплуатации. «Сахалин-1» и «Сахалин-2» являются самыми крупными проектами, поэтому о них стоит сказать особо. Проект «Сахалин-1» был запущен еще в 1970-х гг., но полноценное освоение нефти началось в середине 1990-х гг., когда компания «Эксон Мобил», имеющая 30% доли в проекте, подписала соглашение с японской компанией «СОДЕКО» (30%) и российской «Роснефтью» (20%). В 2001 г. в консорциум вошла также индийская компания «ОНГК Видеш» (20%). В эксплуатации проекта «Сахалин-1» находятся Чайвинское, Одоптинское и Аркутун-Дагинское (с 2015 г.) месторождения. Проект «Сахалин-2» был инициирован Миннефтепромом СССР в 1988 г. В 1992 г. консорциум «Сахалин Энерджи», состоявший в то время из «Шелл» (55%), «Мицуи» (25%) и «Мицубиси» (20%) получил лицензию на право разработки нефти на острове. В 1998 г. на Пильтун Астохском месторождении была установлена

платформа Молинкап, что и ознаменовало начало нефтегазового освоения в данном регионе. В 2007 г. основным акционером компании становится «Газпром», который получает половину акций. «Сахалин Энерджи» управляет Пильтун-Астохским и Лунским месторождениями. Компании-разработчики остальных проектов и осваиваемые ими месторождения перечислены ниже в таблице:²

Название проекта	Компания-разработчик	Месторождения
Сахалин-1	«Эксон Нефтегаз»: «Эксон Мобил» (30%), «Роснефть» (20), «СОДЕКО» (30%), «Видеш» (20%)	Чайвинское, Одоптинское и Аркутун-Дагинское
Сахалин-2	«Сахалин Энерджи»: «Газпром» (50% + 1) «Шелл» (27,5 %), «Мицуи» (12,5 %), «Мицубиши» (10 %)	Пильтун-Астохское, Лунское
Сахалин-3	«Роснефть» (49,8%) совместно с китайской компанией «Sinopet» (25,1%) и ОГУП «Сахалинская нефтяная компания» (25,1%)	Венинское
	«Газпром»	Айяшское Кириновское, и Восточно-Одоптинское
Сахалин-4	«Роснефть»	Западно-Шмидтовский участок
Сахалин-5	«Роснефть» (51%), «British Petroleum» (49%)	Кайганско-Васюканский участок
Сахалин-6	ЗАО «Петросах» («Альфа-Эно») до 2004 г., после — «Urals Energy» (97%) и «Сахалинская нефтяная компания» (3%)	5 структур: Керосинная, Восточно-Окружная, Окружная морская, Центрально-Пограничная, Богатинская, а также 2 месторождения: Низкое и Северо-Богатинское
Сахалин-7	Не определена	Шельфы в заливах Анивский и Терпения
Сахалин-8	Не определена	Участок шельфа у юго-западных берегов Сахалина
Сахалин-9	Не определена	Участок шельфа у юго-западных берегов Сахалина

Чтобы охарактеризовать значение Сахалина для нефтегазовой промышленности, достаточно сказать, что остров является одним из крупнейших поставщиков сырой нефти и газа. Нефтегазовый комплекс — ведущий и в промышленности Сахалина, в разработке — более 95% разведанных запасов нефти. Преимуществом региона служит его ориентация на страны Азиатско-тихоокеанского региона (АТР). В 2011 г. экспорт сырой нефти составил 69,3 % от общих объемов поставки нефти и природного газа

² Таблица составлена на основе данных, взятых на сайте компании «Сахалин-шельф-сервис». <http://www.sssc.ru/shelf/001.php>

(91% экспорта). Основные покупатели сырой нефти — Республика Корея (58,1 % физического объема), Япония (25,8%) и Китай (12,5%) (Нефть и газ 2012). Другими странами-покупателями являются Тайвань, Филиппины, Таиланд, Индия. Помимо нефтедобычи и транспортировки, на Сахалине осуществляется нефтепереработка, которой занимается компания «Петросах», производящая бензин, дизельное топливо и мазут.

2. Модели взаимодействия коренных народов с промышленными компаниями

Промышленное освоение в местах проживания коренных народов ведется во многих регионах, относящихся к Арктике. Нередко нефтегазовые проекты выступают причиной конфликтов между коренными народами и нефтяниками, чьи интересы на землю и ресурсы неминуемо пересекаются, а видение проблемы зачастую не совпадает. В этом разделе будет дана краткая характеристика некоторых моделей взаимодействия промышленных компаний с коренными народами и описана наиболее частые причины конфликтов и пути их разрешения на примере нескольких сообществ, живущих в Канаде, США, Норвегии и России, на землях традиционного проживания и продопользования которых ведется добыча нефти и газа. Это позволит лучше представить опыт Сахалина в этой сфере.

2.1. Западный опыт (Канада, США, Норвегия)

Данный раздел начнем с позитивного опыта взаимодействия, который хорошо описан в литературе и является скорее исключением, но тем он и интересен. Речь идет о проекте строительства газопровода в долине р. Маккензи, действительно, оказавшимся в целом успешным, хотя и здесь есть некоторые проблемы. Проект был инициирован в начале 2000-х гг. и сначала вызвал опасения первых наций (собирательное название индейских народов в Канаде и США), которые были настроены крайне негативно по отношению к этому проекту. По итогам публичных слушаний и обсуждений их представители изменили свое мнение, они основали Аборигенную группу проекта трубопровода (Aboriginal Pipeline Group), которая подписала с компаниями Меморандум о взаимопомощи. Коренные народы выступили полноправными участниками проекта, а их права на ресурсы и территории за некоторым исключением были защищены рядом государственных постановлений. Исследователи склонны считать, что последнее обстоятельство стало решающим в принятии решения

в пользу проекта (см. *Mason et al.* 2008). Однако земельный спор между правительством и *де чо*, одной из групп *на дене*, чья территория попала в зону промышленного освоения, так и не был разрешен, что негативно сказалось и на сотрудничестве между нефтегазовыми компаниями и лидерами *де чо*, которые считают, что ситуация, при которой правительство и компании получают значительно больше выгод, чем коренные народы, является несправедливой (*Хаммэл* 2008). Тем не менее, данный опыт взаимодействия между коренными народами и промышленными компаниями представил, пожалуй, наиболее удачную на сегодняшний день модель, которая используется при разработке соглашений о сотрудничестве и в других регионах мира, например, к ней обращались саамы Норвегии.

В других регионах Канады взаимоотношения совершенно иные. В провинции Альберта многие годы идут нескончаемые тяжбы между некоторыми группами первых наций, промышленными компаниями, занимающимися добычей нефти из битуминозных песков, и правительством Канады. Первые недовольны тем обстоятельством, что их мнение не принимается в расчет при принятии важных решений, а иногда и вовсе игнорируется. Однако есть и другие обстоятельства. Например, несмотря на то, что промышленный сектор обеспечивает работой население из числа первых наций, их представители занимаются в основном неквалифицированным и низкооплачиваемым трудом и редко допускаются до управления проектами, в чем антропологи справедливо усматривают дискриминацию (*Dutta* 2012: 158). Научные исследования последних лет выявили, что добыча полезных ископаемых, включая нефть, помимо негативного влияния на экологию, в том числе и на изменение климата, в некоторых местах канадского Севера нарушила привычные миграционные пути карибу, являющегося важным объектом охоты для местных жителей, а в отдельных промысловых реках были обнаружены тяжелые металлы и другие опасные вещества, вызывающие серьезные заболевания (*Black et al.* 2014). Кроме того, ученые обнаружили корреляцию между нефтеперерабатывающим производством и увеличением процента различных видов заболеваний, включая редкими видами рака, особенно распространенными среди первых наций (см. *Levant* 2010; *Lambert* 2011; *McLachlan* 2014).

На Аляске представители *инупиат*, одной из аборигенных групп инуитов, опасаются, что промышленное развитие может привести к значительным изменениям морской флоры и фауны. *Инупиат*, занимающиеся добычей китов, отмечают, что сейсмическая разведка отпугивает животных, поэтому охотникам

приходится менять свои маршруты, уходя от поселков все дальше в открытое море (*Kishigami* 2010: 94). В связи с тем, что лишь незначительная доля коренных народов Аляски работает на нефтяных проектах, основное место в структуре занятости занимают как раз традиционные виды экономики, связанные не только с добычей китов, но и с рыболовством. Ситуация с занятостью осложняется тем, что *инуиты* имеют ниже образование по сравнению с остальными американцами, среди них выше процент лиц с хроническими заболеваниями, а также страдающих от алкогольной и наркотической зависимости. Лидеры и представители местной власти неоднократно обращались к нефтегазовым компаниям в целях добиться снижения негативного воздействия промышленного освоения и оказания помощи местным жителям, но те считают, что они достаточно выплачивают компенсаций, а качество жизни сообществ — забота правительства. Дополнительно, как и в России, по закону прибрежные воды не принадлежат ни штату Аляска, ни коренным народам, а являются собственностью государства (*Mikkelsen et al.* 2008: 140), хотя аборигенное сообщество владеет земельными правами, переданными ему от государства в обмен на отказ от дальнейших территориальных притязаний. Региональные объединения коренных народов также имеют право сдавать месторождения полезных ископаемых в аренду под 2% от суммы, получаемой от реализации сырья. Но это правило не распространяется на акватории. При этом отношение к промышленному освоению, а также определение таких понятий как «риск», «изменение климата», «выгода», отличаются не только у всех участников диалога, к которым относятся коренные народы, местные жители, экологи, работники нефтяной сферы и представители власти, но даже у некоторых социальных групп внутри названных сообществ, например, между живущими в городах и поселках. Это делает проблему многогранной и сложной. В целом, местные жители считают, что развитие нельзя остановить, они только надеются на то, что удастся замедлить его темпы, минимизировать влияние и увеличить выгоду для населения (Там же: 170).

В Норвегии, в которой наряду с норвежцами проживают квены и саамы, ситуация с правами меньшинств на земли и ресурсы также неоднозначна, хотя норвежские саамы, имеющие статус коренного народа, пользуются широкими привилегиями, включая право накладывать вето на государственные инициативы, затрагивающие территории их проживания; этому предшествовала длительная история ассимиляции со стороны государства и протестов со стороны саамов. Следует напомнить также, что Норвегия — одна из

немногих стран Европы, первой ратифицировавшая Конвенцию МОТ № 169 «Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». Экономика Норвегии является одной из наиболее устойчивых, а ее нефтяной сектор приносит до 30% дохода в бюджет страны. Саамы, проживающие на севере Норвегии, как отмечают специалисты, не против нефтегазового освоения Баренцева моря, так как они сами получают от этого преференции, однако их лидеры считают, что саамы должны иметь не только выгоду, но и права на те ресурсы, которые располагаются на их землях. Основным аргументом против, который обычно использует правительство, является тот факт, что ресурсы в Норвегии считаются достоянием всех норвежцев. Согласно данному подходу, саамы рассматриваются как часть норвежской гражданской нации (*Hansen, Mitdgard* 2008: 225-226). В целом, для Фенноскандии (государства Скандинавии, включая Финляндию) характерно трактовать земельные права как собственность всех граждан вне зависимости от их этнического происхождения. Вероятно, это послужило одной из причин, почему Финляндия, на территории которой также живут саамы, в марте 2015 г. снова отложила подписание Конвенции МОТ № 169 до формирования нового правительства, что вызвало протесты со стороны саамов.

2.2. Российский опыт в Сибири и Арктике

В связи с тем, что законодательство, защищающее права и интересы коренных малочисленных народов Севера на землю и ресурсы, в России плохо разработано, опыт взаимодействия между промышленными компаниями и коренными народами довольно сложно охарактеризовать в двух словах, так как ситуация будет отличаться по регионам, а способы и механизмы сотрудничества зачастую зависят от множества факторов, к которым относятся географические условия, хозяйственная деятельность сообщества, чьи территории попали в зону промышленного освоения, внутренняя политика конкретной компании, установки локальных чиновников и активность местных лидеров. Однако ряд проблем встречается почти повсеместно.

В Ямало-Ненецком автономном округе, как отмечают специалисты, отношение к нефтегазовому освоению у ненцев, обладающих самым крупным поголовьем домашних оленей в мире, ухудшается от проекта к проекту. Несколько последних десятилетий промышленного освоения на Ямале уже привели к ряду экологических и социальных проблем, связанных с нарушением ягельного покрова оленьих пастбищ, разрушением священных мест ненцев,

загрязнением пресноводных рыболовных участков и увеличением массы металлолома и другого мусора, оставленной работниками нефтяной сферы на разведанных участках. Несмотря на то, что в период с 2004 по 2011 гг. удалось несколько минимизировать ущерб от перечисленных проблем, экстенсивное нефтегазовое освоение по-прежнему остается одной из важнейших угроз для кочевого образа жизни ненцев и сохранения популяции домашних оленей в этом регионе (*Stammler et al.* 2012: 1065). В случае взаимодействия компании «Транснефть» в 2011 г. с ненцами основные проблемы были связаны с неудобным временем проведения общественных слушаний, неправильной подачей информации, из-за чего у участников сложилось впечатление, что их дезинформировали, и в целом с предыдущим опытом, накопленным за многие годы отрицательного взаимодействия с нефтяными компаниями в данном регионе. Разработчики проекта также не учли множества факторов культуры ненцев, включая особенности их кочевого образа жизни, представляя себе регион малонаселенным (*Мартынова, Новикова* 2011: 94-110). Тем не менее, есть и очевидно позитивные стороны: например, исследователи связывают возрождение частного оленеводства в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах именно с финансовой помощью нефтяных компаний, а также указывают на их значительные вложения в развитие инфраструктуры и строительство социально-значимых объектов (*Stammler, Wilson* 2006: 15).

В Якутии при строительстве нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (этот проект с измененным маршрутом был затем переименован в «Расширение трубопроводной системы ВСТО»), прошедшего частично через оленьи пастбища эвенков, «Транснефть» не предложила коренным жителям ни социо-экономической программы, ни компенсации. Экологические организации и эвенкийское сообщество были крайне озабочены тем, что проект затронет пути миграции оленей, рыболовные участки и места сбора дикоросов, а также увеличит риск пожаров по вине техногенных аварий (*Yakovleva, Grover* 2015: 206). Исследование того же проекта, проведенное группой ученых в 2005 г. в Бурятии, показало, что большинство местных жителей вообще не было проинформировано о деталях строительства. Кроме того, вырубка леса под трубопровод началась до получения итогового отчета ОВОС (оценка воздействия на окружающую среду). Опрос выявил, что жители особенно опасались проблем, связанных с экологической безопасностью, трудоустройством, выплатой компенсаций, вывозом сырья, разрушением священных мест, притоком постороннего населения и возможных аварий в будущем. Когда же общественные слушания,

которые должны были прояснить все эти проблемы, состоялись, представители компании оказались не готовы ответить на многие вопросы местных жителей, что, конечно, не привело к снятию напряженности (Сирина, Фондад 2008). К сожалению, крупные аварии 2010 г. в Ленске (Якутия) и Сковородинском районе Приморского края подтвердили высокие риски для природы и людей, живущих в близости к данному трубопроводу.

Исследователи отмечают, что несмотря на наличие общих проблем, Сахалин и Сибирь представляют разные модели взаимодействия между коренными народами и промышленными компаниями. М. Брэдшоу называет Сахалин в этом отношении границей между Европой и Азией, Европой в Азии, а также одновременно Россией в миниатюре (Bradshaw 2003: 161). В то время как для живущих в Сибири аборигенных сообществ важно построить хорошие отношения с местными органами государственной власти, на Сахалине в фокусе внимания находятся международные компании (Stammler, Wilson 2006: 14-15). Об этом подробнее в следующем разделе.

2.3. Опыт Сахалина

Несмотря на то, что промышленное освоение Сахалина началось еще в 1920-х гг., история сотрудничества между нефтегазовыми компаниями и коренными народами насчитывает не более 15 лет. В 2001 г. компания «Эксон Нефтегаз Лтд» заключила Соглашение о взаимопомощи и сотрудничестве с представителями Ассоциации коренных народов Сахалина. Аналогичное соглашение должно было быть подписано и с «Сахалин Энерджи», но на тот момент компания отказалась от сотрудничества, мотивируя это тем, что Ассоциация не является полномочным представителем всех коренных народов Сахалина. Тем не менее, «Сахалин Энерджи» учредила гранты для поддержки образования и культуры. В 2002 г. в рамках соглашения был создан Консультативный комитет, который до сих пор занимается вопросами защиты среды обитания, традиционного образа жизни и культуры коренных народов Сахалина.

В 2003 г. «Эксон Нефтегаз Лтд» приняла на работу координаторов по связям с общественностью для информирования жителей п. Вал о проекте «Сахалин-1». В рамках программы взаимодействия с местным населением компания также оказывала помощь оленеводам, например, координировала переход оленьего стада через трассу трубопровода и создавала объездные пути вокруг строительных площадок в целях обеспечения доступа рыболовов к заливу Чайво в сезон ловли наваги.

В 2001-2004 гг. «Сахалин Энерджи» выступила инициатором проведения оценки воздействия проекта «Сахалин-2» на социальную сферу в соответствии с директивами Всемирного банка как основного донора компании (эксперты компании принципиально не называли данную оценку экспертизой). Результаты были частично опубликованы в отчетах (Отчет по оценке-1; Отчет по оценке-2; Краткий обзор 2005). Среди основных выявленных проблем были названы следующие: 1) негативное воздействие на социальную сферу, особенно в Ногликском районе, где на морском шельфе размещено большинство нефте- и газодобывающих комплексов. Живущие на заливе люди отмечали негативное влияние работ на местную флору и фауну; 2) работы по строительству в рамках Проекта затронули пять семей оленеводов (57 чел.) из числа уйльта и эвенков, так как трубопровод частично прошел по территории оленьих пастбищ; 3) местные жители, вне зависимости от их этнической принадлежности, были обеспокоены возможным воздействием на нерестовые реки, места сбора дикоросов, а также изменением состояния почв и лесных участков; 4) жители из числа коренных народов считали, что у них меньше специальных навыков, чем у приезжих рабочих, поэтому они могут пострадать от дискриминации при найме на работу.

Несмотря на проведенную работу, недовольство местных жителей в отношении проекта «Сахалин-2» росло. В частности, они рассчитывали на то, что по итогам названного исследования будет разработана долгосрочная программа поддержки. Негативную реакцию вызвало и то, что результаты исследования не были обнародованы, а рекомендации экспертов не были приняты во внимание (Мурашко 2004). Кроме того, жители опасались, что нефтяные компании могут в любой момент начать бурение в местах их традиционного природопользования, в частности, на Ныйском заливе; люди до сих пор обеспокоены близостью платформы к их юридически незакрепленным рыболовным участкам.

Действительно, современное российское законодательство фактически не защищает наиболее важную для коренных народов сферу — землепользование. Это связано в том числе и с принятием в 2000-х гг. некоторых законов и поправок к федеральным законам, которые усилили зависимость коренных народов от негативного влияния промышленного освоения. Если с 1992 г. коренные малочисленные народы Севера в рамках указа президента РФ «О неотложных мерах по защите мест проживания...» (Указ 1992) могли получить участки земли и рыболовные угодья в аренду

или частную собственность для ведения традиционных занятий, то принятый в 2000 г. закон «Об общих принципах организации общин...» способствовал выведению земель из гражданского оборота. Согласно этому закону, коренные народы лишились имущественного права на территории традиционного природопользования (Данилова 2009: 39). И хотя закон «О территориях традиционного природопользования...» (ФЗ-49 2001) оставил за коренными народами право получения земель на безвозмездной основе, принятый в том же 2001 г. Земельный кодекс РФ данного права не учел. Это открыло возможность компаниям вести промышленное освоение в местах традиционного проживания и экономической деятельности (Мурашко 2006: 9–11). Дополнительно, ряд положений федерального законодательства относительно взаимоотношений коренных народов и промышленных компаний никак не отражен в Законе «О недрах...» (см. подробнее Кряжков 2014).

Информанты из числа коренных народов, а также опрошенные русские, живущие на острове не одно поколение, воспринимают крайне негативно отсутствие механизмов защиты своих прав, особенно принимая во внимание тот факт, что многие из них в начале 2000-х гг. не были осведомлены об изменении законодательства и не позаботились о переоформлении своих рыболовных участков и оленьих пастбищ. По всей видимости, в настоящий момент только несколько общин в Поронайском районе имеют юридически оформленные участки. Исследование 2009 г. показало, что, по мнению опрошенных жителей, одним из решений проблемы сохранения экономики и культуры аборигенов острова могло бы стать закрепление территорий традиционного природопользования за коренными народами на таких основаниях, чтобы и государство, и промышленные компании могли использовать эти земли только на правах аренды (см. Мамонтова 2012). Вероятно, в данном случае они апеллируют к опыту Северной Америки, где есть подобная практика взаимодействия с нефтегазовыми компаниями. Во многом желание сохранить приоритетный доступ к ресурсам и территориям связан с тем, что жители не верят в то, что экологическая экспертиза и их мнения окажутся решающими в том случае, если проект будет выгоден государству:

Если бы эти территории были наши, наших родов, если бы они были официально закреплены, и чтобы какие-то на них промышленные освоения вести, они должны были бы спрашивать разрешения. А нас в то время слили в один поселок, нашего мнения не спрашивали. Это все время ушло, без нашего

разрешения эти промышленные освоения велись и будут вестись, а территории – они нужны государству в любом случае (ПМ 2009а, запись Н.А. Мамонтовой).

Тем не менее, Закон РФ «О гарантиях прав...» в Статье 8 предусматривает, что коренные народы имеют право безвозмездно пользоваться землями различной категории в местах традиционного проживания и природопользования, а также «участвовать в осуществлении контроля за использованием земель различных категорий, необходимых для осуществления традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами малочисленных народов, и общераспространенных полезных ископаемых в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов», и требовать возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания (ФЗ-82 1999). Дополнительно, Устав Сахалинской области определяет, что органы государственной власти принимают решение об образовании территорий традиционного природопользования регионального значения и о льготах при пользовании природными ресурсами (Статья 73). Это положение было закреплено региональным законом «О правовых гарантиях...» (30-72, 2006), который соответствует федеральному закону «О гарантиях прав...». Однако отсутствие механизма реализации указанных прав, их несогласованность в разных законах, противоречия в интерпретациях, отсутствие универсальности и зачастую декларативность исполнения — все это ведет к тому, что фактически любая компания может избежать юридической ответственности за причиненный вред, или получить разрешение на осуществление работ на территориях проживания коренных народов (см. Кряжков 2014).

В качестве примера можно вспомнить судебное разбирательство 2003 г., в котором на стороне истца участвовали хозяйство «Оленевод» и национально-культурная автономия «Эвенки Сахалинской области», а на стороне ответчика — компания «Эксон Нефтегаз Лтд». Эвенки пытались запретить строительство нефтепровода на оленьих пастбищах, расположенных между месторождениями «Чайво» и «Одопту». Они считали, что этот проект нарушает права эвенков на занятия традиционными видами деятельности, а также апеллировали к Распоряжению Совета Министров РСФСР от 14.11.1986 N 1551-р, по которому хозяйство «Оленевод» является правопреемником бывшего совхоза. Но, как и во многих делах подобного рода, истец проиграл дело, так как суд установил, что олени пастбища юридически больше не принадлежат хозяйству, так как не

были оформлены надлежащим образом (Постановление 2004; см. подробнее Доклад о состоянии прав 2009). В 2007 г. группа эвенков провела пикетирование офиса названной компании в Южно-Сахалинске. Как отмечалось в уведомлении о проведении этого мероприятия, целью пикетирования явилось «привлечение общественного внимания к проблемам эвенков Сахалина и их организаций, их правам и свободам, нарушаемым компанией «Эксон Нефтегаз Лтд», принятие обращения к президенту Российской Федерации и губернатору Сахалинской области о недопустимости нарушения прав российских граждан и запрещении ее деятельности на территории России» (ИА Regnum 2007). В 2009 г. конфликт между «Эксон Нефтегаз Лтд» и эвенками повторился. Представитель эвенков в Региональном совете уполномоченных, В. Мачехин, заявил о решении эвенков выйти из состава Совета. Это было связано с тем, что решения Совета, по его мнению, принимались без участия всех его членов. В частности, речь шла о «соглашении о благотворительности».

Не закрепленными остаются также природные и рукотворные сакральные места коренных народов, которые зачастую не нанесены на карту и официально не зарегистрированы. Отсутствие картографирования подобных мест иногда связано с тем, что люди могут сознательно не привлекать к ним внимание (Новикова 2010: 76). Например, у большинства коренных народов Севера запрещено не только посещать места старинных захоронений, обычно находящихся глубоко в тайге или тундре, но даже упоминать о них в разговоре. Незнание этого обстоятельства может стать потенциальным источником конфликтов. Например, при подготовке к работе на острове компания «Сахалин Энерджи» выступила заказчиком историко-культурной экспертизы, которую провели археологи СахГУ. Учеными были обнаружены археологические объекты, представляющие культурную ценность, а также несколько священных мест, но «их значение для сохранения и развития культуры коренных народов острова не было раскрыто» (Там же). О том, что компании работают на священных местах, сообщали и местные жители. В частности, незадолго до первых протестов 2005 г., компания «Эксон Нефтегаз Лтд», как пишут сами представители коренных народов, «осквернила места захоронений на Венском, разместив там базу для хранения труб, строительного материала» (Отчет регионального Совета 2009: 3). Однако кладбище не было зарегистрировано, поэтому подрядчики имели право продолжать работы при наличии всех соответствующих разрешений. Впрочем, после завершения работ площадка была освобождена от строительных материалов. Но в воспоминаниях жителей

остался сам факт нарушения священного места и то, что работы так и не были приостановлены.

Недостатки российского законодательства и отсутствие диалога между коренными народами, представителями государственной власти и компаниями стали очевидны в 2004 г., когда на ряде встреч в Южно-Сахалинске и Москве лидеры коренных народов Сахалина подготовили ряд обращений в администрацию Сахалинской области и к нефтегазовым компаниям, требуя незамедлительного проведения этнологической экспертизы. «Сахалин Энерджи» в ответном обращении заявила, что компания соблюдает нормы российского законодательства, имеет все нужные разрешения и технические задания, включая оценку воздействия на социальную сферу. Воспользовавшись отсутствием в законодательстве понятия «этнологическая экспертиза»³, представители компании сообщили о том, что у них нет информации о процедуре проведения экспертизы, что делает невозможным и выплаты компенсаций (Роон 2008: 45). В итоге, в январе 2005 г. активисты и лидеры коренных народов провели митинг против негативного воздействия нефтегазовых проектов на природу острова и их экономическую деятельность. Акция получила название «Зеленая волна». Особенности взаимодействия между коренными народами и компаниями в тот период, сама акция и ее итоги нашли отражение в нескольких научных публикациях (Роон 1999; Роон 2008; Kwon 1997; Wilson 1999; Mitrofanin 2006; Lee 2006; Роон 2006; Северные народы 2000).

Следует отметить, что акции предшествовал ряд негативных событий, который и вынудил жителей в итоге заблокировать дороги, ведущие к нефтяным объектам. Некоторые из этих проблем уже были названы выше. К другим относятся экологические нарушения. По данным «Экологической вахты Сахалина», с платформы «Моликпак» в период с 1999 по 2001 гг. в Охотское море было сброшено порядка 70000 тонн токсичных отходов. Уже в 1999 г. недалеко от платформы был зафиксирован значительный падеж тихоокеанской сельди (около 5000 тонн), и анализ показал наличие в ней компонентов бурового раствора. Согласно ученым-токсикологам, сельдь на пути к своему месту нереста попала в слои, содержащие нефтепродукты, и это обстоятельство изменило ее миграционное поведение. Она зашла в залив, в котором недостаток кислорода привел к ее гибели. Государственные органы не приняли во внимание отчет ученых. Однако рыбаки из числа коренных народов,

³ Впервые понятие этнологической экспертизы в российском законодательстве появилось в ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г. – прим. рук проекта.

отправившиеся в тот год на промысел сельди, заметили, что рыбы практически не было. Другой инцидент произошел в 2002 г., когда рыболовецкий колхоз «Восток» и жители поселков сообщили о резком уменьшении наваги рядом с платформой, в то время как в других частях острова никаких изменений отмечено не было (подробнее см. Воздействие проекта «Сахалин-2» 2004). Кроме того, недовольство местных жителей вызвала и реакция чиновников и работников нефтегазовой сферы, которые не пожелали разобраться в причинах этих нарушений.

В связи с названными и некоторыми другими проблемами, компания «Шелл», которая на тот момент являлась основным держателем акций «Сахалин Энерджи», в 2005 г. от лица всего консорциума признала, что при строительстве прибрежной трубы, проложенной более чем через 1000 небольших рек и притоков, действительно, были допущены ошибки (Goes 2013: 88). В том же году компания «Сахалин Энерджи» пригласила экспертов Всемирного банка для формирования программы помощи коренным народам. В соответствии с требованиями Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) и политикой Группы Всемирного банка (Операционные Директивы 4.20 «Коренные народы» и 4.10 «Операционная политика») по планам природоохранных мероприятий компания должна была выполнить все существенные обязательства, вытекающие из ОВОС, подготовленной на первых этапах работы (Годовой отчет 2005; Политика ЕБРР 2003). Важным результатом сложного и длительного диалога между компанией и коренными народами Сахалина стал «План содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина» (далее — «План содействия»).

Первый пятилетний «План содействия» (2006-2010) начал действовать в Сахалинской области в 2006 г. В качестве пилотного региона для его запуска был выбран Ногликский район, непосредственно испытывающий влияние нефтяных проектов компании «Сахалин Энерджи». «План содействия» представляет собой трехсторонний договор между компанией, администрацией Сахалинской области и Региональным советом уполномоченных. Управляющими органами являются Наблюдательный совет, Исполнительный комитет и два профильных комитета, занимающихся поддержкой традиционной экономической деятельности и социального развития, а также Совет фонда мини-грантов.

Как следует из описания «Плана содействия», его функции заключаются в улучшении качества жизни народов Сахалина и предотвращении или снижении негативного воздействия нефтегазового проекта «Сахалин-2». Изначально

некоторые представители компании хотели, чтобы финансовая поддержка предоставлялась только тем сообществам, которые непосредственно попадают в зоны риска, в первую очередь, это относилось к оленеводам п. Вал. Другие же считали, что в целях предотвращения этнических и региональных конфликтов следует распространить поддержку на все коренные народы (*Brereton et al.* 2011). В итоге, был выбран второй путь. «План содействия» оказывает финансовую помощь, которую представители КМНС могут получить либо через программы социального развития и поддержки традиционной экономической деятельности, либо через Фонд мини-грантов. В общих чертах структура финансирования Первого «Плана содействия» выглядела следующим образом:

- **Программа социального развития** состояла из следующих компонентов: здравоохранение (приобретение медицинского оборудования, оплата операционного лечения, приобретение слуховых аппаратов и пр.), образование (финансирование оплаты обучения студентам из числа коренных народов, оказание материальной помощи для приобретения оборудования и школьной мебели и пр.), культура (культурные мероприятия, фестивали и праздники, а также организация семинаров, направленных на поддержку языков) и обучение/развитие потенциала (повышение уровня самосознания, обучение правовой грамотности и пр.).

- **Программа поддержки традиционной экономической деятельности** (далее — ППТЭД) включала два направления: проекты «Самообеспечение» и микрокредитования экономической деятельности. Второй тип проектов направлен на получение прибыли и создание рабочих мест для представителей коренных народов.

- **Фонд мини-грантов** призван содействовать деятельности некоммерческих организаций КМНС, общественных объединений, родовых хозяйств и других структур и организаций коренных народов Сахалина.

Итоги реализации Первого Плана Содействия можно узнать из опубликованного компанией отчета, в котором, в частности, сообщается, что с 2006 по 2010 гг. в рамках программы было реализовано 299 проектов на общую сумму 40 403 377 рублей. Из них по программе ППТЭД было осуществлено 89 проектов на общую сумму 17 681 081 рублей, по Фонду мини-грантов — 88 проектов на сумму 4 033 220 рублей. По четырем компонентам программы социального развития распределение проектов выглядело следующим образом: «Здравоохранение» — 33 проекта, «Образование» — 34 проекта,

«Культура» — 30 проектов и «Обучение/развитие потенциала» — 25 проектов (Отчет о финальной оценке 2010: 4).

В структуре второго «Плана содействия» (2011-2015) осталось только две программы — Фонд социального развития (все неэкономические направления) и Программа поддержки традиционной экономической деятельности, состоящая из трех компонентов: «Самообеспечение», «Бизнес-планирование» и «Микрокредитование». Основной акцент второго «Плана содействия» был сделан на повышении конкурентоспособности общин и предприятий коренных народов. Анализ отчетов о проведении мониторинга первого «Плана содействия», ежегодно публикуемых «Сахалин Энерджи», показал, что именно вокруг программы поддержки традиционной экономической деятельности возникло больше всего разногласий, как у экспертов, так и у самих коренных народов. По мнению экспертов компании, традиционная экономика коренных народов должна развиваться устойчиво, а делать это она может только в случае перехода к конкурентоспособной модели развития, то есть к рыночной. Можно было ожидать, что положения второго «Плана содействия» будут больше ориентированы на включение коренных народов в рыночную систему отношений (Мамонтова 2012: 146). Эти ожидания оправдались, о чем будет сказано подробнее в заключительном разделе этой главы.

2.4. Влияние нефтяных компаний на экологию и жизнедеятельность коренных народов Сахалина (по материалам интервью 2009 и 2013 гг.)

Подавляющее большинство опрошенных как в 2009, так и в 2013 г., было обеспокоено экологической ситуацией на Сахалине, возможным негативным воздействием нефтегазовых компаний на жизнь населения и окружающую среду. С промышленным освоением острова люди связывали, в частности, высокий процент онкологических заболеваний. Действительно, показатель заболеваемости онкологией в Сахалинской области значительно превышает общероссийский, особенно распространен на острове рак легких, что врачи связывают с плохой экологией и низким уровнем доходов населения (существует прямая корреляция между бедностью и заболеваемостью). По мнению экспертов, на рост загрязнения атмосферного воздуха на Сахалине и Курилах влияют следующие факторы: использование на предприятиях топливно-энергетического комплекса технологически устаревшего оборудования, недостаточное оснащение предприятий очистными сооружениями, увеличение числа автомобилей, применение экологически опасного топлива (уголь

повышенной зольности, этилированный бензин), а также снижение контроля службы Госсанэпиднадзора за состоянием окружающей среды (Обзор о состоянии 2008: 9).

Жители, занятые рыболовством, — а это большинство коренного и значительная часть некоренного населения Сахалина, — отмечали аномалии, происходящие с рыбой. Они говорили о том, что качество рыбы в последние годы значительно ухудшилось, мясо стало «рыхлым» и быстро портящимся, некоторые упоминали случаи аллергии на рыбу:

Изменения экологии – это да. Сказывается на рыбе нефтеразведка, шельфовые проекты. Рыба по вкусу бывает со странным запахом. Бывает, что только поймал, а мясо мягкое, как будто несколько дней пролежало. Бывает гермафродиты – с молокой и икрой. Икра стала не такая. Засолил, она крепче была, а сейчас как жижа. Нерпа раньше в Тымь заходила, а сейчас мало. На море штук 10-15 голов обязательно [было]. Сейчас меньше. По серым китам не скажу, просто слыхала, что где их пастбища, там идут разработки (ПМ 2009а, запись Н.А. Мамонтовой).

По-прежнему население встревожено качеством проведения сейсмологических разведок и отсутствием прозрачности в информировании жителей о предстоящих работах по разведке нефтяных залежей. В 2009 г. опрошенные жители в Ногликах упоминали о том, что одна нефтяная компания планировала провести сейсмологическую съемку в Охотском море как раз перед ходом лосося. Чтобы препятствовать этому, население собрало подписи, были приглашены экологи — акция протеста вынудила компанию отсрочить работы. В 2013 г. в Некрасовке жители жаловались на то, что разведка нефти в 2012 г. распугала рыбу рядом с их поселком.

У нас здесь, говорят, где-то рядышком будут нефтяную вышку ставить. Мы все здесь против, потому что рыбы у нас не будет, а заработок у нас — чисто только рыба. И то не всегда. Рыба сегодня есть — завтра ее нету. Из-за этих разведок (в прошлом году) рыба у нас не заходила (ПМ 2013б, запись Н.А. Мамонтовой).

Описание этой ситуации в СМИ выглядит совершенно иначе:

Сроки сейсморазведки у берегов северного Сахалина в районе села Некрасовка перенесены на ноябрь 2012 года. Такое решение компания «РН-Шельф — Дальний Восток» приняла по просьбе местных жителей, чтобы не помешать проведению традиционной лососевой путины. Это стало еще одним примером бережного отношения компаний, участвующих в освоении шельфа острова, к нуждам коренного населения Сахалина (Нефть и газ 2012).

По сообщениям жителей поселка, на слушания пришло очень мало людей, поэтому большинство оказалось не осведомлено о начале работ. Безусловно, в том, что работы состоялись в неблагоприятное время, есть вина и самих жителей, не проявивших достаточного внимания к важности общественных слушаний. Однако подобному пассивному отношению есть объяснение. Нередко информанты сообщали о том, что общественные слушания фактически ничего не решают, информация, предоставляемая промышленными компаниями на этих слушаниях, по их мнению, зачастую не соответствует действительности, а масштабы планируемых работ оказываются крупнее заявленных (ср. *Сирина, Фондад* 2008). Этим и объясняется низкая явка жителей — они не верят, что их присутствие может что-либо изменить. Некоторые информанты говорили даже о том, что их специально не приглашают на публичные обсуждения, потому что они слишком критично настроены к нефтегазовой разведке, другие отмечали, что представители администрации просят их не сильно критиковать нефтяников на этих слушаниях, чтобы не портить с ними отношений. Наконец, на некоторых общественных слушаниях вообще не присутствовали представители коренных народов, как это было, например, в 2013 г., когда в Охе обсуждался один из проектов «Сахалин-1» (Заключение 2013: 23).

Хотя этот пример и не относится к нефтегазовым проектам, но похожую ситуацию с организацией общественных слушаний мне удалось наблюдать в 2007 г. в Эвенкии, где компания «РусГидро» планировала построить гидроэлектростанцию: работники компании были явно плохо подготовлены к обсуждению проекта, вероятно, считая, что им не придется отвечать на сложные вопросы населения, в том числе технического характера. Нередко бывает и так, что представители бизнеса принимают отсутствие возражений за успешно состоявшийся диалог, в то время как молчание означает лишь отказ от прямой конфронтации. Антрополог Дэвид Грэбер рассматривает эту стратегию как сознательное отрицание форм власти, которое заставляет людей переосмысливать и реорганизовывать привычные способы взаимодействия в

ситуациях вынужденного подчинения (Грэбер 2014: 47-48). Подобную стратегию избегания конфликтов, как отмечает Ф. Штаммлер, используют, например, ненцы в общении с представителями нефтегазовых компаний, работающих на Ямале. При этом в некоторых ситуациях данная стратегия может привести к печальному результату для местного сообщества — тотальному уходу от конфликта в форме самоубийства (Stammmler 2011).

Стоит добавить, что проблема непопулярности общественных слушаний сохраняется даже у таких компаний, как «Сахалин Энерджи», обладающей развитой системой распространения информации. Однако значительные мероприятия собирают все же несколько большее число жителей и сотрудников администрации. Например, согласно статистике, опубликованной «Сахалин Энерджи», на слушания в рамках консультаций по подготовке Второго «Плана содействия», организованные в феврале-апреле 2010 г., пришло следующее количество человек: 57 в Некрасовке (6% от общего числа жителей поселка), 28 на Валу (3,1%), 31 в Чир-Унвде (12,4%), 53 и 68 в Поронайске и Ногликах соответственно. На втором раунде, состоявшемся в октябре того же года, участников было намного меньше: 16 чел. в Некрасове (1,7%), 12 чел. (1,3%) на Валу, 26 чел. (10%) в Чир-Унвде, и самое большое количество снова в Ногликах — 40 чел. и в Поронайске — 50 чел. (Второй План содействия 2010: 26-28). Как уже было сказано выше, жители п. Ноглики наиболее активно включены в работу «Плана содействия», что и показала относительно высокая явка на слушания.

В целом, отношение к нефтегазовым компаниям скорее настороженное, в разговоре их представителей обычно называют «они», противопоставляя тем самым работников нефтегазовой сферы жителям поселков. Некоторые информанты упоминали городки рабочих промышленных компаний, отмечая, что те буквально живут в ином пространстве, отделенном забором от остального населения. Мнение большинства информантов, вызванное подобным недоверием, сводилось к тому, что, если какая-либо компания может избежать проведения общественных слушаний, то она, скорее всего, именно так и поступит. Они также считают, что грантовые программы поддержки коренных народов — лишь вынужденная мера. В качестве примера жители приводили как российские, так и зарубежные компании:

Эксон вообще никаких слушаний не проводит. Им бесполезно. Они в соответствии с законом идут, нашим, российским, правительство наше им зеленую дорожку сделало. Все. Это Сахалинская энергия, почему «План содействия», общественные слушания... то, что у них возможности не было, своих денег

нету, они берут кредиты. Европейский банк реконструкции и развития. У этих банков соответствующие требования, критерии, что должны они с коренными взаимодействовать (ПМ 2009в, запись Н.А. Мамонтовой).

При этом многие отмечали, что иностранные компании по сравнению с российскими в целом оказывают меньший вред, как экологии, так и населению. Люди объясняли это тем, что первые вынуждены подчиняться международным стандартам. Следует сказать, что любые положительные меры, предпринимаемые компаниями в области экологии, например, быстрая ликвидация негативных последствий нефтедобычи, надолго остаются в памяти людей и создают более позитивный образ компании. Например, в 2004 г. рыбоохрана по вызову жителей выявила значительную гибель корюшки-малоротки в одном из ручьев, впадающих в залив Чайво. В ходе расследования выяснилось, что при строительстве дороги до буровой установки компания «Эксон Нефтегаз Лтд» построила мост через залив без учета рыбохозяйственных требований. Это привело к тому, что рыба, шедшая из залива Чайво в ручей на нерест, столкнулась с трубой, неправильно проложенной для прохода воды, и в течение недели скапливалась в одном месте, не имея возможности преодолеть это препятствие (Проект «Сахалин-1» 2004). В итоге, погибло более 14000 особей. В этой связи, например, в п. Вал люди вспоминали, как оперативно компания убрала трубу из реки:

Ну, это когда рыба не пошла туда что ли? Ну, я слышала, но я так поняла... в общем-то, знаете, это не коснулось, это вроде как быстренько все было восстановлено. Поэтому здесь как-то раз всполохнулось, что рыба не пошла, ну и тут, я вижу, сразу все это быстро сделали, восстановили (ПМ 2009в, запись Н.А. Мамонтовой).

Действительно, по свидетельству «Экологической вахты Сахалина», компания «Эксон» исправила ситуацию в день проверки. Тем не менее, для экологов и местных жителей важно было определить, каким образом строительные работы повлияли на рыбу и нерестилища, так как, согласно наблюдению рыбаков, корюшка ежегодно заходит на нерест в данный ручей (Там же). И в этом отражается отношение жителей к проблемам, связанным с природопользованием: для них важно не только их решить в настоящем времени, но и избежать негативного эффекта в долгосрочной перспективе.

В связи с отмеченными экологическими проблемами нередко опрошенные люди говорили о необходимости проведения масштабной экологической экспертизы. Некоторые из них, особенно активно участвующие в общественных слушаниях или непосредственно имеющие дело с документацией, относящейся к ОВОС, не удовлетворены качеством отчетов об экологической ситуации на Сахалине:

Я не специалист. Порой даже смешные вещи попадают. Они пишут, например, популяции тех водных обитателей, которых у нас и нет. Или наоборот не указывают наиболее распространенные виды. Наша рыбоохрана порой говорит, что такие цифры были 15 лет назад, где вы их взяли? А нам в Москве дали. То есть, в Москве где-то там столетние бумажки, оно записано и из года в год переписывается. С реальным местом не связано никак. Это плохо. От нас отмахиваются порой как от назойливых мух (ПМ 2009а, запись Н.А. Мамонтовой).

Контроль над экологической ситуацией необходим для всех жителей острова, так как большинство из них в сельской местности зависит от разнообразия и качества биоресурсов. Исследование и мониторинг экологической ситуации на Сахалине позволит точно определить, какое именно воздействие промышленное освоение оказывает на природу и экологию острова. Например, помимо изменений, связанных с ухудшающимся качеством рыбы, некоторые информанты отмечали, что в ловушки, в которые сбрасывается шлам от буровых работ, постоянно попадают птицы и мелкие животные, а также жаловались на дороги к объектам, строящиеся в местах их хозяйственной деятельности, которые портят места сбора ягод и дикорастущих растений, употребляемых в пищу.

Вот у нас тут стоят нефтяные ловушки — это ямы, в которые стекает нефть. Ночью они блестят, нефть под луной, перелетные птицы туда влипают регулярно. Они же думают, что это вода, и садятся. Умирают и все. Если экологи какую-то обнаружили птичку, отмыли, это же единицы. Попадают туда сотни, тысячи (ПМ 2009а, запись Н.А. Мамонтовой).

Отмеченные опасения выглядят особенно тревожно в свете принятия в 2013 г. без проведения общественных слушаний и вопреки мнению экологов Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо

охраняемых природных территориях» и в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ФЗ-406 2013), согласно которому эти территории теперь именуются просто «особо охраняемые территории». Специалисты считают, что с принятием данного закона проекты хозяйственной деятельности перестанут являться объектами экологической экспертизы и судебной защиты, следовательно, созданы предпосылки промышленной экспансии преимущественно на территориях проживания коренных народов Севера (Кряжков 2014: 35-36). Нужно отметить, что за последние 13 лет на территории Сахалинской области была аннулирована 21 особо охраняемая природная территория (ООПТ), в том числе три государственных природных заказника на самом острове («Олений» в Ногликском районе, «Лосиный» в Смирныховском районе и «Полуостров Крильон»), а также множество памятников природы местного значения. Таким образом, общая площадь, занятая ООПТ, уже уменьшилась на 27% и составила в 2013 г. 9,47% от всей территории области (Динамика особо охраняемых территорий 2013).

Многие опрошенные лидеры и активисты из числа коренных народов считают, что давно назрела потребность провести этнологическую экспертизу. В августе 2013 г. в краеведческом музее г. Поронайска состоялся семинар, на котором представители коренных народов, съехавшиеся из разных регионов Сахалина, обсуждали возможности проведения подобной экспертизы в местах промышленного освоения, в частности, речь шла об оленеводческих пастбищах и рыболовных станах. Собравшиеся отметили низкое качество жизни коренных народов, их небольшую продолжительность жизни и высокий уровень заболеваемости.

Проблема состоит в том, что в России до сих пор нет закона об этнологической экспертизе, хотя разговоры о целесообразности его принятия в среде специалистов ведутся уже давно. Администрация Сахалинской области активно лоббировала принятие полноценного федерального закона об этнологической экспертизе. Депутаты области еще в 2007 г. предложили в Госдуму внести поправки в федеральный закон «Об экологической экспертизе» (ФЗ-174 1995), добавив в него пункт про этнологическую экспертизу. Предложение было отклонено на том основании, что совмещение в одной экспертизе двух — экологической и этнологической — невозможно, так как они имеют разные цели и процедуры проведения (Решение 2007). Тем не менее, в том же году Администрация Сахалинской области приняла постановление «Об утверждении положения о порядке организации и проведения этнологической экспертизы

на территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области» (Кряжков 2014: 33).

Но это лишь часть обозначенной проблемы. Более существенная ее часть заключается в том, что под этнологической экспертизой в России как правило понимается лишь описание хозяйства и культуры коренных народов с набором общих рекомендаций, которые, якобы, могут оптимизировать отношения между промышленными компаниями и жителями, преимущественно занимающимися традиционными видами деятельности. Методы проведения этнологической экспертизы хорошо разработаны и описаны в научной литературе (см., например, *Becker, Vanclay 2006; Darling 2011*), но в отечественной научной практике они остаются либо неизвестными большинству исследователей, либо по каким-то причинам не используются при проведении «этнологических экспертиз».

3. Программы содействия развитию коренным народам Севера Сахалина

В этом разделе, опираясь на данные, полученные с помощью анализа отчетов нефтегазовых компаний, главным образом «Сахалин Энерджи», лежащих в свободном доступе в интернете⁴, будет рассмотрено то, как в них представлены коренные народы. Основной акцент сделан на изучении «Плана содействия», так как это — пока единственный не только на Сахалине, но и в России, столь масштабный опыт включения коренных народов в проекты развития. Кроме того, целью данного раздела является обобщить мнения о деятельности нефтегазовых компаний, записанные нами в ходе полевых исследований от жителей Сахалина.

3.1. Коренные народы Сахалина о деятельности нефтяных компаний

Опросы, проведенные в 2009 и 2013 гг., показали, что только интеллигенция и лидеры хорошо разбираются во всех нефтегазовых компаниях, работающих на острове, знают их названия и представляют себе основную их деятельность. Большинство жителей поселков на вопрос о взаимоотношениях между коренными народами и нефтяными компаниями называли главным образом «План содействия» и компанию «Сахалин Энерджи». При этом довольно многие опрошенные не знали точно, какого рода помощь можно получить по «Плану содействия», и сами никогда не пробовали подавать заявки на гранты, но, как

⁴ Отчеты о проведении независимого мониторинга «Плана содействия» <http://www.simdp.ru/?id=18&pid=13>

правило, могли назвать кого-то из знакомых, кто это делал. В грантовой активности и представлениях жителей о компаниях есть некоторые районные различия. Так, на Валу люди лучше осведомлены о существовании компании «Эксон Нефтегаз Лтд», нежели, например, в Ногликах, что связано с той поддержкой, которую эта компания оказывает оленеводам. Но в Ногликах больше людей вовлечено в процесс получения грантов в рамках «Плана содействия», нежели в других поселках. Пожалуй, самыми пассивными во взаимоотношениях с нефтегазовыми компаниями являются жители Некрасовки и Поронайска. Первые объясняют это тем, что они находятся далеко от центра, слабой информированностью населения о программах и сроках подачи заявок на получение грантов и даже нежеланием общаться с местными представителями «Регионального совета уполномоченных».

В Ногликах все законы знают, что им положено и что им не положено. Когда я ездила в Ноглики на собрания по «Сахалинской Энергии», я стала созваниваться с подружкой, спрашивая у нее то и то. Она: «Вы как на необитаемом острове живете. Вы столько законов не знаете. Зайдите в интернет, прочитайте! Мы все этим пользуемся». Там [в Ногликах] ближе к центру, и там больше разработок [нефтяных] идет. Там такой руководитель, что доносит [информацию] до всех <...> (ПМ 2013б, запись Н.А. Мамонтовой).

Поронайский район меньше финансировался в связи с тем, что он не был отнесен к зоне влияния промышленных компаний — через район проходит труба, но разведка нефти не ведется. Во втором «Плане содействия» Поронайский район был включен в сферу поддержки.

Что касается представлений местных жителей о видах и направлениях помощи коренным народам, то некоторые опрошенные говорили о том, что «Сахалин Энерджи» оказывает содействие больше тем, кто занимается традиционной экономикой, в то время как компания «Эксон Нефтегаз Лтд» финансирует в основном культурные мероприятия и оленеводов. Российская компания «Газпром» упоминалась только один раз. Информант из Поронайска отметил, что, согласно слухам, «Газпром» собирается финансировать спортивные мероприятия в этом районе.

Основная критика нефтегазовых компаний заключалась в том, что их поддержка зачастую направлена на краткосрочный результат. Например, люди вспоминали издание букваря для уйльтинского языка, который в современных условиях языкового сдвига и отсутствия адекватного языкового планирования, остается красочным украшением на полке в администрации

или служит хорошим сувениром, но практически не используются на занятиях. Такого же мнения придерживались многие опрошенные и в отношении «Плана содействия» в целом. Они говорили, что, хотя и ощущают удовлетворение уже от того факта, что «заметили существование коренных народов», но подчеркивали, что суммы, выделяемые на гранты, ничтожно малы по сравнению с дивидендами, получаемыми нефтяными компаниями за счет эксплуатации природных ресурсов, а «План содействия», по их мнению, — успешный инструмент управления:

Все уже решили, нас просто для галочки зовут. Мы все это прекрасно понимаем. Даже если мы скажем “нет” — уже ничего не изменить, все уже подписано, за все уже оплачено. Для чего тогда собирать, говорить? Оскорбляют, унижают. Не только нивхов, а вообще все островное население. Все мы уже коренные (ПМ 2009а, запись Н.А. Мамонтовой).

В связи с этим вызывает вопрос интерпретация результатов социологического исследования, проведенного в поселках проживания коренных народов и опубликованных компанией «Сахалин Энерджи» в итоговом отчете 2010 г. (Отчет о финальной оценке 2010: 10–11). Согласно этим данным, 7,18% респондентов имеют «очень благоприятное мнение» о реализации Плана содействия, 37,75% — «в целом благоприятное». Автор опроса делает вывод о том, что большинство, то есть примерно 45% «опрошенных имеют благоприятное или очень благоприятное впечатление о Плане». При этом в отчете говорится о том, что из всех опрошенных 57% респондентов смогли назвать конкретные аспекты и направления программы поддержки, остальные знали только одно или несколько направлений / мероприятий. Но из этого описания остается неясным, во-первых, сколько процентов из оставшихся 43% не осведомлено о Плане содействия, и, во-вторых, какова от выборочной совокупности доля тех, кто непосредственно участвовал в Плане содействия (отправлял заявки или получал гранты). Кроме того, опрос показал, что «немногим более 5,26 % респондентов имеют отрицательное впечатление о Плане» и 0% — «очень неблагоприятное». Однако такой вариант как «благоприятное и неблагоприятное в одинаковой степени» выбрали 15,31% опрошенных и еще 34,50% указали «затрудняюсь ответить» (Там же). Сложно понять, что именно составители опроса подразумевали под вариантом «благоприятное и неблагоприятное в одинаковой степени», и чем этот пункт существенно отличается от «затрудняюсь

ответить». Таким образом, в совокупности мы имеем 49,81% респондентов, чье мнение нельзя назвать ни положительным, ни отрицательным. В таком случае именно этот процент и составляет большинство, а не 45%, полностью удовлетворенных «Планом содействия». Примечательно, что, по всей видимости, тот же опрос выявил, что 60,32% респондентов затруднились с ответом на вопрос «Возникли ли какие-нибудь неудобства или отрицательные последствия, связанные с проектом «Сахалин-2» в прошлом (или есть сейчас)?», 32,93% ответили утвердительно и 6,75% отрицательно (Второй План содействия 2010: 29). Столь высокий процент неопределившихся при ответе на оба вопроса может свидетельствовать либо о проблемах в процедуре проведения опроса (нерепрезентативность выборки), либо о недоверии респондентов интервьюеру, либо о том, что люди, действительно, не интересуются этой темой или не имеют достаточной информации, чтобы сделать выводы.

Основная критика интерпретации результатов указанного исследования заключается в том, что эксперты акцентируют внимание на положительных результатах, улучшающих имидж «Плана содействия», но слабо, а иногда вообще не комментируют другие полученные данные массовых опросов. Более того, эти данные в публичный отчет просто не включены, поэтому читатели ограничены той информацией, которую им предоставляют. Например, в отчете сказано, что «отвечая на вопрос, чувствуют ли они себя активными участниками реализации Плана, более 32% респондентов ответили утвердительно» (Отчет о финальной оценке 2010: 13). Но о том, что же ответили остальные 68%, можно только гадать. Стоит упомянуть и давно известный факт, что опрос — это очень ограниченный метод исследования, результаты которого зависят от ситуации и процедуры его проведения. Для получения более надежной картины положения дел он должен сочетаться с качественными методами, к которым относятся прежде всего наблюдение и глубинное интервью. С другой стороны, важно отметить сам факт проведения подобных опросов и регулярное взаимодействие компании с жителями поселков. Предоставление информации — основной принцип политики прозрачности. В этом отношении, по словам информантов, «Сахалин Энерджи» существенно отличается от других компаний, оказывающих поддержку.

Тем не менее, некоторые лидеры считают, что люди попали в зависимость от «Плана содействия» и стали относиться к нему так, как раньше относились к государственным программам поддержки. Иными словами, по их мнению, у населения сложилось потребительское отношение к грантовым программам.

Это мнение, с одной стороны, противоречит провозглашенной политике реализации «Плана содействия», направленной на максимальное участие коренных народов в экономической деятельности и «развитие у них таких качеств как инициативность и конкурентоспособность». «Сахалин Энерджи» неоднократно отмечает, что отношения между компанией и коренными народами выстраиваются в форме диалога во избежание патернализма, к которому, по мнению экспертов, коренные народы привыкли еще в советское время. В отчете о работе второго «Плана содействия» говорится о том, что данная привычка может служить основой конфликта или напряженности (Первый отчет 2011: 6):

Существует вероятность развития конфликта или возникновения напряженности, поскольку основное внимание в «Плане» уделяется самодостаточности и созданию потенциала, а такой подход иногда входит в противоречие с патерналистскими моделями, для которых характерно полагаться на посторонних (правительство или корпорации) и к которым привыкли многие представители коренных народов.

С другой стороны, под патерналистской политикой информанты понимали, скорее, схему отношений между компаниями и коренными народами, построенную на фактическом, а не юридическом, нивелировании конфликтов между аборигенами острова и нефтяниками. Это выражается в том, что компании с помощью денежной компенсации и кредитования снижают возможные претензии коренных народов к их деятельности. В ситуации отсутствия государственной поддержки в виде адекватной законодательной базы и в целом из-за низкого качества жизни коренные народы вынуждены обращаться за помощью к промышленным компаниям и вступать с ними в диалог даже в тех случаях, когда они этого не хотят:

На Сахалине выкачивают нефть разные страны. Идет выкачивание природных богатств, народы, которые здесь живут, не только нивхи, они ощущают себя так, как будто у них большие карманы, а из этих карманов кто-то приходит и выгребает все. Такое ощущение. Взамен мы ничего не получаем, какой-то мизер, подачки. У нас экология очень сильно нарушена, загрязнен воздух, много онкозаболеваний. У нас народ вымирает с одним диагнозом – онкологическое заболевание (ПМ 2009а, запись Н.А. Мамонтовой).

Зачастую нефтяные компании берут на себя те функции, которые должны выполнять государственные организации и местные органы власти. Например, они оказывают поддержку малообеспеченным представителям коренного населения, поселки бесплатно приобретают современное медицинское оборудование, жителям из числа коренных народов выделяются гранты при получении ими субсидий на медицинское обслуживание. Безусловно, эти меры необходимы и без них социальная ситуация была бы намного хуже, но следует понимать, что подобная помощь обычно входит в компетенцию государства и в идеале распространяется на всех жителей, вне зависимости от их этнического происхождения и статуса. Иными словами, доступ к медицине и образованию — неотъемлемое право, которого в данном случае коренным народам приходится добиваться. Именно это обстоятельство наряду с недостаточными механизмами юридической защиты и существенно ограниченными возможностями управлять процессом принятия решений составляют часть проблемы, на которую указывали в интервью некоторые лидеры.

Эта проблема важна потому, что вопросы здравоохранения, воспроизводства, старости и окружающей среды относятся к области применения биополитики (термин Фуко 2005), направленной на рационализацию взаимодействия между населением и государством или, как в данном случае, компаниями. В задачи такого сотрудничества входит достижение того, чтобы экономические и биополитические интересы разных сторон совпали. На практике это выражается следующим образом: возможное усиление критики нефтегазовых компаний со стороны коренных жителей ставит под угрозу и без того невысокое качество их жизни, что может произойти, например, в результате отмены социальных программ поддержки или прекращении работы «Плана содействия». Согласно данным администрации Сахалинской области, большинство семей из числа коренных народов находятся в социально опасном положении или в трудной жизненной ситуации, что является основной причиной повышенной заболеваемости и смертности населения, сокращения средней продолжительности жизни и снижения рождаемости. На 1 августа 2011 г. из 700 детей из числа коренных народов 492 ребенка проживали в малоимущих семьях, из них 61 ребенок происходил из неблагополучных семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (Постановление 2011). В этой связи, в интервью 2013 г. один из информантов из числа лидеров отметил, что люди не могут отказаться от поддержки, даже если чем-то недовольны, и не чувствуют,

что их мнение может на что-либо повлиять. Более того, есть данные о том, что в конфликтных ситуациях представители органов власти иногда оказывают давление на жителей, чтобы поддерживать хорошие отношения с промышленными компаниями:

Когда я тут подняла бучу, меня вызвали в администрацию и сказали: «Хочешь меня окончательно поссорить с нефтяниками? Если мы начнем с ними конфликтовать, то мы не будем развиваться, мы на их деньги тут развиваемся. Тут палка о двух концах» (ПМ 2009а, запись Н.А. Мамонтовой).

Поэтому следует еще раз подчеркнуть, что затронутая проблема социального неравенства требует отдельного изучения и не может быть объяснена в терминах недовольства нефтегазовым освоением или недостаточным финансированием проектов. Некоторые представители коренных народов справедливо задаются вопросом, почему они должны принимать участие в получении грантов или постоянно конкурировать с другими даже в тех случаях, когда они имеют право на реализацию проектов, не прибегая к помощи компаний, например, в рамках множества региональных стратегий и программ. Но даже в тех случаях, когда представители власти должны помогать им в осуществлении проектов, направленных на улучшение качества жизни или образования, последние, по всей видимости, предпочитают переложить эту ответственность на самих коренных жителей, заставляя их писать заявки на гранты. Учительница нивхского языка так прокомментировала свой опыт взаимодействия с местными чиновниками по поводу разработки программы для невладеющих родным языком учеников:

Когда я говорила с руководителями, они мне отвечали: «А какие проблемы? Пишите! Пишите гранты, пишите, программы какие-то составляйте. Это все от вас исходит».... Мне кажется, вот эти гранты и все прочее, они как бы ущемляют что ли их (нивхов). И они, вот мне кажется... гордость, что ли, чисто нивхская, национальная особенность в том, что они немножко, ну ... не хотят от кого-то или чего-то зависеть (ПМ 2013а, запись Н.А. Мамонтовой).

Усугубляет описанную ситуацию высокий уровень безработицы среди коренного населения, достигающий в отдельных районах 70% (Основные показатели 2012), который, наряду с отсутствием прав на рыболовство

участки у подавляющей части аборигенного населения, усиливает неравенство и сводит на нет стратегию «Плана содействия» по включению коренных народов в рыночную экономику, о которой подробнее будет сказано далее. Информанты говорили в интервью, что даже купить буран по программе поддержки традиционной экономики могут лишь единицы, так как часть суммы все равно нужно заплатить. Некоторые опрошенные в 2009 г. питали надежды в отношении трудоустройства в нефтяных компаниях. В частности, на Валу жители считали, что компания «Газпром», которая должна была начать в 2010 г. промышленное освоение в этом районе, могла бы предоставить рабочие места местным жителям. Они говорили, что ждут «Газпрома» как «манны небесной».

С молодежью, конечно, сложно. Сейчас особенно как манну небесную ждем этого «Газпрома», который, возможно, нам даст какую-то загруженность рабочих мест. Ну, сложно. Я сама столкнулась с ситуацией. У меня дочь закончила техникум нефтяной, потом закончила университет Хабаровский, и в общем-то специальность «инженер-эколог» казалось бы, но на работу не устроиться, увы. Пресловутые три года стажа работы и знание английского языка резко ограничивают возможности. Без стажа не берут, а стаж наработать нигде, то есть замкнутый круг получается (ПМ 2009в, запись Н.А. Мамонтовой).

Однако в 2013 г. уже мало кто связывал надежды на трудоустройство с нефтяными компаниями. Общее мнение опрошенных сводилось к тому, что компании предпочитают вообще не брать представителей коренных народов на работу. Они объясняют это тем, что «нефтяникам» дешевле нанять специалистов с материка, имеющих образование и готовых работать за сравнительно небольшие деньги вахтовым способом. Коренному же жителю со всеми «северными» надбавками пришлось бы платить в разы больше. Хотя, стоит отметить, что и «Сахалин Энерджи», и «Эксон Нефтегаз Лтд.» нанимают координаторов из числа коренных народов, а также привлекают время от времени жителей для мониторинга на строительстве объектов. Однако кратковременные проекты решают проблему трудоустройства лишь на определенный срок и в незначительной степени, а координаторы обычно совмещают деятельность в компании с основной работой (это же относится и к проектам строительства нефтегазовых объектов, когда компании привлекают большое количество специалистов извне). Один информант из п. Вал вспоминал, как год проработал в иностранной нефтяной компании,

которая проводила краткосрочные курсы для подготовки наблюдателей за выполнением строительства трубопровода. Спустя год с ним не продлили контракт, так как за это время проложили трубу, и надобность в содержании работника отпала. Другой информант из Поронайска проработал в качестве эколога три года. Жители называли следующие причины, почему, по их мнению, нефтяные компании не берут аборигенов на работу: более низкий уровень образования не дает возможности местным жителям конкурировать с приезжими рабочими, плюс незнание иностранных языков и стереотипные представления о народах Севера, как о ненадежных людях, ленивых и склонных к употреблению алкоголя. Представляется желательным, чтобы компании обратили внимание на возможность трудоустройства жителей поселков:

По крайней мере, женщины будут у нас заняты. Те же горничные, повара, кухонные рабочие. Ну, и мужчины. Может, водителем кого-то возьмут. Хотелось бы, конечно, чтобы те люди, которые к нам заезжали, знали о том, что у нас свои проблемы здесь. То есть, предположительно, чтобы какая-то заявка выполнялась, запрос. Делали бы нам запрос, мы делали бы ответ. Может, люди бы за это время подучились, то есть не нужно было бы тащить откуда-то своих. Наши бы работали. Тяжело с работой. Очень тяжело (ПМ 2009в, запись Н.А. Мамонтовой).

3.2. Политика развития «Плана содействия» и ее влияние на экономику и репрезентацию культуры коренных народов

В этом разделе я подробнее остановлюсь на анализе понятия «традиционная» культура и экономика в отчетах «Плана содействия», а также изучении программы ППТЭД, которая представляется наиболее неоднозначной из всех компонентов программы содействия и вызывает полярные точки зрения среди коренных народов. Данный раздел во многом основан на предыдущем исследовании (Мамонтова 2012) с добавлением новых материалов, полученных в 2013 г., и включением результатов анализа отчетов Второго Плана содействия.

Во многих отчетах «Плана содействия» отмечается наличие конфликтов между представителями коренных народов в сфере распределения грантов. Действительно, некоторые информанты считают, что из года в год гранты получают одни и те же люди. Они полагают, что это происходит из-за непрозрачности процедуры рассмотрения заявок. В связи с тем, что у нас

не было возможности изучить то, каким образом принимаются решения в отношении грантозаявителей, а отчеты содержат мало информации на этот счет, я не могу оценить, насколько эта процедура прозрачна. Но, на мой взгляд, причина может заключаться и в том, что отдельные заявители просто поняли «правила игры» — какие заявки имеют шанс пройти. Этим, в частности, объясняется, почему больше грантов реализуется в Ногликском районе, который раньше всех был включен в программу «Плана содействия». Например, для получения гранта важным условием является такой параметр как социальная значимость проекта. Эксперты могут по своему усмотрению отклонить проекты как «неподходящие» или «неустойчивые», что отмечено в отчете о реализации «Плана содействия» (Отчет по промежуточной оценке 2009). На отклоненных заявках на получение гранта, которые удалось посмотреть, как раз стояла пометка «отсутствие социальной значимости». Проект должен представлять ценность для будущих поколений — в этом его социальная значимость. При этом «правила игры» могут меняться, о чем также нередко говорили информанты. По их мнению, проекты могут быть отклонены и на том основании, что было получено излишнее количество однотипных заявок, то есть сформировалась «мода» на определенные виды деятельности, реализуемые в рамках Плана содействия. Поэтому, когда одинаковых проектов оказывается слишком много, эксперты начинают их отклонять, что служит «сигналом» для заявителей.

Другой пример. Если проект направлен на развитие «традиционной» культуры, то заявитель обязан доказать его «традиционность». Однако в отсутствии четких определений того, что является «традиционной культурой» (а такое определение невозможно сформулировать), заявитель, как правило, идет проторенной тропой — он формулирует задачи своего проекта таким образом, чтобы они могли быть понятны экспертам компании и совпадали с их представлениями о «культуре» коренных народов. Это приводит к тому, что укоренившиеся стереотипы оказывают косвенное влияние на сферы деятельности заявителей и способствуют дальнейшему распространению в обществе «правильного», с точки зрения разработчиков и кураторов этих программ, образа «аборигена» и его культуры. Можно назвать в качестве примера фольклорные праздники, на которых демонстрируются ритуалы, зачастую имеющие мало общего с тем, как на самом деле люди их проводят, находясь в кругу семьи. Данная проблема типична для программ развития.

Здесь следует немного сказать о самом термине «развитие», так как при перенесении данной концепции в российские постперестроечные реалии, в

том числе благодаря участию зарубежных нефтяных компаний, возникала проблема наложения советского опыта развития на то, что под этим термином понимается в некоторых западных программах. Исследователи также отмечают, что подходы к имплементации политики развития у российских и зарубежных компаний значительно различаются (см. *Stammler, Wilson* 2006: 18). Столкновение двух разных интенций — анти-интеграционной европейской политики и интеграционистского советского подхода к коренным народам — отмечается специалистами и на примере российского законодательства (см. *Соколовский* 2008).

В советское время в рамках эволюционистской теории народы Севера рассматривались как группы, находящиеся на более низкой стадии развития. Соответственно, государство видело своей задачей поднять их до уровня «развитых» обществ с помощью культурной и образовательной политики в целях дальнейшей их интеграции в единый «советский народ» (см. *Слезкин* 2008). После короткого этапа деколонизации, в рамках которого были разработаны довольно прогрессивные для того времени законодательные инициативы в отношении этнических меньшинств, наступил длительный период, с 1936 г. (принятие Конституции СССР) и до начала 1990-х, во время которого коренные народы не упоминались в законодательстве как носители особых прав, так как только «советский народ» признавался единственным субъектом государственно-правовых отношений (*Кряжков* 2010: 55–57). Данная политика патернализма заключалась в том, что государство само решало за коренные народы, чем им следует заниматься, на каком языке говорить и где жить. При этом все, что было связано с этничностью, с одной стороны, внешне поощрялось государством, но, с другой стороны, было вытеснено за рамки права и политики. Т. Мартин назвал этот подход стратегией деполитизации этничности с помощью ее фольклоризации: активно пропагандировались такие символические признаки «национальной» культуры, как музей, одежда, кухня, танцы и песни (*Мартин* 2011: 25), но никаких особых прав коренные народы не имели. Более того, само понятие «коренной народ» не использовалось в советском законодательстве, что было связано с официальной позицией государства, согласно которой использование этого термина «уместно лишь в колониальном контексте». Соответственно, коренных народов в юридическом смысле этого понятия на территории СССР не было (*Соколовский* 2008: 60). Данный термин был введен в Конституцию РФ только в 1993 г. Тем не менее, появление нового термина не означало изменения подхода. Более того, исследователи отмечают, что современная российская национальная

политика во многом опирается на советский опыт взаимодействия с меньшинствами (Beach 2009), что, конечно, отражается и на законодательном уровне.

Интеграционный подход к коренным народам использовался и на Западе. Например, Конвенции МОТ № 107, уже закрытая для ратификации, исходила из того, что коренные народы неминуемо должны интегрироваться в «современную жизнь» доминирующей группы. Однако сменившая ее Конвенция МОТ № 169, принятая в 1989 г., напротив, признает за коренными народами право на отказ от интеграции и выбор собственного пути развития. Всемирный банк реконструкции и развития, кредитующий «План содействия», также опирается на положения МОТ № 169. При этом Операционная Директива 4.20, которой руководствуется «Сахалин Энерджи», в отношении коренных народов рекомендует брать за основу национальное законодательство, то есть в данном случае — российское, а также использовать подходы Всемирного банка.

Каждый из этих подходов критикуется в антропологической литературе: первый за патернализм и ассимиляционный аспект, второй — за изоляционизм коренных народов. «План содействия» не избежал влияния обоих подходов, и это смешение, насколько можно судить по имеющимся материалам, временами становится причиной конфликтов. Судя по отчетам, эксперты «Сахалин Энерджи» постоянно сталкиваются с препятствием в виде российского законодательства, не дающего им реализовать программу развития так, как им бы этого хотелось. Например, на ранних этапах имплементации «Плана содействия» эксперты хотели быстрее включить коренные народы в рыночную экономику, но оказалось, что квоты на личное потребление лосося нельзя использовать для ведения коммерческой деятельности. Поэтому экспертам пришлось выстраивать программу таким образом, чтобы она не нарушала нормы российского законодательства, но при этом основывалась на упомянутых Директивах и связанных с ними подходах. Проблема заключается и в том, как отмечает Ф. фон Бенда-Бекманн, что проекты развития сами имеют тенденцию облачаться в форму закона. Развитие всегда подразумевает изменение, поэтому опора на закон — это не случайность, а способ легитимировать власть, оставаясь в нормативных рамках (Benda-Backmann 1989). Это положение со временем усилилось за счет слияния политики и закона с экономикой, что отразилось и в положениях Всемирного Банка (Benda-Backmann 2006). Кстати, эксперты компании вполне осознают свою культуртрегерскую деятельность, говоря об «обновлении» традиций и культурных моделей (Первый отчет 2011: 10):

«... культурные модели постоянно меняются по мере изменения социального контекста, в котором они существуют, поэтому «возрождение» традиций всегда означает их обновление. Именно это и помогает сделать «План содействия», поскольку люди пытаются ответить на вопрос: как это, быть «нивхом» (или уйльта и т.д.) и при этом быть «современным». Какие ценности и модели поведения должно продвигать общество? Конкуренцию или сотрудничество? Должны ли средства «Плана содействия» распределяться на равной основе (значит, «справедливо») или следует поощрять конкуренцию и активность? Поднимая эти вопросы в масштабе всего острова и поддерживая как пожилых, так и молодых людей, «План содействия» помогает возрождению, продолжению и обновлению коренных культур Сахалина».

Вопрос «как это, быть нивхом и при этом быть современным», сформулированный в цитате, — проблема не нивхов, а стереотипного восприятия коренных народов, как находящихся между «цивилизацией» и «культурой», которым якобы требуется проводник, знающий выход из этой сложной дихотомии. В этой связи антрополог Марио Блазер считает, что программы развития зачастую ведут к тому, что коренные народы вынуждены «легализовать» свои проекты в современной форме «аутентичных аборигенов». При этом он полагает, что это может быть одной из стратегий, которую представители коренных народов осознанно используют, чтобы донести свои идеи до тех, кто обладает властью (Blaser 2004: 31; Blaser 2013). Отчасти с этим выводом можно согласиться и добавить, что для коренных народов подобная стратегия в какой-то мере даже удобна, так как она позволяет более эффективно добиваться финансирования и других преференций. Но информанты в этой связи отмечали также проблему, которую можно обозначить как «фольклоризация». Они говорили о том, что деньги обычно расходуются на яркие и публичные мероприятия с демонстрацией «традиционной» культуры, которые к самой культуре имеют опосредованное отношение и служат, скорее, развлечением для туристов (эта критика относится ко всем компаниям, оказывающим поддержку). Иными словами, основные ресурсы тратятся на поддержание иллюзии существования «идеальных» аборигенов. Временами подобная деятельность вызывает у них лишь усталость и разочарование:

В последнее время я пришла к такому выводу, что мой народ – это, вот как это дерево, сжог с деревом, которое вырвали с корнем. Вырвали и посадили

на чужую почву. Иногда, так, изредка, поливают, чтобы не высохло. Я имею в виду эти гранты иностранных компаний <...>, У нас помощь распространяется только на это, на праздники, на показательные. Как, знаете, обезьяну долго держали-держали взаперти, потом раз, одели в халат – вот, смотрите, снимайте! Вот так мы живем, красиво, в танцах и песнях. А что творится там, в душах у народа, и то, что народ действительно умирает духовно... физически ладно. Зачем каждый год это делать? Ну, сделайте раз в пять лет. Мне жалко этих денег. Построили сколько бы (на эти деньги) этноцентров, сколько преподавателей нашлось бы! (ПМ 2013а, запись Н.А. Мамонтовой)

При этом вряд ли следует рассматривать представителей коренных народов лишь как пассивных реципиентов программы развития, которые либо принимают ее как данность и всем довольны, либо ведут неравную борьбу. Это было бы сильным упрощением действительности. На межличностном уровне они используют разные стратегии кооперации и конкуренции, позволяющие адаптировать и использовать программу развития в своих интересах, и это характерно не только для коренных народов Сахалина (см. исследование McGregor 2007 на Тиморе). Любопытно отметить, что Эмма Уилсон в своем исследовании рыболовства на Сахалине в 1990-х гг. выявила схожее отношение к законодательным нормам (Wilson 2002). Некоторые из этих стратегий были замечены и экспертами «Плана содействия».

Таким образом, сам дискурс развития не контролирует действия коренных народов, но может служить основанием для случайных и временами неверных отображений проблем. Это приводит к тому, что разработчики программ развития будут искаженно представлять действительность (см. Arce 2000: 39). В связи с тем, что подобная поддержка чаще всего обращена на коллективы, а не на конкретных индивидуумов и общество как политико-правовой субъект в целом, компании в итоге оказывают существенное влияние на репрезентацию коренных народов в общественном дискурсе, который, в свою очередь, оказывает воздействие на программы развития. Поэтому еще одна сторона проблемы, на которую хотелось бы обратить внимание, — языковая.

Некорректная терминология и стиль описания могут значительно снизить эффективность принимаемых мер поддержки и даже вызвать у представителей коренных народов недоверие или негативное отношение к компаниям, оказывающим эту поддержку. В 2008 г. независимые эксперты, в число которых входили и антропологи, анализировавшие документацию компании

«Сахалин Энерджи» на первых этапах работы «Плана содействия», отметили, что эта компания рассматривала коренные народы острова скорее как археологический объект, а не как развивающееся сообщество (Люди Севера 2008: 302). Несмотря на то, что с тех пор компания далеко продвинулась вперед в оптимизации взаимоотношений, можно констатировать, что ее подход во многом остался прежним. Коренные народы в отчетах представлены как гомогенные группы, остающиеся неизменными с конца XIX в. Это положение уже не одно десятилетие критикуется в социальной антропологии, но оно без конца проникает и в СМИ, и в федеральные и региональные программы, и, наконец, в программы развития. Например, эксперты нередко отмечают, что жители из числа коренных народов нередко не могут правильно оформить заявки на грант или не предоставляют вовремя отчетность по своим проектам. По их мнению, проблема заключается в том, что коренные народы происходят из бесписьменных культур, для которых такая деятельность нехарактерна (Отчет о финальной оценке 2010: 29–30). Стюарт Холл называет подобные объяснения «моделью сравнения, которая помогает объяснить разницу между Западом и остальным миром» (Hall 1995: 186). Коренные народы в рамках такой модели изображаются в виде этнографических объектов, которые должны быть обязательно необразованными, некапиталистическими и не иметь государственной структуры (см. Ferguson 1990a; Ferguson, Lohmann 1994). Уверена, что те исследователи и даже сами эксперты компании, не являющиеся представителями бесписьменных культур, кто подавал заявки на грант в какой-нибудь научный фонд, хорошо представляют себе, сколько труда и времени занимает этот процесс. Но кураторы программы не пишут о бюрократической стороне проблемы, не принимают они в расчет и советский опыт всеобщего обучения, да и многоязычные жители юга Сахалина из числа коренных народов, которые не только владеют родным и русским языками, но еще помнят, как говорить и читать по-японски или по-корейски (см. раздел о социолингвистической ситуации), явно не соответствуют образу *noble savage*.

Особо названная проблема видна в области применения положений концепции устойчивого развития в традиционной экономике коренных народов. Как уже было отмечено ранее, эксперты компании выделяют экономическую деятельность среди остальных программ поддержки, что вполне справедливо, принимая во внимание, какую важную роль хозяйство играет в структуре доходов и идентичности коренных народов острова. Однако, как следует из отчетов, проблема заключается в неясности определения «традиционная

экономика», трудности в оформлении заявок и конфликте интересов за доступ к ресурсам (Третий отчет 2008: 21–26; Четвертый отчет 2008: 34; Пятый отчет 2009: 16–17; Шестой отчет 2010: 9, 11–13). В описании ППТЭД второго «Плана содействия» особо оговаривается, что эта программа направлена на поддержку развития экономически устойчивых предприятий путем предоставления им возможности со временем отказаться от грантов и субсидий и начать пользоваться рыночными инструментами, такими как кредиты. На этом подходе стоит остановиться подробнее.

Хронология принятия решений в области регулирования программы ППТЭД выглядит следующим образом. В 2008 г. участники Комитета ППТЭД решили отдавать предпочтение в финансировании бизнес-планам по сравнению с проектами на самообеспечение (Четвертый отчет 2008: 33). В 2009 г. Комитет выдвинул предложение выделять кредиты, чтобы «приучить коренные народы брать на себя часть ответственности за свою деятельность и более активно участвовать в рыночной экономике» (Пятый отчет 2009: 25), а также сформировать у коренных народов понимание устойчивости (Отчет о промежуточной оценке 2009). В 2010 г. в связи с вопросом об устойчивости и конфликтами вокруг распределения средств было решено инициировать переход от бизнес-планов к «микрофинсированию» с выделением кредитов (Шестой отчет 2010: 12). Последнее предложение вошло в качестве стратегии во Второй «План содействия». При этом эксперты компании отмечали, что коренным народам Сахалина «приходится прикладывать усилия для понимания международных стандартов устойчивого развития» (Второй отчет 2007: 22). Поэтому в преддверии подготовки второго этапа «Плана содействия» они считали, что необходимо сформировать общее понимание у местного населения и органов власти, что же является устойчивым развитием (Базалеев 2010: 12).

Во Второй «План содействия», наряду с грантами на самообеспечение и на реализацию бизнес-планов, был официально включен компонент микрокредитования, но суммы на гранты самообеспечения удвоились, что было связано с тем, что они по-прежнему оставались наиболее популярными у населения, хотя и критиковались экспертами ППТЭД (Второй отчет 2011: 25). В 2012 и 2013 гг. на бизнес-планы, напротив, было выделено 60% средств, а на два оставшиеся компонента — по 20% (Третий отчет 2012: 16; Четвертый отчет 2012: 24). Программа позволяет коренным народам брать кредит под меньший процент, чем в банке, но они должны вернуть его в течение года. Важно подчеркнуть, что «План содействия» направлен не только на развитие

альтернативной модели экономики, но и на изменение общества в целом (ср. исследование программы развития Всемирного Банка в Индонезии: Lee 2009). Он формирует оценочные суждения и мотивирует коренные народы следовать определенным моделям поведения: действия в рамках цепочки «обучение бизнес-планам – взятие и возвращение кредитов – рыночная экономика – конкуренция» признаются устойчивыми, а «гранты на самообеспечение – традиционная экономика – кооперация» — неустойчивыми (Третий отчет 2012: 18):

На совещании Правления, проведенном в декабре 2011 года, председатель ППТЭД (представитель коренного населения) заявила, что для улучшения ситуации крайне важно изменить менталитет КМНС, переориентировав людей с самообеспечения на бизнес- планы и микрозаймы <...>. Подавая заявку на микрозайм, люди будут стараться брать деньги только на то, что позволит им выплатить займ, и к тому же начнут действовать более эффективно и устойчиво.

Иными словами, проблема заключается не только в нахождении баланса между устойчивым развитием в виде инвестирования в проекты, которые могут приносить прибыль, и программами поддержки, направленными на сохранение традиционной экономики, как считают некоторые исследователи (см. Stammer, Wilson 2006: 26), но и в применении неолиберальной идеологии, признающей главенствующую роль рынка и считающей конкуренцию основным средством прогресса и благополучия (см. Ferguson 1990b). Безусловно, для общин, берущих промышленные квоты, микрозаймы и бизнес-планы являются хорошим решением. Но, как уже говорилось выше, промышленным рыболовством большинство аборигенов не в состоянии заниматься из-за отсутствия закрепленных участков, по этой же причине они не могут взять промышленные квоты, а также конкурировать с крупными рыбопромышленными компаниями. Известные по нашим полевым материалам общины, которым удалось получить такие квоты и предприятия которых сравнительно успешно функционируют (во многом благодаря наследию бывших совхозов), вынуждены продавать сырье, не имея возможности изготавливать и реализовывать готовую продукцию. Кроме того, не все главы общин хотят вписываться в рыночную экономику в той форме, в которой им предлагает это сделать «План содействия». В 2009 г. один из лидеров так сформулировал свою позицию (которая, судя по повторному интервью в 2013 г., осталась неизменной):

Дело не в том, что я не могу иметь промысловой базы – я не хочу иметь. Мне необходим уровень самодостаточности, и выше прыгать я не хочу. Я не хочу на традиционной экономике делать технологический уровень, чтобы он приносил богатства. Я хочу, прежде всего, чтобы все хозяйства вышли на достаточный уровень. Если коренные народы выйдут за рамки уровня достатка, то они будут вести себя, как и пришлые, – они будут уничтожать природу (ПМ 2009а, запись Т. Торнтона, Т.Ю. Семеновой, Н.А. Мамонтовой).

Программы развития вряд ли могут привести к устойчивости в сферах, требующих целенаправленной поддержки без быстрого извлечения прибыли, в которых относится, например, языковое возрождение, несмотря на финансирование отдельных мероприятий в этой области (Mamontova). Применима эта критика и к традиционной экономике в целом, некоторые направления которой заведомо убыточны. К таким видам традиционной экономики относится, например, оленеводство, которым исторически занимаются уйльта и эвенки (небольшой процентов нивхов в начале прошлого века также был вовлечен в оленеводство). В 2012 г. Комитет ППТЭД отклонил бизнес-план по возрождению эвенкийского оленеводства в отдаленных поселках Виахту и Трамбаус. Эксперты посчитали, что прибыль по нему нельзя ожидать в краткосрочной перспективе, по крайней мере до 2020 г., а также требуется дополнительная техническая подготовка и поэтому проект нельзя назвать устойчивым (Четвертый отчет 2012: 24-25). Огромная социальная значимость проекта для местного эвенкийского сообщества хотя и была отмечена в отчете, но не оказалась решающим аргументом в его пользу.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что главную проблему в регулировании взаимоотношений с нефтяными компаниями, в том числе по поводу различных экологических нарушений, жители видят в отсутствии у коренных народов прав на землю и самоуправление. Причем данной точки зрения во многом придерживается и русское аборигенное население Сахалина. Обычно земельные права затрагивались в интервью именно в контексте защиты от нежелательного строительства нефтегазовых объектов и экстенсивного промышленного рыболовства. Рыбаки с заливов, к которым относятся не только представители коренных народов, но и русские, в том числе работающие в общинах, а также

отчасти оленеводы, крайне обеспокоены тем, что любая компания теоретически может начать работу в местах их проживания и экономической деятельности, и у них не окажется достаточных юридических оснований, чтобы отстоять свои права. На основе материалов интервью можно сделать вывод о том, что коренное население в целом не против нефтегазовых проектов, так как люди понимают, что добыча ресурсов — неотъемлемая часть современной экономики, но жители острова хотят быть уверены в том, что эти проекты не наносят им и окружающей среде значительного ущерба, что они смогут и в будущем заниматься хозяйством на своих привычных местах, а также иметь решающее право голоса в случае конфликта с добывающими компаниями. Кроме того, опрошенные жители считают несправедливой ту огромную разницу между доходами, получаемыми промышленными компаниями, и своим крайне низким уровнем жизни, большим количеством социальных проблем, включая меньшую продолжительность жизни, серьезные хронические заболевания и высокий уровень безработицы. По этой причине в данной главе много внимания уделено «Плану содействия» компании «Сахалин Энерджи», позиционирующегося как механизм улучшения жизни коренных народов и минимизации рисков промышленного освоения. При этом критика была направлена не столько на «План содействия», сколько на программы развития, эксплуатирующие один и тот же набор подходов к коренным народам. Несмотря на то, что данная программа, действительно, полезна некоторым представителям коренных народов, особенно непосредственно вовлеченным в имплементацию Плана содействия и/или имеющим промышленные рыболовные квоты, вслед за исследователями, работающими в рамках теории постразвития, задачей этой главы было показать слабые стороны подобной поддержки, наличие колониальной риторики и механизмов влияния на культуру коренных народов острова. Судя по всему спектру имеющихся материалов, противоречия и конфликты по поводу реализации программы основаны не только на разном понимании устойчивости у представителей коренных народов и экспертов компании, о чем пишут некоторые исследователи, но в идеологии «без развития нет устойчивости» (см. *Sachs* 1992), которая заставляет коренные народы играть по правилам, придуманным не ими. Под устойчивым развитием хозяйственной деятельности в подобных программах развития зачастую понимается включение коренных народов в рыночные отношения и стимулирование между ними конкуренции. Деятельность, не вписывающая в идеологию неолиберализма таким образом объявляется неустойчивой, вытесняется за рамки поддержки и в итоге маргинализируется, как и сами представители коренных народов,

отказывающиеся принимать в ней участие. Это ведет к формированию упрощенных бинарных оценочных суждений, усилению иерархии и большему социальному неравенству. При этом в отсутствие земельных прав и права на самоуправление представители коренных народов вынуждены особенно опираться на то, что они сами определяют как «традиции», с их помощью противопоставляя себя доминирующей группе и нефтегазовым корпорациям. Безусловно, разделение традиционное/современное весьма условно, не всегда приносит пользу самим представителям коренным народам и поэтому легко подвергается критике, но в некоторых контекстах, например, нефтегазового освоения, именно оно позволяет выстраивать границы и защищать свои права в ситуации этнического и социального неравенства.

Источники и литература

Полевые материалы

ПМ 2009 — Полевые материалы. Экспедиция в Сахалинскую обл. (август–сентябрь 2009 г.) в рамках проекта «Землепользование и этничность в циркумполярном регионе» (CLUE) (рук. Х. Бич; финансирование NSF):

- а) п.г.т. Ноглики, Ногликский район;
- б) п. Некрасовка, Охинский район;
- в) г. Поронайск, Поронайский район.

ПМ 2013 — Полевые материалы. Экспедиция в Сахалинскую обл. (июнь 2013 г.) в рамках проекта «Этнологическое исследование КМНС Сахалинской области» (рук. Д.А. Функ, финансирование Exxon Neftegaz Ltd.):

- а) п.г.т. Ноглики, Ногликский район;
- б) п. Некрасовка, Охинский район;
- в) г. Поронайск, Поронайский район;
- г) п. Вал, Ногликовского района.

Официальные источники

ФЗ-174 1995 — Федеральный закон Российской Федерации № 174-ФЗ «Об этнологической экспертизе» от 23.11.1995.

ФЗ-82 1999 — Федеральный закон Российской Федерации № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999.

- ФЗ-49 2001 — ФЗ РФ № 49-ФЗ “О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” от 07.05.2001.
- ФЗ-406 2013 — Федеральный закон Российской Федерации № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2013.
- ЗО-72 2006 — Закон Сахалинской области № 72-ЗО “О правовых гарантиях защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области” от 04.07.2006
- Указ 1992 — Указ Президента РФ № 397 “О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера” от 22.04.1992.
- Постановление 2004 — Постановление ФАС Дальневосточного округа № Ф03-А59/04-1/1347 от 08.06.2004.
- Постановление 2011 — Постановление Администрации Сахалинской области № 440 «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области на 2012-2016 гг.» от 01.10.2011.
- Решение 2007 — Решение Федерального собрания Российской Федерации Комитета Государственной Думы по экологии № 109-1 «О проекте Федерального закона «Об экологической экспертизе» (в части проведения в рамках экологической экспертизы этнологической экспертизы)» от 25.04.2007.

Литература

- Arce 2000 — Arce A. Creating on Regulating Development: Representing Modernities through Language and Discourse // *Anthropology, Development and Modernities. Exploring Discourses, Counter-Tendencies and Violence*. London, New-York: Routledge, 2000. P. 32-52.
- Beach 2009 — Beach H. Introduction // Beach H., Funk D., Sillanpää L. (eds.) *Post-Soviet Transformations. Politics of Ethnicity and Resource Use in Russia*. Uppsala Studies in Cultural Anthropology 46. Västerås: Edita Västra Aros, 2009. P. 9–23.

- Becker, Vanclay* 2006 — Becker H., Vanclay F. (eds.). *The International Handbook of Social Impact Assessment: Concept and Methodological Advances*. Edward Algar. Cheltenham UK, 2006.
- Benda-Beckmann* 1989 — Benda-Beckmann von F. *Scapegoat and Magic Charm: Law in Development Theory and Practice* // *Journal of Legal Pluralism*. 1989. № 28. P. 129-148.
- Benda-Beckmann* 2006 — Benda-Beckmann von F. *The Multiple Edges of Law: Dealing with Legal Pluralism in Development Practice* // *The World Bank Legal Review. Volume 2: Law, Equity and Development*. C.M. Sage and M. Woolcock (eds). The Hague: The World Bank and Martinus Nijhoff, 2006. P. 51–86.
- Black et al.* 2014 — Black T., D'Arcy S., Weis T., Russell J.K. (eds.). *A Line in the Tar Sands: Struggles for Environmental Justice*. Oakland: PM Press, 2014.
- Blaser* 2004 — Blaser M. *Life Projects: Indigenous Peoples' Agency and Development* // *In the Way of Development. Indigenous Peoples, Life Projects and Globalization*. M. Blaser, H.A. Feit, G. McRae (eds.). Zed Books: London, New York, 2004. P. 26-47.
- Blaser* 2013 — Blaser M. *Ontological Conflicts and the Stories of Peoples in Spite of Europe: Toward a Conversation on Political Ontology* // *Current Anthropology*. 2013. 54(5). P. 547-568.
- Brereton et al.* 2011 — Brereton D., Owen J., Kim J. *Good Practice Note on Community Development Agreements*. Centre for Social Responsibility in Mining. Final Report prepared for the World Bank. Centre for Social Responsibility in Mining Sustainable Minerals Institute. The University of Queensland, Australia, 2011.
- Darling* 2011 — Darling P. (ed.). *Management of the Social Impacts of Mining*. SME Mining Engineering Handbook. Third ed. Littleton, Colorado, USA: Society for Mining, Metallurgy, and Exploration, 2011.
- Dutta* 2012 — Dutta M.J. *Voices of Resistance: Communication and Social Change*. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 2012.
- Ferguson* 1990a — Ferguson J. *Presence and Representation: The Other and Anthropological Writing* // *Critical Inquiry*. 1990. Vo. 16. № 4. P. 753-772.
- Ferguson* 1990b — Ferguson J. *The Anti-Politics Machine: 'Development,' Depoliticization, and Bureaucratic Power in Lesotho*. Cambridge University Press: Cambridge, UK, 1990.
- Ferguson, Lohmann* 1994 — Ferguson J., Lohmann L. *The Anti-Politics Machine: "Development and Bureaucratic Power in Lesotho"* // *The Ecologist*. 24(5). 1994. P. 176-181.

- Goes 2013 — Goes S. *Foreigners in the Russian Petroleum Sector: the Cases of Sakhalin-II and TNKBP*. A dissertation for the degree of Philosophiae Doctor. University of Tromso. Faculty of Humanities, Social Sciences and Education. Tromso, 2013. Manuscript.
- Grant 1996 — Grant B. *In the Soviet House of Culture. A Century of Perestroikas*. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Hall 1995 — Hall S. *The West and the Rest: Discourse and Power // Formations of Modernity*. S. Hall, B. Gieben (eds.). Cambridge: Polity, 1995. P. 275-333.
- Hansen, Mitdgard 2008 — Hansen O.H., Mitdgard M.R. *Going North: the New Petroleum Province of Norway // Arctic Oil and Gas Sustainability at risk?* A. Mikkelsen and O. Langhelle (eds.). London, New York: Routledge, 2008. P. 200-240.
- Kishigami 2010 — Kishigami N. *Climate Change, Oil and Gas Development, and Inupiat Whaling in Northwest Alaska // Inuit Studies*. Vol. 34. N 1. 2010. P. 91-107.
- Kumpula et al. 2012 — Kumpula T., Forbes B.C., Stammeler F., Meschtyb N. *Dynamics of a Coupled System: Multi-Resolution Remote Sensing in Assessing Social-Ecological Responses during 25 Years of Gas Field Development in Arctic Russia // Remote Sens*. 2012. № 4. P. 1046-1068.
- Kwon 1997 — Kwon H. *Movements and Transgressions: Human Landscape in Northeastern Sakhalin // Arctic Ecology and Identity*. S.A. Mousalimas (ed.). Budapest, 1997. P. 143-169.
- Lambert 2010 — Lambert L. *Alberta's Oil Sands and the Rights of First Nations Peoples to Environmental Health // Native Case Studies*. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://nativecases.evergreen.edu/collection/cases/albertas-oil-sands-and-the-rights-of-first-nations-peoples-to-environmental-health.html>
- Lee 2006 — Lee J. *Squaring Off on Sakhalin: A "Global" NGO Campaign against Big Oil*. Geneva, 2006.
- Lee 2009 — Li T.M. *The Law of the Project: Government and 'Good Governance' at the World Bank in Indonesia // Rules of Law and Lawes of Ruling. On the Governance of Law*. F. von Benda-Beckmann, K.von Benda-Beckmann and J. Eckert (eds.). Burlington: Ashgate Publishing, 2009. P. 237-257.
- Levant 2011 — Levant E. *Ethical Oil: The Case for Canada's Oil Sands*. Toronto: McClelland & Stewart, 2011.
- Mamontova — Mamontova N. *Language Contact and the Sociolinguistic Situation on the Sakhalin Island in the Light of Development Discourse // Anthropologica*. (принято к публикации).

- Mason *et al.* 2008 — Mason A.M., Anderson R., Dana L-P. Oil and gas activities at the Mackenzie Delta, in Canada's Northwest Territories // *Arctic Oil and Gas Sustainability at risk?* A. Mikkelsen and O. Langhelle (eds.). London, New York: Routledge, 2008. P. 173-200.
- McLachlan 2014 — McLachlan S. "Water is a Living Thing" Environmental and Human Health Implications of the Athabasca Oil Sands for the Mikisew Cree First Nation and Athabasca Chipewyan First Nation in Northern Alberta. Report prepared by the Environmental Conservation Laboratory, Clayton H Riddell Faculty of Environment, Earth and Resources. University of Manitoba Winnipeg, Manitoba, 2014.
- Mitrofankin 2006 — Mitrofankin E. Oil Companies' Relations with Reindeer Herders and Hunters in Noglikskii District, Northeastern Sakhalin Island // *Sibirica*. 2006. № 2. Vol. 5. P. 95-114.
- Roon 2006 — Roon T. Globalization of Sakhalin's Oil Industry: Partnership or Conflict? A Reflection on the Etnologicheskaya Ekspertiza // *Sibirica*. № 2. Vol. 5. 2006. P. 95-114.
- Sachs 1992 — Sachs W. (ed.). *The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power*. Zed Books: London, New York, 1992.
- Stammler 2011 — Stammler F. Oil without Conflict? The Anthropology of Industrialisation in Northern Russia // *Crude domination: An anthropology of Oil*. A. Behrends, S. P. Reyna, and G. Schlee (eds.) Oxford: Berghahn Book, 2011. P. 243-269.
- Stammler, Wilson 2006 — Stammler F., Wilson E. Dialogue for Development: an Exploration of Relations Between Oil and Gas Companies, Communities and the State // *Sibirica*. Special Issue on the Oil and Gas Industry Local Communities and the State. E. Wilson and F. Stammler (eds.). 2006. Vol 5. Issue 2. P. 1-42.
- Wilson 1999 — Wilson E. Conflict or Compromise? Traditional Natural Resource and Oil Exploitation in Northeastern Sakhalin, Noglikskii District // *Economic Development and the Environment on the Sakhalin Offshore Oil and Gas Fields*. Sapporo, 1999. P. 69-96.
- Wilson 2002 — Wilson E. Est' zakon, est' i svoi zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nysky Bay, North-Eastern Sakhalin // *People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. E. Kasten (ed.). Berlin, 2002. P. 149-168.
- Yakovleva, Grover 2015 — Yakovleva N., Grover R. Crossing the Land of Indigenous People in the Arctic: Comparison of Russian and North American Experiences of Economic Growth and Human Rights in Energy and Infrastructure Projects // *Diplomacy on*

- Ice. Energy and the Environment in the Arctic and Antarctic. R. Pincus and S. H. Ali (edc.). New Haven and London: Yale University Press, 2015. P. 186-198.
- Базалеев 2010 — Базалеев О.А. Традиционная экономическая деятельность: анализ ситуации и практические рекомендации: Рабочие материалы для подготовки Второго «Плана содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина». Южно-Сахалинск, 2010.
- Воздействие проекта «Сахалин-2» 2004 — Воздействие проекта «Сахалин-2» на окружающую среду и коренных малочисленных народов Севера. Сост. Экологическая вахта Сахалина. 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecosakh.ru/index.php/neft-gaz?start=140>.
- Второй отчет 2011 — Второй отчет о проведении независимого мониторинга Второго Плана содействия. Сост. Г.Э. Гулдин. Южно-Сахалинск, 2011.
- Второй план содействия 2010 — План содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области. Второй пятилетний План (2011-2015 гг.). Южно-Сахалинск, 2010.
- Годовой отчет 2005 — Годовой отчет «Сахалин Энерджи» за 2005 г. Южно-Сахалинск, 2005.
- Грэбер 2014 — Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М., 2014.
- Данилова 2009 — Данилова Н.В. Правовой режим территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 4 (10). С. 35–42.
- Динамика особо охраняемых территорий 2013 — Динамика особо охраняемых природных территорий Сахалинской области за период 2000-2013 гг. Сост. Экологическая вахта Сахалина. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecosakh.ru/index.php/va-doc>.
- Доклад о состоянии прав 2009 — Доклад о состоянии прав человека в Сахалинской области в 2009 г. Сост. Общественный правовой центр Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 2009.
- Заключение 2013 — Заключение экспертной комиссии общественной экологической экспертизы материалов “Проект “Сахалин-1”. Береговые сооружения Одопту. Реконструкция буровой площадки Одопту 2 (Северная). Временные разгрузочные сооружения” компании “Эксон Нефтегаз Лимитед”. Южно-Сахалинск- Владивосток-Москва, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecosakh.ru/index.php/va-doc>
- ИА Regnum 2007 — Коренные народы Сахалина потребовали от «Эксон Нефтегаз Лимитед» внимания к правам аборигенов // ИА REGNUM.

25.06.2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/847581.html>

Краткий обзор 2005 — Краткий обзор процесса воздействия второго этапа проекта на окружающую среду и социальную сферу. Проект “Сахалин II”. 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sakhalinenergy.ru/ru/documents/doc_lender_eia_0.pdf

Кряжков 2010 — Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.

Кряжков 2014 — Кряжков В.А. Правовое регулирование отношений между коренными малочисленными народами Севера и недропользователями в Российской Федерации // Государство и право. 2014. № 7. С. 27-39.

Люди Севера 2008 — Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. Отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2008.

Мамонтова 2012 — Мамонтова Н.А. Традиционная экономика нивхов Сахалина: между устойчивостью и развитием // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 133-150.

Мартин 2011 — Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923 – 1939. Пер. с англ. О.Р. Щелоковой. М., 2011.

Мартынова, Новикова 2011 — Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: Этнологическая экспертиза 2011 года. М., 2011.

Межуева 2005 — Межуева М.Г. О развитии нефтегазового комплекса Сахалинской области // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2005. № 4. С. 44-48.

Мурашко 2004 — Мурашко О.А. Этнологическая экспертиза в России // Anthropological Expert Review. Cambridge: Scott Polar Research Institute, 2004. [Электронный ресурс] URL: <http://www.spri.cam.ac.uk/events/russianoil/presentations/murashko.ru.pdf>

Мурашко 2006 — Земельные права коренных малочисленных народов // “Этнологическая экспертиза” в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы. Сост. О. Мурашко. М., 2006. С. 9–11.

Наттэл 2008 — Наттэл М. Нефть, газ и права аборигенов в Арктике: опыт Северной Канады // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 4-17.

Нефть и газ 2012 — Нефть и газ Сахалина // Российская газета. № 220. 25 сентября 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://rg.ru/files/special_editions/data/544.pdf

- Новикова 2010 — Новикова Н.И. Этнологическая экспертиза: на перекрестке истории, этнологии и юридической антропологии // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1. Казань, 2010. С. 76-80.
- Обзор о состоянии 2008 — Обзор о состоянии онкологической заболеваемости в Сахалинской области и возможных мерах по ее профилактике и снижению. Сост. Экологическая вахта Сахалина. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecosakh.ru/index.php/va-doc>.
- Основные показатели 2012 — Основные показатели жизнедеятельности КМНС Поронайского района Сахалинской области по состоянию на 01.01.2012.
- Отчет о финальной оценке 2010 — Отчет о финальной оценке реализации Плана. Сост. Г.Э. Гулдин, О.В. Капкаун, А.Т. Коньков. Южно-Сахалинск, 2010.
- Отчет по оценке-1 — Отчет по оценке воздействия на социальную сферу. Ч.1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sakhalinenergy.com/media/f51d161b-a9db-4216-90b2-f7f6df3c3784.pdf>
- Отчет по оценке-2 — Отчет по оценке воздействия на социальную сферу. Ч.2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sakhalinenergy.com/media/c7647da7-88b7-422e-bc31-4cce52c6529c.pdf>
- Отчет по промежуточной 2009 — Отчет по промежуточной оценке Первого Плана содействия. Сост. Г.Э. Гулдин, А.Я. Начеткина, А.Т. Южно-Сахалинск, 2009.
- Отчет регионального Совета 2009 — Отчет регионального Совета уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области за период 2005 – 2008 гг. Сост. З.Л. Роник. Южно-Сахалинск, 2009.
- Первый отчет 2011 — Первый отчет о проведении независимого мониторинга Второго Плана содействия. Сост. Г.Э. Гулдин. Южно-Сахалинск, 2011.
- Политика ЕБРР 2003 — Политика ЕБРР в отношении охраны окружающей среды. Лондон, 2003.
- Проект “Сахалин-1” 2004 — “Проект «Сахалин-1»: Массовая гибель корюшки у залива Чайво”, РОО “Экологическая вахта Сахалина” сообщение для СМИ. 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecosakh.ru/index.php/va-doc>.
- Роон 1999 — Роон Т.П. Промышленное освоение и правовые проблемы коренных народов Сахалина // Обычное право и правовой плюрализм. Под ред. Н.И. Новиковой и В.А. Тишкова. М., 1999. С. 131–136.
- Роон 2002 — Т.П. Роон. Изменения в экономике коренных народов Сахалина в XX в. // Расы и Народы. Вып. 28. М., 2002. С. 146–159.

- Роон 2008 — Роон Т.П. Размышления о Сахалине и его жителях в свете транснациональных проектов добычи углеводородов на шельфе Охотского моря (к вопросу об этнологической экспертизе) // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 36-47.
- Северные народы 2000 — Северные народы России на пути в новое тысячелетие. К десятилетию Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Сборник. Сост. О. Мурашко. М., 2000.
- Сирина, Фонда́л 2008 — Сирина А.А., Фонда́л Г. Призрак нефтепровода на севере Байкала // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 60-70.
- Слезкин 2008 — Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008.
- Соколовский 2008 — Соколовский С.В. Коренные народы: между интеграцией и сохранением культур // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции. Под ред. Е.И. Филипповой. М., 2008. С.49-70.
- Третий отчет 2008 — Третий отчет о проведении независимого мониторинга. Сост. Г.Э. Гулдин. Южно-Сахалинск, 2008.
- Третий отчет 2012 — Третий отчет о проведении независимого мониторинга Второго Плана содействия. Сост. Г.Э. Гулдин. Южно-Сахалинск, 2012.
- Фуко 2005 — Фуко М. Нужно защищать общество. Пер. Е.А. Самарской. СПб., 2005.
- Четвертый отчет 2008 — Четвертый отчет о проведении независимого мониторинга. Сост. Г.Э. Гулдин. Южно-Сахалинск, 2008.
- Четвертый отчет 2012 — Четвертый отчет о проведении независимого мониторинга Второго Плана содействия. Сост. Г.Э. Гулдин. Южно-Сахалинск, 2012.
- Шестой отчет 2010 — Шестой отчет о проведении независимого мониторинга. Сост. Г.Э. Гулдин. Южно-Сахалинск, 2010.

Глава 6

ОБРАЗОВАНИЕ И КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ САХАЛИНА

1. Краткая история образования на Сахалине

Первые школы на Сахалине были организованы в 70-е гг. XIX в. Инициатором создания учебных заведений выступила Русская Православная Церковь в лице миссионера Симеона Казанского, который открыл первую школу для детей ссыльнопоселенцев. Об учениках из числа коренных народов упоминаний нет (Костанов 1992).

На рубеже XIX-XX вв. устройством школ для детей айнов на юге Сахалина в селах Найбучи, Маука, Найеро, Сиянцы занимался Б. О. Пилсудский (Пилсудский 1907: 123). В этот период исследователь, как и многие этнографы-сибиреведы его времени, размышлял о судьбе коренных народов Сахалина в связи с влиянием на них европейской культуры. Пилсудский разделял популярную в то время точку зрения, согласно которой у коренных народов нет другого выхода, кроме как адаптироваться к новым условиям жизни на колонизированном острове и, в конечном итоге, ассимилироваться. Поэтому ученый разработал целый комплекс мер, которые, по его мнению, помогут коренным народам перейти на «высшую ступень культурного развития» в рамках господствующей эволюционистской парадигмы, рассматривающей аборигенов Сибири в качестве представителей низшей стадии эволюции. Одной из таких мер как раз и являлось введение обязательного школьного образования, так как последнее считалось необходимым атрибутом культурного европейского человека. Особое внимание этой проблеме Б. О. Пилсудский уделил в своем проекте «Об устройстве управления айнов о. Сахалина» 1903-1905 года. Его предложение заключалось в том, что в каждой волости следует открыть не менее одной школы грамоты с практическим обучением ремеслу (плотничного, столярного, кузнечного), огородничеству, земледелию, а также «прививать (детям) знания, полезные для ведения рыбных промыслов». Он считал, что средства на оборудование и содержание школ должно выделить государство, так как подобные учреждения будут служить «сильным средством для скорейшего слияния инородцев с русскими». Интересно отметить, что Пилсудский ратовал

за исключительно светский характер обучения, обязательного для детей обоего пола. При этом он считал, что образование не должно отрывать детей от родной среды и занятий, поэтому в проекте он акцентировал внимание на таких знаниях, которые позволили бы дать «детям превосходство в тех же работах, которыми заняты родители» (Пилсудский 1989: 5). При жизни ученого эти идеи не были осуществлены, но, как уже видно из описания, нашли свое отражение в советском патерналистском подходе к образованию детей коренных народов.

1920–1930-е гг. для Севера стали периодом педагогического творчества и экспериментов. Становление новой системы образования требовало определить основные концепции обучения. Перед советскими просветителями стояло множество вопросов, среди которых — на каком языке учить, чему учить, какие нужны учебники и многие другие. Основное внимание уделялось ликвидации неграмотности среди трудоспособного населения, в аборигенных селениях появились школы и курсы для детей и взрослых. Это требовалось для подготовки первых учителей национальных школ. Планомерно образованием в северных регионах ученые и активисты занялись после организации в 1924 г. Комитета Севера. Целью нового государства являлось скорейшее приобщение «отсталых народов» к «цивилизованным» нормам, социалистической экономике и культуре. В 1926 году была разработана образовательная программа для северян. В том же году в качестве сотрудника Комитета Севера на Сахалин приехал Е.А. Крейнович. Собирая этнографические и лингвистические материалы, он одновременно работал в аборигенной школе-интернате в с. Хандуза, занимаясь «ликбезом». Школу посещали в основном эвенки и ульйта. Ученый также пытался привлечь к обучению детей нивхов. В отчете работы туземной школы за 1929/30 учебный год отмечается, что преподавание в первом классе ведется на родных языках. Школьники младших и средних классов получают дополнительное «политехническое» обучение: работают на лесозаводе, метеорологической станции, скотном дворе. Старшеклассники трудятся в столярных, пошивочных мастерских, в парикмахерских и прачечных (из материалов Архива Сахалинского областного краеведческого музея, далее — АОСМ). Дополнительно, с конца 1920-х гг. в школах для народов Севера была открыта пионерская организация. В отчете о проделанной работе по организации внешкольной деятельности, хранящемся в архиве Сахалинского областного краеведческого музея, написано:

«В пионерском отряде школы работали кружки: охотничий, рыболовный, столярный, слесарный, рукодельный, художественный и драматический. Охотничьи и рыболовецкие интересы занимали главное место в жизни детей. Все они прекрасные охотники и приезжали в школу с ружьями. По выходным дням пионерский отряд организованно выходил на охоту и рыбную ловлю» (АОСКМ).

Срок начального образования в школах для северян в отличие от «русских» школ обычно был от одного года до четырех лет больше. В программу входило обучение практических навыков: как засолить рыбу, сплести сети, смастерить упряжь для оленей или собак, починить лодку или ловушки. Ряд школ имел свои небольшие оленье стада, лодки и сети и даже ставил перед детьми план вылова рыбы. Промысловый уклон подразумевал не только занятия традиционными промыслами, но и обучение детей различным ремеслам, которые в итоге и стали основным содержанием «уклона»: столярному, слесарному, кузнечному делу. В нивхских становищах Ныйво и Чайво в 1930 г. еще не были открыты стационарные школы. Летом 1930 г. в поселения приехали две русские учительницы-воспитательницы и переводчица-нивха. Женщины провели беседу с родителями, помыли всех малышей в бане, нарядили в новую одежду, обустроили специальное помещение под занятия. Воспитательницы сначала подкармливали будущих воспитанников, привлекали их внимание. Два месяца женщины проводили для детей игры, гуляли с ними, учили рисовать, петь и немного читать. Помощь в общении с младшими оказывали дети, уже обучающиеся в школе-интернате в других поселках. Помимо работы с детьми, сотрудницы «стойбищного детского сада» занимались ликбезом со взрослыми (Рабэн, Руткевич 1931: 42–45). Стойбищные школы служили подготовительным этапом для школ-интернатов, которые, как и в других северных регионах, заработали на Сахалине. Однако условия для учебы и жизни в школах-интернатах этого периода во многих местах были плачевными (впрочем, как и в других школах-коммунах того времени). Н. Леонов приводит пример сахалинской школы в с. Чайво, где дети жили в бывшей конюшне. В помещение залетал снег, а во время метели школу-конюшню заносило так, что по крыше ходили олени (Леонов 1928: 113–122).

Школы Карафутто

Японское правительство серьезно отнеслось к вопросу организации образовательного процесса в новом губернаторстве, так как образование

рассматривалось в качестве неотъемлемой части японской национальной политики. Первая японская начальная школа была организована во Владимировке (ныне Южно-Сахалинск) в августе 1906 г. В ней обучалось около двадцати учеников, размещавшихся в здании бывшей православной церкви. В связи с ростом населения число школ быстро увеличивалось, причем до 1920 г. на Карафуто сосуществовали две системы образования: государственная и частная. Затем все учебные заведения были переданы в ведение муниципалитетов. К середине 30-х годов в губернаторстве насчитывалось уже более 230 начальных школ.

Вследствие реорганизации школьного образования в директиве губернаторства N 36 от 3 сентября 1920 г. были изложены пять основополагающих принципов обучения, подчиненных главной цели – «воспитать соответствующие способные кадры для дел освоения, с учетом особых условий Карафуто». В процессе школьного обучения важное место отводилось изучению истории и природных ресурсов Сахалина, воспитанию у детей переселенцев необходимых для них качеств: самостоятельности, физической выносливости, умению соотносить теорию и практику.

К 1940 г. сеть образовательных учреждений на Южном Сахалине насчитывала 140 начальных, 126 средних неполных школ, 11 гимназий (из них 7 женских), 11 средних специальных учреждений.

С установлением в 1945 г. советской власти на всей территории острова, японские школы были закрыты, а преподавание и использование японского языка запрещено.

Школы-интернаты на Сахалине во второй половине XX в.

Преобладающая часть наших информантов – люди, получившие школьное образование в 1960–80-е гг. Они вспоминают, что в годы их обучения школы делились на национальные и «русские» (общие). Большинство национальных школ имели при себе интернат, в котором жили в течение учебного времени дети нескольких «категорий»: нивхи с традиционных рыболовецких стойбищ, уйльта и эвенки из оленеводческих бригад и дети из тех поселков, в которых существовали только малокомплектные начальные школы.

В полиэтнических школах для аборигенного населения в качестве языка общения и обучения использовался преимущественно русский, хотя в отдельных школах в подготовительном классе занятия велись на аборигенных языках, например, на нивхском (см. Главу 7). Некоторые информанты уже знали русский

язык при поступлении в школу, но были и те, кто говорил до школы только на родном языке. Знание русского языка людьми первой группы было приобретено в поселке, где по соседству жили русские, или от родителей и родственников, с рождения общавшихся с ребенком на русском языке, что было типично для смешанных семей:

«Т.Р.: Ну, когда был интернат, сюда привозили детей отовсюду. Раньше же был поезд. На поезде приезжали и на собачьей упряжке, летом на моторке.

Т.А.: Вас родители привозили или за вами приезжали?

Т.Р.: Нет, родители привозили.

Т.А.: Школа была только для коренных?

Т.Р.: Да, но там и русские были.

Т.А.: Вы, когда приехали в нулевой класс, на родном языке говорили?

Т.Р.: Я уже знала. Как ни странно, меня учила подруга моей матери. Она нивха была».

Дети, не знавшие русского языка, как правило, приезжали со стойбищ, маленьких поселков или воспитывались у говорящих на родном языке бабушек и дедушек:

«М.В.: Я воспитывался у деда с бабкой. Они плохо по-русски говорили, только по-ороченски.

Т.А.: А в интернат потом как?

М.В.: Ой, дикарь дикарем был!»

«П.И.: Со мной на нивхском бабушка, дедушка разговаривали. Я вообще русского не знал. В садик приехал и здесь начал учить.

Т.А.: К первому классу знали русский?

П.И.: Почти что да. Национальный был большой интернат, 250 человек. Эвенки и нивхи, нанайцы и орочены...

Т.А.: А ребята приезжали и тоже, наверное, языка не знали?

П.И.: Да нет, все знали, кажется. Я один, наверное, не знал (смеется)».

Информанты, не знавшие русского языка, рассказывают о трудностях в понимании школьного материала:

«И.И.: Мы-то в основном в школе-интернате учились. Нас советская власть поднимала. Мы же в школу пошли вообще не знали языка...В тайге мы везде лазили.

Т.А.: Быстро русский язык выучили? Были какие-то сложности?

И.И.: Наверное, были у меня сложности. Я в нулевой пошла. Разговаривала с родителями дома, а жила с бабушкой и дедушкой. Они на эвенкийском разговаривали. Может, то, что я плохо училась в нулевом и первом классе, потому что русский не понимала...»

Помимо учебных проблем, люди отмечают и психологические:

«Д.Е.: Я помню первый класс, я пришла и ничего не понимала. Я пришла, у меня ни школьной формы, ничего. Лохматая такая, чапаевские сопли были вот такие. По улице бегала, потом пришла в первый класс. Я вообще не знала язык. Я в 8 лет пошла, в декабре. С 5-8, наверное, разговаривала на нивхском. Это потом чуралась, стеснялась. Я помню, к доске вызовут, я в обмороки падала – боялась чужих».

Нередко люди рассказывали о том, что они сами или их знакомые были вынуждены оставить учебу из-за проблем с незнанием русского языка. Например, одна жительница сообщила, что в ее классе училась девочка-нивха с удаленного стойбища, которая бросила учиться после первого года, потому что очень плохо понимала русский язык. Распространенным является мнение, согласно которому родной язык был утрачен из-за системы интернатов. В качестве аргумента в половине случаев приводится запрет общения на родных языках в стенах школы:

«Мы же учились в интернате, поэтому языка не знаем. Как отправили нас в интернат, только на каникулы приезжали – какое там общение! Мы же в детстве, может, знали. В интернат поступали дети, которые говорили на своем языке, потом потеряли свой язык. Может, мы тоже так же.

Н.М.: А что, в интернате вам запрещали говорить?

М.Г. Нет, не запрещали. Потому что мы круглый год были в интернате, только на каникулы летом выезжали и все».

«Когда я пошла в школу, начали детей забирать в интернате, чтобы юколу не кушали, а то дизентерия будет. На нивхском не разговаривать, потому

что все говорили на нивхском и не понимали русский язык. Изучали усиленно русский язык».

«Д.Е.: До 5 лет я только на своем говорила, пока не пошла в школу. Нас заставляли не говорить. Запрещали, запрещали. Я пришла в интернат, там все были русские. Уборщицы были только нивхами, истопниками их звали

Ф.Д.: А с ними Вы разговаривали?

Д.Е.: Нет, да как-то времени не было».

Другая часть информантов на вопрос о запрете говорить на родном языке отвечает отрицательно. У нас создалось мнение, что ситуация с языковыми запретами связана с личными решениями педагогов и идеологией в каждой конкретной национальной школе. При этом все информанты, знавшие родной язык в детстве, сообщили, что после интерната разговаривали намного меньше или вообще переставали говорить.

Помимо основного учебного плана в школах-интернатах проводились трудовые практики, а при школах создавались этнографические музеи. Учителя старались привлечь учеников к сбору коллекции, что способствовало, по словам информантов, новому интересу к своей культуре, к простым повседневным вещам:

«Мы организовали свой краеведческий музей. У нас музей был мощней, чем Ленинградский этнографический по предметам обихода. Всё у дедушек, бабушек, мам... воровали (смеется). Они ведь не дают. Вымогаешь, вымогаешь, но вот кто-то что-то своровал. Приезжают, смотрят – все на полочках, красиво».

«Да, я когда в нулевой класс...Помню, нас на линейку собирали и говорили: вот вы поедете сейчас домой на каникулы, что-нибудь привозите старенькое: посуда, из которой кушали раньше...Да, в музей. Мы музей заполнили полностью».

2. Современное образование в Сахалинской области

Во время «перестройки» активизировалась деятельность аборигенных сообществ, началось обсуждение правовых, экономических и культурных вопросов. Важно отметить, что, по сути, впервые за всю историю взаимодействия с российскими структурами власти местная администрация и национальная интеллигенция получили реальную возможность самостоятельно принимать

решения и контролировать систему образования в своих регионах. Иными словами, даже в рамках федерального закона об образовании (в разных вариациях) появилась свобода в выборе позиции относительно того, что должно представлять собой образование для детей коренных народов. В 1990-е гг. лидеры коренных народов потребовали организовать системное изучение родных языков, издательскую деятельность в области национальной литературы, в том числе учебных пособий, включить в школьную программу изучение истории, культуры и системы ценностей коренных народов Сахалина, а также организовать факультеты, отделения, курсы, лицеи, колледжи, готовящие специалистов из числа народов Севера для традиционных отраслей хозяйства и общественной деятельности (РГИАСО, ф. 1198, оп. 11, д. 188). Отчасти их требования нашли отражение в последующих реформах и законах, направленных на предоставление коренным народам возможностей развивать свою культуру. В школах были введены уроки этнокультурного развития и возобновлено преподавание родных языков.

На данный момент в обследованных нами районах Сахалина существуют следующие дошкольные и средние образовательные учреждения (Официальный сайт министерства образования <http://obrazovanie.admsakhalin.ru/>):

Охинский район:

населенные пункты	детские сады	школы
г. Оха	6	5 + 1 вечерняя школа
с. Некрасовка	1	1
с. Восточное	1	1
с. Тунгор	1	1
с. Москальво	1	1

Ногликский район

населенные пункты	детские сады	средние школы
пгт Ноглики	6	3
с. Вал	1	1
с. Ныш	1	1
с. Катангли	1	1

Поронайский район

населенные пункты	детские сады	школы
г. Поронайск	5	5 + 1 вечерняя школа
с. Гастелло	1	1
с. Леонидово	1	1
с. Тихменево	1	1
с. Малиновка	1	1
с. Восток	1	1

Статус школы-интерната имеют только два учебных заведения: школа в с. Некрасовка и лицей № 3 в г. Поронайск. В министерстве образования лицей-интернат № 3 «Технологии традиционных промыслов народов Севера» позиционируется как единственное учебное заведение в области, имеющее этнокультурную направленность. Специфика учебного плана, набора детей и других особенностей будет изложена ниже.

2.1. Этнокультурный компонент

Этнокультурный компонент в школьном образовании, как правило, представлен в программах в виде изучения родного языка или обучения на родном языке (последнее не существует на Сахалине), специального курса краеведения, который состоит из географии, биологии, истории и литературы Сахалинской области, а также кружков и спортивных секций. Во многих школах есть собственный краеведческий музей. Кроме того, в период каникул работают этнолагеря, направленные на привлечение детей коренных народов к традиционным видам деятельности. Этнокультурный компонент призван сформировать у учеников этническую идентичность и «знание» о родной культуре, поэтому в программу обучения методисты и учителя включают также набор элементов «традиционной культуры»: песни, танцы, орнаменты, постановочные обряды. Рассмотрим ситуацию в трех исследуемых районах по каждому из основных пунктов.

Язык

В образовательном процессе представлены три языка КМНС Сахалина: нивхский, уйльтинский и эвенкийский. Нанайский не преподается ни в какой форме. Эвенкийский язык недавно начал преподаваться в школе с. Виахту. Занятия нивхского языка проводятся в детском саду с. Некрасовка, а в школе

уроки нивхского ведутся с 1-4 классы в качестве факультатива. При этноцентре «Кых-Кых» в Некрасовке организованы курсы нивхского. В Ногликах только в одной школе преподается нивхский язык с 5-9 класс в качестве предмета по выбору. Важно заметить, что посещение родного языка является добровольным. Существуют случаи отказа родителей от этих занятий (по желанию самих детей). Уйльтинский язык в с. Вал не преподается вообще. В Ногликах при Краеведческом музее открыты курсы языка уйльта. В Поронайском районе уроки уйльтинского проходят с 1-3 классы в лицее № 3. В 2013/14 году планировалось открытие кружка уйльтинского языка при сувенирном цехе родового хозяйства «Тый» (Подробный обзор по преподаванию языков коренных народов см. в Главе 7).

Краеведение

Практически в каждом субъекте Российской Федерации в школах преподается краеведение в рамках специальных уроков или в дополнение к стандартной программе по другим предметам. В современных сахалинских школах Охинского, Ногликского, Поронайского районов краеведение ведется в основной программе с 5-9 классы 1 час в неделю. Программа курса строится из нескольких блоков: географии, биологии, истории, литературы. На каждый блок по плану отводится 7-10 часов. Учитель краеведения одной из школ отмечает, что отведенного количества уроков не хватает. Педагог старается вводить дополнительные сведения о Сахалине на стандартных уроках географии или биологии (к примеру, тема «Геология» рассматривается на материалах Сахалинской области). Учитель рассказывает, что дети очень живо воспринимают информацию о родном крае: слушают внимательно, отвечают на вопросы, с удовольствием готовят доклады. Основной проблемой, сообщает учитель, является отсутствие достаточной базы методических и информационных материалов. Полноценного учебника краеведения Сахалинской области не существует. Охинский район выпустил несколько пособий: географический атлас района, справочник по физической географии Сахалина, «Выбери будущее сегодня» (в основном в пособии затронута тема окружающей среды на острове).

Но эти пособия может использовать только учитель, так как они имеются у него в единственном экземпляре. На руки детям книги не выдаются. Преподаватель вспоминает, что раньше была проблема с поиском информации для уроков, теперь появился интернет – стало намного проще готовиться к урокам. Директор школы в с. Вал сообщает, что Институт

развития образования Сахалинской области в Южно-Сахалинске высылает методические рекомендации по отдельным модулям программы краеведения. Однако по-прежнему программу занятий каждый учитель составляет, исходя из собственных предпочтений. Некоторые учителя проводят также внеклассную работу: вместе с учениками готовят доклады для краеведческих конференций, которые проходят при местных музеях, или осуществляют поиски экспонатов для пришкольных музеев.

Литературу родного края преподают учителя русского языка и литературы. На литературном краеведении дети изучают биографии и творчество сахалинских писателей:

«Г.А.: Читаем Санги, Лидию Мувчик, Гудана (он амурский нивх), конечно, Чехова «Остров Сахалин».

Т.А.: А Айтматова читаете? «Пегий пес, бегущий краем моря»?

Г.А.: Нет, он же не с Сахалина. Да и книг у нас нет. Своих авторов читаем: Лозовского, Большакова... Рассказываем о поэзии сахалинских поэтов».

Все тексты региональных писателей дети читают на русском языке. Иногда, сообщает учитель из школы в Некрасовке, во время недели родного языка ученикам даются одни и те же отрывки текста на русском и нивхском языках: например, произведение Владимира Санги «Лебедь». Чтение на нивхском, отмечает преподаватель, дается ученикам с трудом, поскольку произведения Санги написаны на восточном диалекте, а в Некрасовке распространен амурский диалект нивхского языка.

Нередко учителя литературы говорили об отсутствии методических пособий и учебников, поэтому им самостоятельно приходится разрабатывать программу. Хотя в фондах некрасовского школьного краеведческого музея нам показали несколько учебных пособий, в том числе по литературе народов Севера, изданных в последние годы, но хранитель фонда отметил, что поступающие материалы обычно остаются в музее, поскольку их невозможно раздать детям, так как их присылают в удаленные поселки лишь в единственном экземпляре. Некоторые учителя, чтобы разнообразить школьную программу, составляют викторины и придумывают игры. Например, дети средних классов рисуют иллюстрации к произведениям сахалинских писателей, вырезают аппликации по мотивам книг.

Дополнительное образование

Дополнительное образование школьников – это составная (вариативная) часть общего образования, представленная в виде кружков, секций, клубов и другой внеурочной деятельности, которая может проходить как в школе, так и в других культурно-просветительских учреждениях, например, в клубе. Все внешкольные занятия, имеющие этнокультурную направленность, в трех районах, где велась наша работа, можно разделить на три типа: 1) кружки по декоративно-прикладному искусству (далее – ДПИ); 2) секции по национальным видам спорта; 3) занятия в народных ансамблях.

Кружки ДПИ

В с. Некрасовка Охинского района в этноцентре «Кых-кых» функционирует кружок ДПИ для детей и молодежи разных возрастов. С ребятами работают мастерицы, которые изготавливают сувенирную продукцию в «нивхском стиле» (орнаменты, элементы покроя), шьют нивхские костюмы для своего музея и на продажу. Девушкам, начавшим заниматься у мастериц, показываются основные правила кройки, построения и техники изготовления орнаментов и выкройки. Во время нашего пребывания в этноцентре, девушки приходили на консультацию и приносили с собой свои изделия. Занятия в «Кых-кых» бесплатные. В самой Охе при общественной организации КМНС также существует мастерская, аналогично работающая с молодежью. В интервью некрасовский мастер ДПИ, который проходил заочное обучение на экспериментальных курсах по ДПИ в Институте усовершенствования учителей, рассказал, что раньше в поселке была художественная школа, в которой многие дети занимались ДПИ, рисованием, танцами. В 1990-е гг. из школьного помещения сделали магазин.

В с. Вал Ногликского района кружок ДПИ работает в самой школе. Как объяснил в интервью директор школы, в программу кружка входят классический общекультурный набор занятий: шитье, вышивка, бисероплетение, выжигание и другие кружки. Лишь небольшая часть занятий посвящена собственно декоративно-прикладному искусству коренных народов Сахалина.

В поронайском лицее № 3 занятия ДПИ ведутся в основной программе. Учебный план вмещает в себя как общие навыки (лепка, рисунок, шитье), так и традиционные.

Секции по национальным видам спорта

В школах Сахалина, где учатся дети коренных народов Севера, обязательно в том или ином объеме проводятся занятия северным многоборьем. В многоборье входят прыжки через нарты, стрельба из лука, метание топорика, тройной прыжок в длину, бег с палкой, борьба и иногда метание аркана. В исследуемых нами районах «национальные виды спорта» представлены на уроках физкультуры и в отдельных секциях при школах. Такие секции есть в г. Оха, с. Некрасовка, пгт. Ноглики, г. Поронайск. В с. Вал занятия по многоборью проводятся только в рамках школьной программы по физкультуре, то есть в ограниченном объеме. Можно сказать, что через северное многоборье «проходят» все мальчики. По сообщениям учителей, это системная внешкольная занятость вызывает у детей интерес и мотивацию развиваться. Все школьники, с которыми мы общались, рассказывали о поездках на соревнования в другие районы Сахалина или даже в Хабаровск. Мы присутствовали на соревнованиях в Некрасовке, проводившихся на базе школы. В соревнованиях участвовали и дети из Охи. Учителя подчеркивают, что не только представители коренных народов, но и русские дети с удовольствием занимаются северным многоборьем. Ограничения на посещение секций по этническому признаку отсутствуют. Как правило, после окончания школы занятия «национальными видами спорта» прекращаются, но некоторые молодые люди продолжают участвовать в спортивных соревнованиях, которые проводятся на национальных праздниках (мы были свидетелями соревнований на празднике Кормления Духа моря в Поронайске и празднике обновления природы «Чир ань» в пгт. Ноглики), где участники как правило соревнуются «районами».

Важно отметить, что на вопрос о том, представлена ли нивхская культура в образовании и жизни, все информанты-юноши из Некрасовки упомянули именно спортивные занятия. В условиях унификации культуры и потери языка для ребят северное многоборье – форма проявления родной культуры, которая дает им ощущение сопричастности. Это выражается и в определенной атрибутике. На соревнованиях принято выступать в национальных халатах, хотя редко у кого из детей есть собственный халат. В основном, костюмом на время состязаний обеспечивает школа, клуб или этноцентр. К атрибутике относятся также спортивное оружие, например, лук со стрелами и метательные топорики. Один информант, ученик 10 класса, рассказал, что специальный метательный топорик ему сделал дедушка и выжег на древке нивхские узоры.

Ансамбли

Если мальчики в основном занимаются северным многоборьем, то почти все девочки, в том или ином возрасте, посещают национальные ансамбли. Мальчики тоже попадают в ансамбли, но надолго в них не задерживаются. В ансамблях участвуют как дети из числа коренных народов, так и русские. Например, в Некрасовском клубе работает нивхский ансамбль «Пила Кен», а в Ногликах – «Арила Миф». В с. Вал существуют уйльтинские ансамбли «Сороде» и «Дорима», но в основном они активизируются только во время праздничных мероприятий. Дело в том, что на момент проведения наших полевых исследований на Валу отсутствовало репетиционное место: строилось новое здание клуба, а старый клуб был закрыт, поэтому репетировать было негде. В Поронайске действует коллектив «Мэнгумэ Илга», в котором представлена культура всех коренных народов Поронайского района: нивхов, уйльта, эвенков, нанайцев. По нашим наблюдениям, концертные номера «национальных коллективов» чаще всего комплексные. В своих номерах они сочетают пение, танцы и игру на народных инструментах. Что касается употребления родных языков в сценических номерах, то они используются в основном в виде отдельных фраз, например, принято приветствовать зрителей на родном языке. Ученики нередко учат песни и стихи на тех аборигенных языках, которые преподаются в их школах. Ансамбли регулярно выезжают на фестивали и конкурсы, знакомятся с другими коллективами, обмениваются творческими мотивами.

Школьники, начавшие ходить в ансамбль, обычно перестают посещать занятия по окончании школы, если уезжают учиться или меняют сферу интересов. Тем не менее, среди информантов встретились те, кто посещает ансамбли на протяжении длительного времени. Приведем в пример отрывок из интервью некрасовского юноши из ансамбля «Пила Кен»:

«Ч.М.: Я уже 10 лет занимаюсь в ансамбле.

Т.А.: Мама привела или сам захотел?

Ч.М.: Мама сказала, что, вот, что Ирина Александровна Паник хочет, чтобы я тоже занимался. Я сначала не понял, чего там за ансамбль и пошел туда. Меня всему научили: эти трюки и т.д.... Всего мальчиков шесть ...

Т.А.: Что ты уже умеешь?

Ч.М.: На инструментах играть, трюки через канат, всякие танцы, на чурбачке стоять...

«Пила Кен» - это, как бы, моя жизнь».

В отличие от занятий северным многоборьем, большее число участников продолжают выступления в ансамбле по окончании школы. В некоторых семьях «жизнь» в ансамбле – семейная традиция двух-трех поколений.

Школьные краеведческие музеи

По рекомендациям министерства образования РФ в каждой школе должен быть организован пришкольный музей. Как правило, школьные музеи выбирают военно-патриотическую или краеведческую тематику. Подобные музеи есть при школах в Некрасовке, Поронайске и на Валу. Некрасовский этнографический музей был основан еще в середине XX в. По словам хранителя музея, его можно назвать уникальным школьным музеем на Сахалине, так как в нем собрана большая этнографическая коллекция по культуре нивхов Охинского района: часть экспонатов передана в музей хозяевами, другая – специально изготовлена для музея народными мастерами (в том числе макеты нарт, традиционных жилищ и многие другие предметы). В музее также представлена коллекция литературы на нивхском языке, книги о культуре коренных народов Сахалина и номера газеты «Нивх диф». При музее регулярно проводятся лекции, а дети участвуют в проектах, связанных с культурой населения области.

В национальном лицее-интернате №3 Поронайского района музей оснащен новым оборудованием. Администрация специально заботится о развитии музея, считая его обязательной частью школы. Здесь выставлены лучшие работы, изготовленные школьниками на уроках по декоративно-прикладному искусству. Для авторов работ это гордость и дополнительная мотивация. При музее также выполняются краеведческие проекты.

Этнолагеря

Важной сферой работы с детьми является организация деятельности во время каникул. Почти в каждом районе местные общественные организации при поддержке родовых хозяйств проводят лагеря с так называемым этническим и хозяйственным уклонами. Исключение составляет Охинский район, в котором специального этнолагеря в последние два года (2013-2014 гг.) нет. Активная работа ведется в летнем пришкольном лагере некрасовской школы: организация соревнований по северному многоборью, занятия ДПИ, уроки нивхского языка и просмотр фильмов. В Ногликском районе функционирует сразу несколько этнолаговей. В Ногликах работает лагерь дневного пребывания «Корх», в

котором занимаются дети разных возрастов: от 7 до 18. Лагерь проводится уже десять лет. В «Корх» дети нивхов получают льготные путевки. Лагерь охватывает 25-27 детей за смену, которая длится 21 день. По рассказам преподавателя национальных видов спорта в лагере «Корх», раньше лагерь проводился на Ныйском заливе. В тот период в нем отдыхали дети не только из Ноглик, но и из Ныша, Вала, Катангли. Дети обучались там основам национальной кухни и культуры:

«... им, детям, нравится кухня национальная... Дети могут свободно владеть тем, что из национальной кухни они любят, какие национальные блюда готовят их бабушки, их родители, они знают. Национальную кухню они неплохо знают».

Однако в местной администрации посчитали, что проведение лагеря на заливе не соответствует санитарным нормам и даже опасно для жизни детей. Поэтому теперь лагерь проводится рядом со школой, что, конечно, затрудняет приобщение детей к традиционным видам деятельности, например, рыболовству. Нужно также отметить, что на заливе дети могли общаться с представителями старшего поколения, таким образом частично происходила передача нивхского языка. По словам учителей, подобный лагерь невозможно провести на территории школьного двора. Кроме того, в 2013 году из-за широкого распространения энцефалитных клещей лагерю вообще запретили покидать пределы поселка, поэтому этнокультурная программа сильно сократилась.

Организацией деятельности детей занимается также клуб «Нивхинка», работающий при Ногликском краеведческом музее. Воспитатели стараются вывезти детей на залив, который в период летней путины весь заселен рыбаками. Ребята не только наблюдают за работой рыбаков, но и обучаются основам рыболовства.

Еще один этнолагерь проводится каждый год по инициативе родовой общины с. Вал на базе оленеводческой бригады. Ответственным лицом за проведение лагеря является Галина Борисовна Макарова, лидер уйльтинской родовой общины. Каждый год спонсором лагеря выступает компания «Эксон». Несколько лет назад в лагерь набирались дети до 14 лет, теперь планируется увеличить возрастной ценз до 18 лет. В 2013 г. в смене было 23 участника, где самому маленькому было 3 года. Дети до 6-7 лет приезжают с родителями. Раньше в лагерь могли попасть только уйльта,

но теперь приезжают и русские дети. Этнолагерь проводится с 20-х чисел июня до середины августа или до конца августа. В июне, пока еще идут перекочевки, оленеводам присылают детей старшего возраста, с которыми бригада доходит до северной части своего маршрута и останавливается на длительную стоянку. К тому моменту на автобусе к ним привозят остальных детей. В августе проводится праздник оленевода, в котором участвуют многие жители села. Во время праздника проходят гонки на оленях и другие соревнования, в которых дети также принимают участие. Организаторы проводят концертную программу и угощение блюдами национальной кухни. По сообщению Г. Б. Макаровой, в лагере дети приобщаются к традиционному образу жизни оленеводов: *«Где-то рыбу разделить, где-то оленя перевязать... Каждый год их тянет сюда, спрашивают, когда поедем»*. Сами оленеводы с теплотой рассказывают о лагере:

«Дети приезжают, сразу шум, гам (смеется). Учим их рыбу ловить, оленей запрягать и ездить на них. На сетку ходим. Дети в отдельных палатках живут... Там весело бывает. Вот когда они уезжают, автобус уехал и тишина».

В последние годы сложилась преемственность поколений: в этнолагерь стали приезжать в качестве воспитателей бывшие участники, уже закончившие ВУЗы.

В Поронайском районе детский лагерь проводили на базе родового рыболовецкого хозяйства «Ларга». Детей вывозили на рыболовецкий стан, где они наблюдали за работой рыбаков, а школьники старшего возраста в хорошую погоду иногда выходили в море. Лагерь финансировался компанией «Сахалин Энерджи» по «Плану содействия». Специалист по делам КМНС Поронайской администрации сообщила нам, что в 2013 г. году заявка на организацию лагеря не была поддержана комиссией по причине большого количества заявок подобного типа.

2.2. Лицей №3 в Поронайске

Как уже было сказано в начале главы, в Сахалинской области существует уникальное образовательное учреждение МБОУ лицей-интернат № 3 «Технологии традиционных промыслов народов Севера». Лицей расположен в черте Поронайска на острове Южном – бывшем поселке Сачи. На острове до сих пор проживают представители аборигенного населения более концентрировано, чем в городе. Хотя, по мнению информантов, жить на острове очень неудобно, поэтому молодежь старается найти жилье на основной территории города.

Через реку Поронай на остров Южный ходит небольшой паром, который жители называют «Маруся», и частные лодочные «такси». Такой транспорт действует лишь в дневное время и нерегулярен в плохую погоду.

Директор сообщил, что при создании лицея в 1993 г. организаторы выбрали территорию острова, потому что он является местом традиционного проживания коренных народов. В первые годы основания лицей располагал интернатом на 100 человек, но сейчас количество мест сократилось до 24. Всего в 2012/2013 г. в лицее обучалось 55 человек. При лицее работает детский сад на 12 мест. В лицее учатся не только дети коренных народов, но и «русские» (в эту категорию попадают все жители, не относящиеся к коренным народам). Однако из-за проблем с переправой в лицей поступают учиться в основном дети, проживающие на острове. Из 55 человек 12 детей приехали в интернат из других районов: Охинского и Ногликского. Согласно данным директора, большинство детей в лицее происходят из неблагополучных семей. Поэтому, по его мнению, если такие дети не будут учиться в этом лицее, то им сложно будет получить образование где-то еще. Действительно, в 2013 г. аттестат о полном среднем образовании получил вовремя только один человек.

Технологическая специфика музея представлена в наличии трех кабинетов технологии, полностью оснащенных всем возможным оборудованием. На уроки технологии отведено больше часов, чем в обычных школах. В рамках технологии проводятся занятия декоративно-прикладным искусством: лепкой, вышиванием, рисунком, национальными орнаментами, бисероплетением. До середины 2000-х гг. лицей выдавал диплом с дополнительными специальностями швея и портной, но теперь Министерство образования Сахалинской области запретило это делать, аргументируя недостаточно полной программой профессиональной подготовки.

В лицее преподаются уйльтинский язык и литература коренных народов Сахалина. Другие языки КМНС не представлены. Директор заметил, что планируется обучение нанайскому языку, поскольку имеется молодой специалист, закончивший Институт им. Герцена, но в общей программе на этот предмет пока не хватает часов. Это значит, что его нужно будет проводить в качестве факультативного занятия, на которое государственного финансирования не хватает. На момент проведения нашего исследования администрация, уже обратившаяся с проектом в «Сахалинскую Энергию», еще ожидала решения.

Из этнокультурных компонентов в лицее также представлены краеведение и секция по северному многоборью. В рамках дополнительного образования

организованы компьютерные курсы и курс правоведения, на которых учителя обществознания объясняют детям, какие правовые документы регулируют вопросы, связанные с коренными малочисленными народами мира и Российской Федерации. Учителя краеведения и перечисленных спецкурсов жалуются, что никаких методических пособий, учебных материалов по темам нет, поэтому каждый год приходится самим разрабатывать программы.

Дополнительное финансирование лицей получает по грантам программы «Плана содействия». В качестве примера директор привел выделение средств на витрины для школьного музея и установки памятного знака на кладбище острова (на месте захоронения останков аборигенов, подвергшихся исследованиям в японских лабораториях в середине XX в.). Кроме того, лицейю помогают местная общественная организация и родовые хозяйства. Общественная организация выделяет деньги из своего фонда, пополняемого родовыми хозяйствами, а сами хозяйства обеспечивают школьную столовую свежей рыбой.

2.3. Коррекционные классы

Во всех исследуемых районах жители упоминали проблему коррекционных классов. В районных центрах (г. Оха, пгт. Ноглики, г. Поронайск) работают целые коррекционные школы, а в других населенных пунктах в школах существуют коррекционные классы. В классы коррекции попадают дети и с задержкой в физическом и психическом развитии. В одних случаях трудности развития известны с самого детства, и родителям сразу предлагают для ребенка отдельные формы обучения, в других – проблемы выявляются позже. В конце каждого учебного года в школах собираются специальные комиссии, обсуждающие ситуацию с проблемными детьми, и некоторые из этих детей определяются в коррекционные классы. Дело в том, что нам известны случаи в других регионах проживания коренных народов, когда ребенка направляют в такой класс не из-за реальных проблем медицинского характера, а по причине плохой успеваемости и отсутствия определенных учебных навыков. Как правило, это дети из неблагополучных семей, где ребенку вне школы не уделяется достаточно внимания, а в школе учителя не находят времени для дополнительных с ним занятий. Эта проблема актуальна не только для детей коренных народов. Среди наших информантов оказались родители, дети которых попали в класс коррекции:

«Далеко они не уступали никому из параллельных классов. Теперь у них будущего нет. Просто эти дети замкнутые, но такие же умные. Было 6 человек

в классе. Предметы только основные изучали. Химии, геометрии – таких нет уроков. Из экзаменов сдавали только труды. Они не сдали ЕГЭ, теперь шарахаются по поселку».

Действительно, дети в коррекционных классах учатся по облегченной программе, в которую не входит изучение химии, геометрии, математического анализа, английского языка. Обучение ведется лишь до 9 класса, а в 10-11 классы их не берут. Экзамены после 9 класса проходят в облегченной форме. В качестве экзамена «по выбору» дети сдают технологию. Дальше им выдается аттестат без оценок по вышеназванному ряду учебных предметов. Родители, учителя и работники администрации говорят о том, что с подобным аттестатом дети не смогут продолжить обучение. Как сообщает специалист по делам КМНС в Охе, до 2013 г. коррекционных детей принимали в техникум на рабочие специальности, но данная практика прекратилась. Таким образом, после коррекционной школы дети не могут ни продолжить обучение, ни поступить на работу. В связи с высоким уровнем безработицы во всех перечисленных выше поселках эта проблема крайне актуальна.

2.4. Начальное и среднее профессиональное образование

Согласно данным отделов по делам КМНС при администрациях районов, в среднем в учреждения профессионального образования поступают 3-5 человек из числа коренных народов. Имеющие возможность получить образование предпочитают учиться в Южно-Сахалинске или в других городах Сахалинской области, но большинство не получает никакого образования после школы. В районных центрах действует по одному учреждению начального и среднего профессионального образования: в Охе — профессиональный лицей № 6, в котором ученики могут получить специальности автомеханика, бухгалтера, машиниста дорожно-строительных машин, оператора ЭВМ, сварщика и слесаря. В Ногликах функционирует филиал Южно-Сахалинского промышленно-экономического техникума, предоставляющий обучение по специальностям экономика и бухгалтерский учет (по отраслям), правоведение, техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования, техническая эксплуатация строительных, подъемно-транспортных, дорожных машин и оборудования (по отраслям). В Поронайске открыто профессиональное училище № 15. В нем можно получить диплом повара, кондитера, сварщика (электросварочные и газосварочные работы),

продавца, кассира, автомеханика, а также мастера отделочных строительных или столярно-плотничных и паркетных работ.

2.5. Высшее профессиональное образование

Выпускники, имеющие возможность поступить в ВУЗ, как правило, уезжают в Южно-Сахалинск, иногда во Владивосток и Хабаровск. Сахалинская область заключила договор с Институтом народов Севера им. Герцена, но, по словам специалиста по национальному образованию Министерства образования, от области пока выделено одно целевое место. Целевое место предполагает бесплатное обучение студента с выплатой стипендии. Поступление проходит вне конкурса, как правило, на платное место. Управление при аппарате губернатора Сахалинской области частично оплачивает обучение, общежитие и возмещает плату за проезд. Администрация области заключает со студентом договор о том, что он должен после обучения отработать в области несколько лет. При этом, как сообщила нам одна жительница Поронайска, после обучения в Санкт-Петербурге по целевой программе она вернулась на Сахалин, чтобы выполнить условия договора, но не могла найти работу в городе в течение пяти лет. Абитуриенты могут также подать заявку в «План содействия», чтобы получить деньги на обучение. Часть из таких заявок поддерживается. Тем не менее, лишь небольшой процент детей из числа коренных народов получает диплом о высшем образовании (см. главу 3). Это можно объяснить следующими причинами: низкий уровень школьного образования делает детей неконкурентоспособными; малоимущие семьи не имеют возможности отправить учиться ребенка в другой город; студенты, поступившие учиться в вузы Южно-Сахалинска или других городов, часто вынуждены прервать обучение. В качестве иллюстрации приведем отрывок интервью специалиста по делам КМНС Охинского района:

«К.С.: У нас есть договоренность с Институтом им. Герцена, но дети как-то идут туда без особой охоты.

Ш.К.: Далеко ехать, оторваны ото всех?

К.С.: Не хватает средств: на питание им надо, на одежду надо. Есть дети, которые хотят поступить, но малообеспеченные. В СахГУ поступают, но не все заканчивают.

Ш.К.: Почему?

К.С.: Финансовая сторона: питаться за свой счет, одеваться за свой счет.

Ш.К.: На какие специальности идут?

К.С.: Есть и юристы, есть и учителя: историки, русский-литература.

Ш.К.: А в Герцена?

К.С.: Родной язык, история, русский-литература. Есть желающие на дизайнеров. Одна девушка хотела поступить на дизайнера, но там свои условия – не смогла. В Александровск отправляем, но они бросают. Живут они, например, в Некрасовке, развлечений никаких нет, а тут они попадают в город. Тут и соблазнов больше: и кафе, и шашлычки, поэтому не заканчивают. А кто заканчивают, остаются в Южно-Сахалинске. Что тут молодежи делать?»

Заключение

Ситуация последних десятилетий характеризуется активным влиянием нефтегазовых компаний в регионах проживания народов Севера. Существуют проблемы, связанные с отчуждением оленеводческих пастбищ, ухудшением экологии в рыбных реках, загрязнением промышленным мусором территорий традиционного природопользования. Вместе с тем в субъектах, где работают промышленные компании, есть возможность использовать больше средств на социальные проекты. Понимание хрупкости ведения традиционного хозяйства в данных условиях и ускорение процесса глобализации приводит к осмыслению вариантов жизненных стратегий молодежи, основы которых закладывает образование (как школьное, так и дальнейшее профессиональное). Предоставление возможностей для получения среднего и высшего специального образования и дальнейшего профессионального становления – еще одна декларируемая цель федеральных и региональных программ, разработанных, в том числе, специально для коренных народов. На Сахалине коренные народы получают в настоящий момент школьное образование в двух формах, в зависимости от выбора родителей: 1) в поселковой/городской школе; 2) в школе-интернате (ребенок живет большую часть времени в интернате). Последний вариант родители выбирают по той причине, что в поселке или нет полной средней школы, либо родители ведут традиционный образ жизни, связанный с проживанием вне поселка. Причем в школах-интернатах учатся преимущественно дети коренных народов, тогда как остальные предпочитают общие школы. Однако на Сахалине нет жесткого противопоставления между обычной школой и школой-интернатом. Исключение составляет лицей на о. Южный Поронайского района, в котором учится большой процент детей из неблагополучных или малоимущих семей.

Компоненты этнокультурного образования в школе сформированы по принципу выбора наиболее ярких символов культуры, на практике представляющих собой в широком смысле «стилизацию под жизнь»: постановка «традиционных обрядов», изготовление поделок с национальными орнаментами, заучивание определенной лексики на уроках родного языка, связанной с традиционной культурой. В связи с тем, что в общественном дискурсе образ аборигенной культуры не всегда престижен, некоторым детям не нравится «КМНС-символика», временами имеющая мало общего с тем, как на самом деле живут представители коренных народов. С другой стороны, внешкольная деятельность (участие в ансамбле, посещение секции по национальным видам спорта) становится для них сферой проявления и реализации этничности.

Что касается высшего образования, то многие выпускники из числа коренных народов не могут продолжить обучение в ВУЗах. Зачастую это связано с отсутствием средств для оплаты обучения и/или проживания, но и сложность психологической адаптации к большому городу также играет в этом не последнюю роль.

Литература

- Костанов 1992 — Костанов А.И. Русская православная церковь на Сахалине и Курильских островах. Исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1992.
- Леонов 29128 — Леонов Н.И. На фронте Крайнего Севера // СА. 1928. № 3. С. 92–103.
- Пилсудский 1898 — Пилсудский Б. Нужды и потребности сахалинских гилияков // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Т.4. Вып.6. Хабаровск, 1898.
- Пилсудский 1907 — Пилсудский Б. Некоторые сведения об отдельных айных стойбищах на о. Сахалине // Записки Общества изучения Амурского края. Т. 10. Владивосток, 1907.
- Рабэн, Руткевич 1931 — Рабэн Я.Р., Руткевич Н.Л. Отчетный доклад медицинской части Сахалинской культбазы народов Севера о своей работе 1929–1931 гг. Экономический и этнографический очерк района и населения. 1931. 110 л. // Государственный архив Сахалинской области. Ф. 509. Оп. 1. Ед. хр. 22.
- РГИАСО — Российский государственный исторический архив Сахалинской области, Ф. 1198, опись №1, дело 231.
- Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы. М. 2010.

Глава 7

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА САХАЛИНЕ

1. Общие сведения о языках Сахалина

1.1. Генетические классификации языков Сахалина

К языкам коренных малочисленных народов Сахалина относят айнский, нивхский, уйльтинский и эвенкийский. В недавнем времени к ним добавился также нанайский язык, распространенный преимущественно на материке. Несмотря на то, что на острове числится большое количество представителей других этнических групп, именно эти языки, кроме айнского, защищены законом Сахалинской области № 91-30 «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Сахалинской области» (от 16.10.2007 г.). Данное положение обусловлено исторически. Специалисты полагают, что наиболее ранними по времени появления на Сахалине являются нивхский и айнский языки, хотя у лингвистов нет единого мнения, какой из них «древнее», и к какому времени следует отнести первые контакты между айнами и нивхами (см. *Vovin* 2015). Айнский язык еще недавно был распространен на всей южной оконечности Сахалина, на Курильских островах, на юге Камчатки и на Хоккайдо. Считается, что последние носители айнского языка на Сахалине умерли в 1970-х гг. Уйльтинский язык вместе с его носителями проникает на Сахалин примерно в XVII в., эвенкийский — только в середине XIX в., а нанайский — в середине XX в.

Если говорить о языковой классификации, нивхский и айнский считаются изолированными языками. Обычно их причисляют к условной палеоазиатской языковой семье, под которой понимают языки автохтонного населения Севера и Сибири, не связанные между собой генетически: эскимосо-камчатские, чукотско-алеутские, кетский, юкагирский (см. *Крейнович* 1934). Однако на современном этапе лингвисты чаще говорят об отдельных семьях, нежели о палеоазиатских языках в целом. Исследователи выдвигали разные гипотезы происхождения нивхского языка, пытаясь найти сходства между ним и такими языками как, например, тюркские, монгольские, чукотский, китайский, корейский, и даже сравнивали его с некоторыми языками индейцев Северной Америки (см. обзор *Кондрашкина* 2003; *Рудникова* 2010: 383-387). Существует

любопытная гипотеза о том, что нивхский язык может быть представителем алтайской языковой семьи. Еще Е.А. Крейнович допускал наличие связей между нивхским и тунгусо-маньчжурскими языками (см. *Крейнович 1955*). Позже нивхско-алтайские параллели были подробнее изучены В.З. Панфиловым (*Панфилов 1973*), который пришел к выводу о том, что, действительно, есть достаточные основания считать нивхский одним из тунгусских языков. Эта гипотеза была поддержана и развита А.А. Бурыкиным, который полагает, что особенности, заставляющие лингвистов сомневаться в генетическом родстве нивхского языка, отчасти связаны с влиянием на него айнского языка (*Бурыкин 1987, 1988, 2005*). Однако эта гипотеза вызывает сомнения у других специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам. В частности, А.М. Певнов отмечает, что все заимствования в нивхском языке из тунгусо-маньчжурских были довольно поверхностными и случились лишь недавно. Он считает, что «донором» были в большинстве случаев именно тунгусо-маньчжурские языки (примерно 50 процентов всех соответствий) (*Певнов 1992*). Исследователь полагает, что основной массив лексики, относящейся главным образом к культуре, был заимствован с XVII по XIX в., что свидетельствует в пользу маньчжурского языка как основного источника. Соответственно, пока нет достаточных оснований считать нивхский тунгусо-маньчжурским языком.

В генетическом отношении остальные три языка — уйльтинский, эвенкийский и нанайский — являются тунгусо-маньчжурскими языками так называемой алтайской языковой семьи. Существует множество классификаций этих языков. Самая ранняя по времени была разработана Л. фон Шренком (*Шренк 1883: 296*). Длительное время считалось, что нанайский и уйльтинский языки относятся к маньчжурской ветви. Например, такая классификация была предложена П. Шмидтом (*Шмидт 1916*) и позже использована В.И. Цинциус в ее фундаментальной работе о фонетике тунгусо-маньчжурских языков (*Цинциус 1949: 13*). В 1960-е гг. В.А. Аврорин разработал классификацию, согласно которой эвенкийский язык является представителем сибирской подгруппы, в то время как уйльтинский и нанайский, обладающие рядом отличительных особенностей, исследователь отнес к нижнеамурской подгруппе. Маньчжурский язык в этой классификации выделен в отдельную ветвь (*Аврорин 1960*). Следующая классификация, в которой также использовалось деление на три ветви, была предложена Г. Дёрфером в 1970-х гг. (*Doerfer 1978*). Наконец, существует классификация, в которой тунгусо-маньчжурские языки разделены на четыре ветви (*Ikegami 1974*). В начале 1990-х гг. А. Вовин разработал новаторскую

классификацию. Он причислил нанайский и уйльтинский к восточно-тунгусской группе прототунгусского языка, а эвенкийский вместе с негидальским отнес к его западной группе. При этом эвенский язык этот исследователь выделил в отдельную группу прото-тунгусского языка, а маньчжурский отнес к одноименной ветви гипотетического языка, названного им прото-тунгусик, объединяющего две ветви — маньчжурскую и прото-тунгусскую (Vovin 1993). Таким образом, А. Вовин показал, что принципиально новые классификации тунгусо-маньчжурских языков все еще возможны.

1.2. Диалектная классификация языков Сахалина

Диалектная классификация является не менее сложной областью изучения. Ранее считалось, что амурский и восточно-сахалинский являются единственными крупными диалектами нивхского языка. Е.А. Крейнович писал, что на амурском диалекте говорят нивхи, живущие на берегах Амура, Амурского лимана, материкового побережья Охотского моря и на северо-западном берегу Сахалина. Сахалинский диалект был распространен на островном побережье Охотского моря, в долине р. Тыми и к югу от Александровска (Крейнович 1934: 182-183). В настоящее время существует гипотеза о том, что эти два диалекта представляют собой два близкородственных языка (см. Ревнов 2009: 124; Вахтин 2010: 19). В 1960-е гг. В.З. Панфилов доказал самостоятельность северно-сахалинского (шмидтовского) диалекта, который сформировался, по мнению ученого, в результате смешения амурского и восточно-сахалинского диалектов (Панфилов 1968). В некоторых классификациях наряду с тремя названными выделяется также южно-сахалинский диалект, распространенный в Поронайске и на данный момент являющийся почти исчезнувшим (Груздева 1997).

В эвенкийском языке принято выделять три крупных наречия — южное, северное и восточное — с четырнадцатью диалектами, в которые объединены около пятидесяти говоров (см. Василевич 1948; Константинова 1964; Булатова 1984). В основе классификации эвенкийских диалектов лежат два основных признака: фонетический (соответствие х/с/ш в начале слова и в интервокальной позиции) и морфолого-синтаксический (образование числительных), а также ряд вторичных признаков (Василевич 1948: 12–13). Принимая во внимание широкое расселение эвенков и большое количество языковых контактов с соседними этническими группами, эвенкийские диалекты хотя и близки друг к другу, но обладают специфическими чертами, особенно наиболее удаленные друг от друга. Как отмечала Г.М. Василевич, при единстве грамматических норм, между ними есть множество фонетических различий, некоторое количество

морфологических и большие лексические расхождения, что наиболее выражено между окраинными диалектами. Из-за постоянных передвижений эвенкийских групп, обусловленных кочевым образом жизни, они зачастую представляют собой «хаотичное переплетение диалектных линий» (Василевич 1948: 7, 11). Тем не менее, у носителей языка обычно не вызывает особых трудностей усвоение диалектных различий, но именно это обстоятельство и делает внутреннюю диалектную классификацию сложной. По причине близости эвенкийских диалектов, их лишь условно можно разделить на три упомянутые выше группы (см. Janhunen 2005: 39).

Язык сахалинский эвенков принято относить к восточному наречию. Г.М. Василевич писала, что он близок языку эвенков Охотского побережья и верховьев Приамурья и, как и ближайшие к нему «материковые» говоры, сохранил ряд особенностей, занимающих промежуточное положение между эвенкийским и эвенским языками (Василевич 1948: 298). По мнению Н.Я. Булатовой, он представляет собой отдельный сахалинский диалект без значительных различий на уровне говоров (Булатова 1999). А.М. Певнов считает, что сахалинские эвенки мигрировали на Сахалин из Якутии недавно, вероятно, после прихода туда русских. Свое предположение он основывает на том факте, что сахалинский диалект имеет множество заимствований из якутского языка (см. Певнов 2014). Это отчасти подтверждается и материалами К.А. Новиковой и В.Н. Савельевой, в которых зафиксированы воспоминания пожилых эвенков о переселении из Якутии и Охотска (Новикова, Савельева 1953: 109-110).

Уйльтинский язык, существовавший до недавнего времени только на Сахалине, имеет два диалекта: южный, распространенный в Поронайске, и северный, на котором говорят уйльта в поселках Вал и Ноглики. Между этими диалектами есть некоторые различия в фонетике, лексике и грамматике (см. Сем 1969: 88). При этом южный диалект, по мнению лингвистов, содержит черты, характерные для более раннего этапа формирования уйльтинского языка, в то время как в северном больше современных черт (см. Икегами 1994).

В нанайском языке специалисты выделяют три группы диалектов — верхнеамурскую, среднеамурскую и нижнеамурскую. Язык нанайцев Сахалина относится к нижнеамурской группе, которая исторически контактировала с эвенками, солонками и бирарами (см. Парфенова 2003). В связи с тем, что нанайцы переселились на Сахалин лишь в конце 1940-х гг. и, судя по воспоминаниям информантов, быстро перешли на русский язык — единственно возможный инструмент общения в многоязычном городе, которым на тот момент являлся

Поронайск, вряд ли можно говорить о наличии каких-либо особенностей языка сахалинских нанайцев.

2. Документация языков Сахалина и архивные данные

Систематический сбор сведений о языках Сахалина и Амура начался в XIX в. Во второй половине XIX в. Л. фон Шренк исследовал коренные народы Амура. Среди привезенных им материалов были лингвистические записи, легшие в основу работы лингвиста В. Грубе о тунгусо-маньчжурских и нивхском языках (Grube 1892; 1900). В то же самое время на Сахалине отбывал ссылку Л.Я. Штернберг, который впервые собрал и опубликовал значительный по объему корпус текстов на нивхском языке (Штернберг 1900; 1908). После публикации архивных материалов, посвященных жизни Б.О. Пилсудского, стало известно, что тот содействовал Л.Я. Штернбергу в его работе по записи текстов (Латышев 2008: 136-137).

Отдельные этнографические и лингвистические работы самого Б.О. Пилсудского вышли в свет еще при жизни ученого. Однако большинство его материалов длительное время хранилось в архивах. Например, в 2003 г. этнограф А.Б. Островский обнаружил в санкт-петербургском архиве Российской академии наук материалы исследователя по нивхскому фольклору, которые он совместно с носителями языка перевел на русский язык и публиковал в виде сборника текстов (Пилсудский 2003). Следует особо отметить фундаментальную работу группы ученых под руководством А. Майевича по изданию научного наследия Б.О. Пилсудского в серии «The Collected Works of Bronislaw Pilsudski» («Собрание трудов Бронислава Пилсудского»). Дополнительно, работы ученого, в том числе лингвистические, часто выходят в сахалинском научном журнале «Известия Института наследия Бронислава Пилсудского». В частности, в этом издании были опубликованы фольклорные тексты, собранные Б.О. Пилсудским среди нивхов Сахалина, с параллельными переводами на русский язык, а также его тетради из архива Е.А. Крейновича, снабженные примечаниями Е.С. Ниткук (Ниткук 1999, 2000, 2001, 2002, 2004, 2005, 2008; Пилсудский 1999, 2000, 2001, 2002, 2004, 2005, 2008).

В первой половине XX в. исследованием аборигенных языков Сахалина активно занимались японские ученые, что было связано с вхождением в 1905 г. южной части острова в состав Японии (см. обзор Петрова 1967: 4; Shiraishi 2006: 12). Например, материалы Т. Хаттори, который проводил полевые исследования среди нивхов в 1930-х — 1940-х гг., находятся в

Абашири (Музей северных народов на Хоккайдо). После переезда нескольких нивхских семей из Поронайского района на Хоккайдо, их диалект был изучен американским лингвистом Робертом Аустерлицем. Его материалы хранятся в Лондоне. Исследования в советской части острова, проводившиеся в то же самое время, связаны с именем Е.А. Крейновича. Он впервые сделал подробное грамматическое описание нивхского языка и собрал значительный корпус текстов. Звуковые материалы исследователя лежат в Институте русской литературы РАН (Пушкинский дом) в Санкт-Петербурге. Однако, согласно данным А.М. Певнова, все коробки с записями не подписаны, так что сложно установить, когда, от кого и где были собраны эти материалы (Pevnov 2009). Помимо этого, многочисленные необработанные рукописные материалы Е.А. Крейновича доступны в архиве Сахалинского областного краеведческого музея.

В послевоенный период, особенно с 1950-х по конец 1970-х, нивхский язык подробно исследовал В.З. Панфилов. Среди его многочисленных работ стоит особенно выделить нивхскую грамматику (Панфилов 1962; 1965). Со второй половины 1960-х гг. нивхский язык привлек внимание известного специалиста по палеоазиатским языкам В.П. Недялкова. В соавторстве с лингвистом и носителем нивхского языка Г.А. Отаиной им было опубликовано 13 работ по грамматике этого языка, а также совместная монография, законченная в 1988 г., но вышедшая в свет только недавно (Недялков, Отаина 2012). Материалы Г.А. Отаиной находятся в архиве Дальневосточного отделения РАН во Владивостоке. В 1993 г. девять текстов на нивхском языке были опубликованы в Японии (Отаина 1993). В 2010 г. А.М. Певнов издал на русском языке некоторые фольклорные тексты из архива Г.А. Отаиной (Певнов 2010).

Дополнительно, во второй половине 1960-х гг. выходят в свет русско-нивхский и нивхско-русский словари, подготовленные Ч.М. Таксами и В.Н. Савельевой (Савельева, Таксами 1965; 1970).

Во второй половине 1980-х гг. широкомасштабное исследование языков коренных народов Севера, включая живущих на Сахалине, было предпринято группой Санкт-Петербургских ученых во главе с Н.Б. Вахтиным (см. Вахтин 2001). Описание и анализ социалингвистической ситуации среди нивхов Ногликского района было проведено Е.Ю. Груздевой и Ю.В. Леоновой в 1989 г. (Груздева, Леонова 1990). Полевые исследования Е.Ю. Груздевой на Сахалине нашли отражение в ряде ее работ по нивхскому языку и изменению языковой ситуации на острове (Gruzdeva 1996; 1998; 2000; 2015 и др.). В начале 1990-х гг. документация языков Сахалина проходила в рамках совместного российско-

японского проекта под названием «Исследование малых языков Сахалина: айнский, уйльтинский, нивхский» (Research on the Languages of Minorities in Sakhalin — Ainu, Uilta, Nivkh). По итогам проекта был опубликован сборник, содержащий статьи его участников (Murasaki 1993; см. также De Graaf 1992).

В 2000-е гг. корпус нивхских текстов расширился за счет работы японского лингвиста Х. Сираиси (название проекта — «Аудиоматериалы языков Арктики»)¹. Ученый совместно с носителем нивхского языка Галиной Лок выпустил также несколько книг в рамках проектов «Голоса из тундры и тайги» (рук. — Т. де Грааф)² и «Исчезающие языки Тихоокеанского региона» (рук. — О. Мияока). Помимо самих текстов, публикации содержат звуковые материалы. Все нивхские тексты записаны на кириллице. К каждому тексту дан пословный перевод на русском языке. Выбор русского языка в качестве ведущего, как пишет сам исследователь, был обусловлен желанием сделать публикации доступными как для носителей языка, так и для младшего поколения нивхов, не владеющих родным языком (см. Shiraishi 2006). В опубликованных материалах приводятся художественные переводы на русском, английском и японском языках.

Что касается уйльтинского языка, то одним из первых его исследователей является упомянутый выше Б.О. Пилсудский, который является автором уникального орокско-польского словаря (Пилсудский 2001б). Начиная с 1920-х гг. этим языком активно занимались японские лингвисты. Например, Наканоме Акира создал первую грамматику уйльтинского языка. Но особенно следует отметить вклад лингвиста Дзиро Икегами, написавшего ряд работ, посвященных различным аспектам языка уйльта, включая уйльтинско-японский словарь (Ikegami 1958; 1970; 1980 и др.). Собранные им фольклорные материалы с параллельными переводами на японский и русский языки были частично опубликованы в серии трудов Общества сохранения культуры и фольклора северного региона (The Society for the Preservation of Northern Region Culture and Folklore). В то время как Д. Икегами занимался в основном южными уйльта, северную группу исследовала Т.И. Петрова. Исследовательница опубликовала грамматику уйльтинского языка, в которой в виде приложения содержатся фольклорные тексты с переводом на русский язык (Петрова 1967). Но наиболее ценной коллекцией уйльтинских текстов на северном диалекте считаются неопубликованные записи К.А. Новиковой. Коллекция состоит из 25 текстов с

¹ Sound Materials of the Nivkh Language. URL: <http://ext-web.edu.sgu.ac.jp/hidetos/>

² Voices from tundra and taiga. URL: <http://www.mercator-research.eu/research-projects/endangered-languages/voices-from-tundra-and-taiga/>

переводами на русский язык, собранных Новиковой во время ее экспедиций в 1949-1950 гг. в п. Вал. Архив находится в новосибирском Институте филологии СО РАН. Неопубликованная коллекция фольклорных уйльтинских текстов на русском языке также длительное время хранились в архиве семьи Т.А. Сем в Санкт-Петербурге. В 2011 г. эти тексты были опубликованы (Сем и др. 2011).

Начиная с 1980-х гг. по настоящее время уйльтинским языком занимается лингвист Л.В. Озолия. Помимо орокско-русского словаря (Озолия, Федяева 2001) и грамматики (Озолия 2013), исследовательница записала около 50 фольклорных и бытовых текстов на уйльтинском языке, а также проделала фундаментальную работу по расшифровке и обработке части лингвистических материалов К.А. Новиковой. Из недавних публикаций, посвященных уйльтинскому языку, можно также назвать небольшой по объему уйльтинский словарь, составленный Д.А. Функом (Funk 2000), а также монографию Л.И. Миссоновой, посвященную лексике уйльта (Миссонова 2013).

Корпус текстов на языке сахалинских эвенков невелик, а их язык, пожалуй, изучен хуже по сравнению с нивхским и уйльтинским. Одними из самых ранних публикаций на этом языке являются тексты, вошедшие в «Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» Г.М. Василевич (Василевич 1936). В 1999 г. была опубликована монография Н.Я. Булатовой, в которой помимо грамматического описания приведены эпические тексты на сахалинском диалекте (Булатова 1999).

3. Языковые и социальные контакты на Сахалине в прошлом и настоящем

Наиболее выдающейся чертой исторического прошлого Сахалина является то, что его население освоило навигацию намного раньше, чем это произошло во многих других частях света, а также умело использовать деревообрабатывающие инструменты, например, шлифованные тесла для выделывания лодок, за много лет до того, как эта техника развилась в Сибири и Европе (Василевский 2007). Благодаря технологиям и связанным с ними мобильному образу жизни, люди, населявшие остров, взаимодействовали с различными группами, жившими далеко за пределами Сахалина. Например, одним из самых ранних устойчивых контактов между Хоккайдо, Сахалином, Курильскими островами и отчасти Камчаткой считается обмен обсидианом, который не прервался даже после образования пролива Лаперуза в XVIII в до н.э., что определенно указывает на развитое искусство навигации (Там же:

164). Несмотря на то, что древнее население Сахалина, безусловно, нельзя отождествлять с современными этническими группами, подвижный образ жизни, обусловленный адаптацией к приморскому образу жизни, позволил совершать дальние путешествия, что стало важным фактором формирования этнических и языковых контактов островного населения. Но в связи с отсутствием письменных источников, сложно установить, каким образом и в каких направлениях осуществлялись эти контакты. В этом разделе будет предпринята попытка систематизации имеющихся данных и точек зрения на этот счет, в основном, конечно, относящихся к последним нескольким векам.

Многие исследователи обращают внимание на длительное взаимодействие между нивхами и тунгусо-маньчжурскими народами как на Амуре, так и на Сахалине. Например, такие названия нивхских атрибутов культуры, связанных с ездой на собачьих нартах и строганиной, являются заимствованиями из тунгусо-маньчжурских языков. А.М. Певнов с известной долей осторожности предполагает, что эти заимствования отражают общий амурский культурный комплекс, наиболее хорошо сохранившийся у тунгусо-маньчжурских народов Приамурья, особенно у нанайцев и ульчей (Певнов 1992). Е.Ю. Груздева также отмечает, что нивхский язык оказал мало влияния на аборигенные языки Сахалина, в то время как влияние тунгусских языков на нивхский заметно даже на уровне диалектных различий (см. *Gruzdeva* 1998). Тесное взаимодействие между тунгусо-маньчжурскими народами и нивхами, действительно, длилось не одно столетие. Для народов Нижнего Амура были характерны смешанные поселения, отличительной чертой которых являлось близкое взаимодействие разнообразных этнических групп, вплоть до того, что «иноплеменники» могли присутствовать на обрядах, например, нивхи приглашали своих тунгусоязычных соседей на медвежий праздник (Смоляк 1986: 132). На Сахалине это было выражено в меньшей степени, но и там существовали устойчивые отношения гостевания, например, между уйльта и нивхами. Л.Я. Штернберг, изучив происхождение нивхских родов, многие из которых были основаны представителями тунгусоязычных групп, даже пришел к выводу, что язык — возможно, это единственное, что действительно отличает нивхов от соседей (Штернберг 1908: 21).

Кроме того, обмен продолжал играть важнейшую роль в установлении социальных контактов между этническими группами, населявшими Нижний Амур и Сахалин, вплоть до начала XX в. А.В. Смоляк подчеркивала, что обменные отношения оказали влияние на многие стороны социальной жизни населения по

обе стороны Татарского пролива и косвенно способствовали распространению многоязычия в этом регионе. Обмен происходил как между представителями одной группы, так и между различными группами. Например, сахалинские нивхи ездили на материк за юколой, а материковые к сахалинским — за медведями для медвежьих праздников. Жители Луньского залива приобретали юколу у тымовских нивхов (Смоляк 1975: 169). Другая цепь обмена объединяла Хоккайдо, Сахалин, Курильские острова и Камчатку. В ней участвовали айны и отчасти японцы (см. *Kikuchi* 1999).

Направления и специфика обмена были связаны не только с особенностями местной флоры и фауны, но и со специализацией отдельных лиц на производстве важных предметов. Уйльта, жившие на севере острова, привозили на Южный Сахалин деревянную и берестяную утварь, кустарные изделия из шкур оленей, которые у них приобретали айны. На материк уйльта возили жир и шкуры тюленей. Некоторые предметы могли обмениваться несколько раз, прежде чем достигали тех людей, которым они предназначались (Смоляк 1975: 170). В этом отношении наиболее искусными были нивхи. Амурские нивхи, по данным А.В. Смоляк, быстро включились в товарно-денежные отношения, распространившиеся в 1860-х гг. в связи с наплывом русских торговцев, что было связано с деятельностью Российско-Американской Компании. Торговцы с Лимана ездили на Южный Сахалин, где они сбывали японцам парчовые ткани, халаты из Саньсина и орлиные перья, которые получали от соплеменников в с. Коль, а айнам привозили ткани и металлические инструменты. Тымовские нивхи при этом выступали в роли посредников, получая пушнину от уйльта и восточнобережных нивхов и сбывая ее амурским и лиманским нивхам. С левобережья нивхи путешествовали на север острова, а контакты амурских нивхов охватывали весь остров (Там же: 171). Обменные и торговые контакты северных уйльта в середине XIX в. включали островных и материковых нивхов, эвенков, ульчей, в то время как южные уйльта больше взаимодействовали с островными нивхами, айнами, отчасти эвенками, якутами и ульчами (Там же: 51). Таким образом, благодаря обмену контакты уйльта, айнов и нивхов распространялись на значительной по протяженности территории и, по всей видимости, успешно функционировали не одно столетие (см. также *Sasaki* 1998).

Помимо этого, на Сахалине и Амуре существовало множество ярмарок, и с середины XIX в. их количество значительно возросло, что усилило и интенсивность социального взаимодействия. Так, известный японский путешественник Мамия Риндзо во время своего пребывания на Сахалине посетил ежегодную ярмарку в

Сирануси (поселение на мысе Крильон), на которую, согласно его свидетельствам, съезжались как представители аборигенных народов Сахалина и Амура, так и японцы. Согласно описанию Риндзо, участники могли общаться на различных языках и хорошо понимали друг друга. Он также отметил, что островитяне раз в два-три года уезжали за товарами в Маньчжурию (см. *Harrison 1955*). На дощатых лодках, используемых для промысла морского зверя в Татарском проливе, аборигены Сахалина преодолевали полторы тысячи километров, чтобы попасть на ярмарку на Сунгури (*Смоляк 1984: 124*). А.В. Смоляк подробно описывает, в каких направлениях происходил обмен лодками внутри нивхско-тунгусо-маньчжурского ареала, объединяющего Сахалин и бассейн Амура (Там же: 124, 132). Навигация не переставала играть ключевую роль в налаживании социальных связей в пределах широкого ареала. Таким образом, когда эвенки в середине XIX в. прибыли на Сахалин, они попали в крайне неоднородное и в культурном, и в языковом отношении окружение. При этом, обладая еще одной продвинутой по тем временам технологией — оленеводством, эвенки также регулярно пересекали Татарский пролив, чтобы платить ясак и поддерживать отношения со своими материковыми сородичами (*Ермолова 1984*). Иными словами, население острова было очень подвижно.

Однако следует повторить, что остается неясным, на каких языках происходили эти торговые и обменные операции. Одним из наиболее цитируемых в этом отношении авторов является Л.Я. Штернберг, который отметил, что нивхи должны были осваивать языки соседних народов, включая тунгусские, в то время как последние могли не знать нивхского, но легко постигали все другие распространенные на острове языки. Он объяснял эту особенность якобы сложностью нивхского языка, особенно его фонетики, не только для русских, но и для коренного населения (*Штернберг 1908: viii*). Рискну предположить, что интегрированность нивхов в товарно-денежные отношения могла быть одной из причин их знания языков, которые нужны им были для осуществления торговых и обменных операций. Именно нивхи, согласно этнографическим данным, выступали посредниками между разными этническими группами, преимущественно тунгусоязычными, и тесно общались с японцами, а на материке еще и с китайцами и маньчжурами.

Итак, можно предположить, что в позднее время тунгусские языки на Сахалине до определенной степени могли служить языками межэтнического общения в тех регионах острова, где нивхи контактировали в основном с уйльта и эвенками. Использование тунгусских языков в качестве *lingua franca* было

характерно в то время и в Сибири, где, например, эвенкийский язык являлся одним из контактных языков в пределах широкого ареала. Финский лингвист Юха Янхунен назвал этот процесс «ассимиляционной моделью распространения языка», когда «мигрирует» не столько население, сколько языки. Это происходит в тех случаях, когда языковое сообщество расширяет территорию своего проживания, охватывая соседние районы проживания других языковых групп, благодаря чему последние могут перейти, во многих случаях добровольно, на новый язык общения (Janhunen 2012: 13). В Сибири привлекательность этого языка была, вероятно, во многом связана с оленеводством эвенкийского типа, который характерен и для уйльта. Поэтому оленеводство, среди прочих причин, являлось тем самым механизмом, с помощью которого эвенкийский язык смог распространиться на столь обширной территории (Туголуков 1982: 168). На Сахалине этот фактор также играл некоторую роль, например, рыболовы-нивхи периодически использовали тунгусских оленей для дальних путешествий (Роон 1996: 83). Однако вряд ли в данном контексте его можно назвать ведущим. Тем не менее, как справедливо пишет Т.П. Роон, контактируя с большим количеством народов, в том числе и с пришлыми, эвенки были более «продвинуты» в технологическом отношении. Этнические группы Сахалина, в первую очередь уйльта, переняли от них множество новых предметов материальной культуры, а также некоторые термины, относящиеся к культурной лексике (Там же: 186). То же самое подчеркивала А.В. Смоляк в отношении народов Нижнего Амура (Смоляк 1986: 132). Кроме того, из всех народов Сахалина в конце XX в. именно эвенки лучше всего говорили по-русски. Поэтому это обстоятельство важно иметь в виду при рассмотрении языковых и этнических контактов в данном регионе.

Каковы же были языковые контакты между двумя представителями тунгусских народов? Этнограф В.Д. Косарев отмечает, что большинство эвенков говорило по-уйльтински, а уйльта — по-эвенкийски. Он справедливо объясняет это не столько близостью языков, сколько единым комплексом кочевой культуры, который исторически обусловил тесные брачные и социальные контакты между этими группами (Косарев 2009). К такому же выводу пришла и Л.И. Миссонова на примере северной группы уйльта. Исследовательница пишет о том, что в преодолении языкового барьера между двумя народами важную роль сыграло хозяйство (Миссонова 2011: 209). Однако термины, обозначающие виды оленей, различаются в этих тунгусских языках, впрочем, как и у эвенков разных диалектных групп (см. Смоляк 1984: 120; Функ и др. 2000: 21). Один из уйльтинских оленеводов п. Вал, имевший опыт работы в эвенкийских

оленоводческих колхозах в Сибири, сообщил нам о том, что, разницы между эвенкийским и уйльтинским оленеводством практически нет, тем не менее, названия оленей и предметы оленеводства в этих языках имеют неодинаковые названия. По наблюдению В.Д. Косарева, оленеводы в повседневной жизни пользовались как уйльтинскими, так и эвенкийскими терминами (Косарев 2009). Вероятно, это связано с тем, что в 1990-е гг. несколько эвенкийских и уйльтинских колхозов были соединены в кооператив «Валетта», таким образом оленеводы стали употреблять обе терминологии.

Интересным представляется то, как менялось «соотношение сил» между уйльтинским и эвенкийским языками. Согласно имеющимся этнографическим описаниям, последовательно преобладал то один, то другой язык. Так, согласно С.К. Патканову, в самом конце XIX в. все уйльта говорили на родном языке. Он отмечает, что «кроме того, многие изъясняются на тунгусском языке, а живущие близ айнов и на языке этих последних. Большая часть из них понимает по-русски» (Патканов 1906: 139). В 1949 г., по данным К.А. Новиковой и В.Н. Савельевой, п. Вал представлял собой смешанный по этническому составу населенный пункт: там жили эвенки, уйльта, негидальцы и якуты. При этом «якуты и негидальцы совершенно ассимилировались с эвенками», почти все эвенки п. Вал знали уйльтинский язык, но из числа уйльта лишь несколько человек могли говорить по-эвенкийски. Таким образом, преобладающим языком общения являлся уйльтинский (Новикова, Савельева 1953: 90–91). В 1960-х гг. Ч.М. Таксами, побывавший на Валу, также отмечал, что в поселке было очень много смешанных семей, в которых говорили на русском, эвенкийском и уйльтинском языках. Однако, по его наблюдениям, в то время как уйльта хорошо знали эвенкийский язык, эвенки, как правило, только понимали уйльта, но на уйльтинском языке не говорили (Таксами 1968: 40). Д.А. Функ и А.П. Зенько, проводившие свои исследования в п. Вал в 1999 г., наблюдали похожую ситуацию: уйльта могли говорить по-эвенкийски, а эвенки в лучшем случае только понимали язык своих соседей (Функ и др. 2000).

Я не говорю по-орочёнски, но понимать – понимаю. Потому что наши орочёны все чисто говорят по-эвенкийски, они по своему-то не очень говорят. Мне легче на эвенкийском говорить, чем на русском. Здесь вообще ситуация с эвенкийским языком лучше, чем с орочёнским: эвенкийский язык легче орочёнского. Раньше эвенкийский преподавали, наверное. Но я никогда не учила его. Писать не умею. Нужно ввести сейчас в школе эвенкийский язык. Здесь ведь эвенков много. Многие

орочёны просто пишутся орочёнами Эвенки не только со своими роднились, но и с нивхами, с орочёнами, а так ведь они смесь с эвенками. Чистых орочёнов мало (ПМ 1999, запись Д.А. Функа).

Наблюдения 2009 и 2013 гг. подтверждают последний вывод, хотя носителей обоих языков осталось не так уж много. В целом, этот вопрос требует дальнейшего изучения, особенно принимая во внимание различие между южной и северной группами уйльта.

Возвращаясь к языковым контактам до советских преобразований, следует отметить, что иного мнения относительно языковой ситуации придерживается А.А. Бурыкин. Он считает, что именно нивхский, будучи «сильным» языком, служил инструментом межэтнической коммуникации как на Сахалине, так и на Амуре (цит. по Wurm 1996: 978). Сложно однозначно оценить это утверждение с лингвистической точки зрения, однако культурное влияние нивхов, например, на уйльта несомненно. В начале XX в. Б.О. Пилсудский описывал северных уйльта как группу, сильно адаптированную к нивхскому образу жизни: они не только стали выращивать собак в транспортных целях и селиться близ рек, но и переняли конструкцию нивхского жилища (Pilsudski 1998: 642). Более того, по свидетельству Н.К. Бошняка, еще в середине XIX в. единственным народом на Сахалине, говорившим с нивхами на нивхском языке, были именно уйльта (Бошняк 1858: 189). Два народа поддерживали отношения гостевания и в XX в. Этот обычай был характерен в целом для Сибири и Дальнего Востока (см. King 2011: 17).

Таким образом, у исследователей нет единой точки зрения, какой же язык в большей степени служил инструментом коммуникации между различными этническими группами Сахалина. В этой связи, мне бы хотелось упомянуть интересное исследование Йошико Ямады (Yamada 2010). Её выводы отчасти примиряют противоречивые мнения на характер языковых контактов на Сахалине. Й. Ямада считает, что географические и социальные различия между аборигенными группами определяли специфику языковых контактов. В связи с тем, что культурные и социальные отношения между народами острова не были стабильными, изменялись под влиянием исторических событий, эти контакты не были устойчивыми даже в пределах одного языкового ареала. На основании некоторых исторических источников и опубликованных исследований исследовательница пришла к выводу, что

в конце XIX — начале XX вв. на Сахалине могло существовать несколько языковых ареалов. Первый ареал находился в северной части Сахалина, где нивхский язык использовался в качестве межэтнического языка. При этом, опираясь на воспоминаниях своих информантов, Й. Ямада считает, что нивхи должны были пассивно знать уйльтинский язык, чтобы иметь возможность поддерживать коммуникацию с уйльта. Однако на Южном Сахалине, во втором лингвистическом ареале, наоборот, именно нивхи были обязаны в достаточной степени овладевать языками соседних народов. Хотя исследовательница не определяет, какими именно.

Материалы интервью, полученные в 2013 г. в Поронайске, не подтверждают последнего вывода, но и не опровергают его. Нам не удалось найти ни одного информанта старшего поколения, который бы знал, например, нивхский и уйльтинский языки: в их детстве основными языками общения были японский и корейский. Однако это связано с тем, что даже наиболее пожилые информанты родились в 1930-х гг., когда аборигенные языки были значительно вытеснены языками пришлых этнических групп. Важен в исследовании Ямады вывод о том, что при рассмотрении языковых контактов следует иметь в виду их изменчивость и подвижность, а также рассматривать различные социолингвистические параметры.

4. Японский и корейские языки на Сахалине

Помимо языковых контактов внутри острова, коренные народы Сахалина еще до периода Карафута общались с представителями таких народов как маньчжуры, корейцы, китайцы и японцы. Как это было отмечено выше, в основном эти контакты происходили в рамках торговых взаимоотношений. Правда, аборигенное население, жившее на западном берегу, было обязано выплачивать маньчжурам дань, то есть отношения между ними были более асимметричными. В связи с тем, что межэтническая история в этом регионе изучена недостаточно полно из-за отсутствия письменных источников, следует повторить, что мы не знаем достоверно, кто, с кем и на каком именно языке общался в той или иной ситуации. Косвенные данные свидетельствуют о том, что торговые операции между нивхами и японцами происходили преимущественно на японском языке (Баранова, Маслинский 2008: 149). Вероятно, японский стал активно использоваться на острове уже в XIX в. (см. Новомбергский 1903). Как пишет Йошиюки Асахи, вдоль побережья Сахалина японские рыбаки имели временные жилища *бана*. Они прибывали на остров на лодках и проводили

там рыболовный сезон. Таким образом, японские рыбаки могли общаться с аборигенным населением, и эти контакты происходили на упрощенном японском языке, на диалекте, близком к хоккайдскому (Asahi 2009a).

С другой стороны, есть данные о том, что в качестве межэтнического языка между японцами и аборигенами острова мог использоваться айнский язык. В частности, на нем изъяснялись нивхи южной части Сахалина во время торговых контактов с японцами и айнами. Позже этот язык использовался чиновниками Карафутто для общения с коренными народами Сахалина (Gruzdeva 1996: 1008). Это означает, что аборигенное население должно было в некоторой степени знать айнский язык. Сложно сказать, имел ли он при этом высокий статус на юге острова. Вероятно, айны были просто лучше знакомы японцам. В конце XIX в. в геополитическом диспуте с Россией Япония использовала айнов в качестве доказательства законности своих притязаний на спорные территории (Morris-Suzuki 1999: 70). Поэтому неудивительно, что именно айны стали первыми, кто подвергся японской ассимиляционной политике, и в отличие от остальных групп Сахалина они утратили свой язык.

Национальная политика в отношении айнов и других коренных народов основалась на популярных тогда эволюционистских идеях «подтягивания» якобы более отсталых народов до уровня европейских с помощью образования и аккультурации (см. Siddle 1996). Айны были переселены в Отасу (современный Поронайск) и лишены всех гражданских прав до 1932 г. (см. Bukh 2010; Morris-Suzuki 2004: 264). В 1946 г. Дмитрий Крюков, который возглавил советскую администрацию в бывшем Карафутто, писал в своем отчете о положении айнов, что они уже забыли родной язык, все могли говорить на японском языке, а некоторые еще помнили русский (Kriukov 2001: 41). Хотя вряд ли этот вывод полностью соответствует действительности, так как в конце 1940-х гг. исследователи еще записывали фольклорные материалы на айнском языке (см. Новикова, Савельева 1953). Считается, что айнский язык сохранялся на Сахалине вплоть до 1970-х гг. При этом подчеркну, что речь идет только о языке, а не об айнах. Информанты отмечали, что во время репатриации в Японию те айны, которые не желали уезжать с Сахалина, просто сменили свою идентичность и, соответственно, перестали использовать айнский язык. Об этом вспоминали и коренные жители Поронайска, у которых родные были айнами (ср. De Graaf, Shiraishi 2013: 56), и нивхи в Ногликах (ПМ 2013а, запись Д.А. Функа).

Быстрое распространение японского языка стало возможным благодаря широкой сети публичных школ, в которых обучение велось на японском языке. Эти

школы стали посещать также и коренные народы острова. Но было и несколько школ, в которых детей сначала обучали на аборигенных языках, например, на уйльта (Asahi 2009b: 28). Смешанные браки, где чаще всего мужчина был японцем, а женщина — представительницей народов Севера, способствовали усвоению японского языка внутри семьи. Таким образом, к 1930-м гг. японский язык занял доминирующее положение во всех официальных сферах общества и, судя по материалам интервью, служил общим языком между супругами. При этом полной языковой ассимиляции во многих случаях не происходило, так как наряду с японским дети усваивали и родной язык матери. Некоторые пожилые жители Поронайска до сих пор пассивно владеют японским языком, сохраняя при этом знание нивхского языка:

[Тетя с дядей] на нивхском говорили. Они знали японский. Я и нивхский знала, и японский знала. А сейчас тоже так же. Нивхский стала забывать, потому что не с кем разговаривать... не, нет у нас сейчас бабушек (на вопрос исследователя). Это я, вот Люся, кто там у нас еще, человека три или четыре [знают нивхский] <...>. Японский помню. Вот, когда приезжал ученый Тангику, вот с Японии, и стал спрашивать или чего, и потихоньку некоторые слова вспоминаешь, и разговаривали с ним. Он записывал, потому что там в [японском языке] разные акценты что ли бывают (ПМ 2013-в, запись А.Н. Терехиной).

Другим языком общения в семье служил корейский. Первые упоминания о корейцах на Сахалине относятся к XIX в. Часть корейцев переселилась на остров вместе с японцами (Дин 2013: 35). Однако большинство из них оказалось на Сахалине только во время войны. Считается, что в целом японцы перевезли из Южной Кореи на Сахалин от 60000 до 80000 корейцев (Sop 1992: 8). После советской оккупации всего Сахалина, в отличие от японцев, на корейцев не распространялось положение о репатриации, и по этой причине они не смогли покинуть остров. Вместе с некоторыми корейцами остались их японские жены и дети. По свидетельству информантов, после ухода японцев с юга острова по тем или иным причинам не все женщины аборигенного происхождения смогли последовать в Японию за своими мужьями. Некоторые из них вышли замуж за корейцев. В связи с тем, что местные корейцы знали японский язык, он продолжал функционировать в качестве домашнего языка, хотя в некоторых случаях общение происходило и на корейском языке, или даже на обоих.

При этом корейскую диаспору Сахалина нельзя считать гомогенной. Переселившиеся в конце 1940-х гг. из Средней Азии корейцы значительно отличались от бывших жителей Карафута, как по культуре, так и по языку (см. Lankov 1991). Судя по архивным материалам, последние активно старались поддерживать статус корейского языка, на котором транслировались передачи на местной радиостанции и выходила газета, на острове были корейские дом культуры и театр. Корейские школы в Поронайске просуществовали вплоть до 1962 г. (ГИАСО, ф. 1198, оп. 1, д. 105). Некоторые дети из смешанных семей также посещали их. Из воспоминаний жительницы Поронайска из корейско-японско-нивхской семьи (1943 г.р.) (ПМ 2013-в, запись Н.А. Мамонтовой):

М.Х.: У меня замуж вышла мама за корейца. Не было за кого выходить, вот кореец взял, и меня отдали в корейскую школу. Мы жили в Новом.

М.Н.: То есть, Ваш брат ходил в японскую школу <...> а Вы ходили в корейскую?

М.Х.: Да, а он в японскую. После войны уже в корейскую школу. Корейские имя, фамилию дали. Но потом пошла паспорт получать, взяла фамилию отца [называет]. Четыре года я была кореянка. Да, вот такая трагическая судьба у нас тут у всех <...>.

М.Н.: А в корейской школе Вы, наверное, корейский изучали? По-корейски там все было?

М.Х.: Я не помню, по-какому. Мне кажется, мы там по-русски разговаривали. Не помню. Потому что разговаривать я так и не научилась... читать, писать. Я могу сейчас читать [по-корейски], но смысл не понимаю все равно. Забыла уже.

М.Н.: А дети, кто там учились, корейцы были?

М.Х.: Все корейцы. Я одна была.

Корейский язык до сих пор распространен на Сахалине. По наблюдению Л.И. Миссоновой, в смешанных семьях дети нередко знают корейский язык (Missonova 2009: 95–96). Следует отметить, что когда в 1992 г. Россия официально разрешила корейцам вернуться на родину, в Южную Корею переселились также потомки из смешанных браков корейцев с аборигенным населением, например, нивхами. Однако некоторые иммигранты, проведя несколько лет в Корее, по разным причинам вернулись обратно на Сахалин. Семейные и особенно деловые связи с Кореей стали еще одним источником распространения корейского языка на острове.

5. Языковая политика в советский период

Советскую национальную политику 1920-х и первой половины 1930-х гг. можно отчасти определить как процесс деколонизации, так как она исходила из того, что Сибирь являлась царской колонией. Идея национального строительства основывалась в том числе и на убеждении, что каждая этническая группа должна обладать своим литературным языком. Права меньшинств на использование родных языков во всех сферах жизни, включая делопроизводство, были закреплены рядом постановлений, принятых в период с 1918 по 1925 гг. Так, в 1918 году было утверждено «Положение о единой трудовой школе РСФСР», которое давало право получения образования на родном языке. В Декрете Совнаркома от 26 декабря 1919 года «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» говорилось о том, что все население в возрасте от 8 до 50 лет обязано обучаться грамоте на родном или русском языке (Народное образование 1967). Проблема заключалась в том, что для обучения требовалось разработать письменность. Как правило, те исследователи, которые являлись авторами алфавитов и разработчиками литературных языков, затем становились культуртрегерами, то есть непосредственно распространяли новые нормы среди тех сообществ, которые они изучали. Дальневосточное отделение Комитета нового алфавита фокусировалось на работе с тремя категориями: китайцами, корейцами и северными «народностями» (Grant 1995: 86). На Сахалине в последнюю категорию попадали только нивхи, так как литературная норма для эвенкийского языка была разработана на основе материковых говоров и затем просто была внедрена в образование во всех регионах проживания эвенков, а уйльтинский в качестве самостоятельного языка в то время не рассматривался вовсе. Письменность для айнов также не была создана, так как на момент установления советской власти на юге Сахалина, большая часть айнов покинула остров.

5.1. Основные принципы разработки литературных языков

Считается, что коренные народы Севера до установления советской власти не обладали собственной письменностью. Однако это не совсем так: у них не было письменности в европейском понимании, то есть на латинице или кириллице. Например, есть данные о том, что айны и нивхи ранее использовали пиктографическое письмо (Цинциус 1934; Кнорозов и др. 1984). В частности, в 1929 г. Е.А. Крейнович обнаружил, что подобное письмо применяется нивхами в

случае добычи медведя на охоте или убийства во время медвежьего праздника. Оно представляло собой «передачу весьма реалистичного, хотя и условного, изображения нарезками, выемками и штрихами тех обстоятельств, при которых медведь был убит или пойман» (Крейнович 1934: 184). Это изображение делалось на особой посуде *xəl*, имеющей форму овального ковша с длинной ручкой с одной стороны и лопаточкой — с другой. Посуда изготавливалась каждый раз при убийстве медведя заново. Пиктографическая запись делалась на верхней стороне лопаточки (в селениях Тыр и Кольма) или на ручке (селение Мы). Е.А. Крейнович также отмечает, что при покупке живого или уже убитого животного, например, у русских, посуду делали без рисунков или только с одной фигурой медведя, расположенного перпендикулярно на конце ручки. Ученый назвал *xəl* документом, «с помощью которого запечатлевались главнейшие моменты, связанные с добычей медведя», и пиктографирование являлось важной частью этого документа (Там же: 185).

Большинство алфавитов «европейского» типа на основе сначала латиницы, а затем кириллицы, были созданы в 1930-е гг. В этом отношении три языка коренных народов Сахалина — нивхский, нанайский и эвенкийский — являются младописьменными. Уйльтинский язык относится к новописьменным. Разница между младописьменными и новописьменными языками состоит в том, что для первых алфавит был разработан в 1920-е — 1930-е гг., а для вторых — в 1990-е гг. Далее в общих чертах будет показано, каким образом в рамках национальной и языковой политики создавались литературные или наддиалектные языки для этих этнических групп.

Основная трудность при разработке литературного языка заключалась в выборе ведущего диалекта, который должен был быть не столько лингвистически, сколько политически обоснованным. Этот диалект не должен был быть слишком «обруселым», то есть содержать много заимствований из русского языка, но при этом и не быть «отсталым», то есть наиболее свободным от влияний со стороны «больших» языков. Диалекту-основе следовало быть политически и экономически ведущим, а «языком управления» должен был стать «литературный язык той национальности, которая является основной в данном национально-территориальном объединении» (Алькор 1932: 63). При этом вопрос создания литературных языков не сводился только к проблемам образования, но рассматривался намного шире. Во-первых, активисты и ученые «национального строительства» считали, что с помощью развитого языка можно перевести народы из состояния «первобытности»,

минуя стадию капитализма, предполагающую обострение национальных противоречий, сразу в социализм. Во-вторых, создаваемый язык должен был отражать политические и социальные изменения, то есть быть наполненным современной терминологией, которую еще предстояло разработать. В связи с тем, что «обруселый» диалект не мог служить основой для литературного языка, письменность должна была усиливать отличие «аборигенных» языков от русского, и именно поэтому изначально была выбрана латиница, а не кириллица. Это же правило действовало и в отношении новой терминологии — допускались заимствования из корпусов любых языков, кроме русского (Аврорин 1953: 22). В-третьих, с понятием «культуры» отождествляли наличие литературы. Иными словами, только те народы могут быть культурными, которые имеют свою собственную литературу, для чего требовалась национальная интеллигенция. Все перечисленные установки так или иначе повлияли на языки коренных народов Сахалина.

Нивхский язык

В 1920-е гг. к работе над нивхским литературным языком приступил Е.А. Крейнович. Для амурского диалекта им был разработан нивхский алфавит на латинской основе, который стал использоваться в 1932 г. Однако, как пишут специалисты, нивхи предпочли писать по-русски, и по этой причине письменность фактически вышла из употребления. Поэтому в отличие от других «северных» языков, в конце 1930-х гг. нивхский не был переведен на кириллицу. Это произошло только в 1953 г., когда письменность на основе кириллицы была создана для амурского диалекта (Кондрашкина 2003: 399). Любопытно отметить, что в архиве хранится проект нивхского кириллического алфавита и орфографии, разработанный Е.А. Крейновичем еще в 1937 г. (СОКМ, колл. № 6473, ед. хр. 196). В 1979 г. была введена письменность для второго крупного диалекта нивхского языка — восточно-сахалинского. По данным А.А. Бурыкина, в настоящее время обе письменности находятся на грани выхода из употребления, так как используются преимущественно в обучении нивхскому языку (Бурыкин 2000).

Уйльтинский язык

Наиболее сложная «судьба» сложилась, пожалуй, у уйльтинского языка. В дополнение ко всему вышесказанному о выборе ведущего диалекта, в 1920-х гг. считалось, что разработать литературные языки возможно только для тех

групп, которые находятся в состоянии перехода из племени в народность и нацию. Иными словами, с «лингвистической» точки зрения, народом считалась этническая группа, чей диалект являлся центральным в своей группе диалектов. Такое определение имело важные последствия для ряда языков: в связи с тем, что изначально их посчитали диалектами более крупных языков, они не получили письменности и их преподавание не предусматривалось в школах. В частности, проблема возникла с рядом небольших по числу носителей тунгусских языков, включая уйльтаинский. В то время они не признавались в качестве самостоятельных языков. Например, в 1920-х гг. Я.П. Алькор (Кошкин) писал, что «орочский диалект возможно обслужить удэгейским языком», для негидальского он предлагал использовать эвенкийский, а для «енисейско-самодийского» — ненецкий (Алькор 1932: 56). Результатом многочисленных дебатов стало создание в начале 1930-х гг. общей для нанайцев, уйльта и ульчей письменности на основе одного из диалектов нанайского языка, который, действительно, являлся удобным «кандидатом», так как письменность для него на основе кириллицы была разработана еще в XIX в. миссионером П. Протодиаконовым (Протодиаконов 1884). В основу литературного нанайского языка лег найхинский диалект среднеамурского наречия. Созданный в 1931 г. алфавит на латинской основе был переведен на кириллицу в 1937 г.

Однако внедрение нанайского литературного языка в уйльтаинских школах не дало положительных результатов (Суник 1948: 537). Ульчи также усвоили лишь систему письменности, которую использовали для подготовки текстов для местных радиопередач и в частной переписке, но в иных областях преобладал русский язык (Суник 1985: 4-5). Несмотря на неудачу, уйльтаинский (орокский) язык еще долгое время считался диалектом, например, в классификации тунгусо-маньчжурских языков, предложенной В.И. Цинциус, ульчский и орокский языки представлены как диалекты нанайского (Цинциус 1949: 13). Только в 1960-х гг. Т.И. Петрова доказала самостоятельность языка уйльта среди остальных тунгусо-маньчжурских языков: «Будучи наиболее близким к языкам ульчскому и нанайскому по общему характеру своего морфологического строя, орокский язык все же значительно отличается от них рядом присущих ему особенностей» (Петрова 1967: 20). Еще спустя 20 лет, в 1991 году, в Южно-Сахалинске на международной научной конференции, посвященной 125-летию Б.О. Пилсудского, было решено начать работу по созданию письменности для уйльтаинского языка. Японский лингвист Д. Икегами разработал проект письменности на основе южного диалекта (см. Икегами 1994). В 1993 г. проект

был обсужден и принят в Институте языкознания РАН на заседании сектора национально-языковых отношений (ГИАСО, ф. 1198, оп. 1, д. 327, л. 27).

Эвенкийский язык

Помимо корпусного планирования, языковое строительство отвечает за статусное планирование, к которому относятся распространение установленной нормы, проблемы ее идентификации и процедуры коррекции (Naugen 1987: 64). Статусное и корпусное планирования различаются по набору проблем, которые возникают при их осуществлении. Проблемы корпусного планирования являются лингвистическими, в то время как статусного — социальные. Хотя в настоящее время специалисты склоняются к тому, что такое деление весьма условно, так как на практике эти проблемы невозможно разделить (см. Fishman 2006). В связи с тем, что стандартизация оказывает влияние на социальную среду в целом, зачастую языковому сообществу требуется значительное количество времени для принятия новой нормы (см. Romaine 2000). Однако в начале прошлого века эвенкийское сообщество, в то время еще не объединенное общей идентичностью, а представлявшее собой разные группы, говорящие на близких диалектах, не имело такой возможности в связи с тем, что между созданием нормы и ее внедрением в образование прошло крайне мало времени, а сами носители языка участвовали в языковом планировании опосредованно. Проект эвенкийского алфавита на латинской основе был предложен в 1930 г., хотя тексты на нем стали выходить еще раньше (Алькор 1930). Первый литературный язык был создан на основе непского говора южного наречия, распространенного в Иркутской области. В 1952 г. был утвержден новый литературный эвенкийский язык, в основу которого лег полигусовский говор южного наречия (Колесникова 1952). К.А. Новикова и В.Н. Савельева писали, что язык сахалинских эвенков значительно отличается от литературной нормы. Расхождения столь значительны, что, согласно их наблюдениям, издаваемая на эвенкийском языке учебная и художественная литература для эвенков Сахалина почти недоступна, а для овладения литературным эвенкийским языком им необходимы особые словари (Новикова, Савельева 1953: 112-113). К таким же выводам исследователи приходят в отношении других диалектов, подчеркивая, что основная трудность в усвоении литературного языка нередко заключается в том то, что носители языка считают литературную норму «искаженным» языком (см. Дьяченко, Ермолова

1994: 145; Булатова 1997: 49; Atknine 1997: 120; Пылаева 2003; Grenoble 2003: 52; Janhunen 2005: 47; Мамонтова 2013; Mamontova 2014).

5.2. Языковой сдвиг в сторону русского языка во второй половине XX в.

В этом разделе речь пойдет о языковом сдвиге в сторону русского языка, являющемся на сегодняшний день одной из главных проблем среди коренных народов Севера. В связи с близостью каторги русский язык был знаком аборигенному населению Сахалина еще с XIX в. Кроме того, как уже было отмечено, им отчасти владели эвенки. В целях общения русские и коренные народы употребляли специальный жаргон или раннюю форму контактного языка, для которой было характерно отсутствие морфологических средств словоизменения и словообразования (Баранова, Маслинский 2008: 150). Массовое распространение русского языка произошло только в советское время, на севере раньше, чем на юге. Во второй половине XX в. русский язык вытеснил аборигенные языки, что привело к их стремительной утрате. Исследователи называют разные причины этого явления. Все они характерны и для других регионов проживания коренных народов.

С одной стороны, русский язык стал доминирующим просто в силу того, что на нем говорила большая часть населения Сахалина. Т. П. Роон отмечает, что к концу 1920-х гг. только 4% населения северной оконечности Сахалина являлись коренными народами, в то время как число русскоязычных рабочих неуклонно росло вплоть до перестройки (Роон 2002: 146). Высокие темпы индустриализации середины XX в., открытие новых месторождений нефти и газа, привлекали русскоговорящих жителей с материка. В 1927 г. ЦИК и Совнарком СССР постановили расширить льготы для переселенцев на Северный Сахалин. Они освобождались от обложения некоторыми налогами и несения воинской службы, что, конечно, являлось дополнительным стимулом.

С другой стороны, последовательное внедрение русского языка являлось составной частью национальной политики, проводившейся государством, начиная со второй половины 1930-х гг. И в этом отношении она во многом была похожа на ту, которую осуществляло японское правительство в отношении коренных народов в Карафуто, пытавшееся создать гомогенное в этническом и языком отношении общество. В то же самое время, когда японцы на юге открывали школы, на севере острова основным проводником «культурной» жизни и русского языка служили интернаты, в которые детей аборигенов забирали на весь год, отпуская лишь на каникулы. В некоторых из них родные для

учеников языки служили средством обучения в начальных классах. Например, еще в 1956-1957 гг. на Сахалине было более 10 школ с подготовительным классом на нивхском языке (см. *Таксами* 1968). Однако нивхский язык не являлся ценностью сам по себе, а выступал лишь инструментом адаптации детей к школьному обучению в целях дальнейшей их русификации.

Именно интернаты часто называют в качестве основной причины языкового сдвига. Говоря об этом явлении на примере как Сибири, так и регионов проживания коренных народов в других странах, например, в США, Канаде, Австралии и странах Скандинавии, исследователи, подчеркивая негативную роль интернатов, используют практически идентичный набор аргументов (см. *Skutnabb-Kangas* 2000; *Ляпская* 2003; *Слезкин* 2008; *McCarty* 2002; *House* 2005; *Gross* 2007; *Indigenous Peoples* 2009). Один из этих аргументов заключается в том, что детям в интернатах запрещали говорить на родных языках. Безусловно, как отмечает Н.Б. Вахтин, «нельзя сбрасывать со счета ситуации, когда языковой сдвиг происходит в ситуации простого и грубого принуждения» (*Вахтин* 2001: 230). Однако такие ситуации редки, происходили далеко не везде и не могли длиться долго (Там же: 231). С этим выводом можно всецело согласиться. Мои информанты и в Сибири, и на Сахалине нередко говорили о том, что в интернате детей наказывали за использование родных языков. Однако на прямой вопрос, запрещали ли лично вам говорить на родном языке, только единицы давали положительный ответ. Более того, некоторые из них при этом отмечали, что, хотя они и учились в интернате, но сохранили и свой первый язык, и навыки традиционного образа жизни (см. *Мамонтова* 2013, *Mamontova* 2014; подробнее об интернатах см. в главе об образовании). Тем не менее, следует принять во внимание скрытую дискриминацию, которая зачастую приводит к языковому сдвигу даже быстрее, чем открытый запрет. И в этом отношении, через интернат распространялись иные модели поведения, новые «техники тела» и связанные с ними языковые предпочтения. Таким образом, одним из факторов, способствующих языковому сдвигу, стало изменение жизненных сценариев молодежи, их ориентация на городской образ жизни с преимущественно русским языком общения, что было связано и с высокими темпами урбанизации Сахалина.

Кроме того, информанты нередко сообщали, что сама среда с доминирующим русским языком, обладающим высоким статусом, не позволяла им говорить на родных языках в публичных местах:

Мне вот 50 лет, моему поколению не запрещали. Я разговаривала со своими родителями. Это у нас был основной язык в семье. Младший брат мой, Валера, в детский сад не пошел потому, что только и мог говорить на своем языке, а русского не знал. Из-за этого в садик даже не брали. В дальнейшем, конечно, сама среда, в которой мы находимся, не требовала знания родного языка. Куда бы мы ни шли: в магазин, в дом культуры, в школу, везде нас воспринимали как русскоязычных. Потребности в родном языке тогда остро не стояло. Только дома мы общались на родном языке, а, выйдя за стены дома, мы удовлетворялись тем, что мы знаем русский язык. Постепенно русский язык занял ведущее место в нашем сознании (ПМ 2009-а, запись Н.А. Мамонтовой).

Эта проблема усилилась в связи с индустриализацией, в ходе которой количество поселений на северо-восточном и северо-западном побережьях Сахалина сократилось на 75% (Grant 1993: 190). Коллективизация и ликвидация “неперспективных” поселков, а также перевод кочевников на оседлый образ жизни, — каждый из этих факторов внес свой негативный вклад. Некоторые исследователи ставят в этот ряд также строительство железной дороги, пересекающей остров с юга на север, которая способствовала, по их мнению, консолидации диалектов (Нивхи Сахалина 1988: 198). В результате, коренные народы острова были вынуждены переехать в крупные поселки со смешанным населением, каким является, например, п. Некрасовка Охинского района. Языком общения в таких крупных поселках обычно являлся русский. Из воспоминаний жительницы п. Некрасовка:

Когда я приехала в Некрасовку, меня удивило, что молодежь, вот мои ровесники, абсолютно не говорили на своем языке. Ну, я стала искать, ходила по бабушкам, чтобы не потерять язык. Просто какая-то тяга была, чтобы поговорить на своем языке с кем-то. Одну бабушку насмерть напугала. Думала, думала, к кому пойти... и бабушка Четкен, она же такая красавица, глаза круглые, большие, самая такая кругленькая, как мячик, пухленькая. Я подумала: пойду, познакомлюсь. Наших еще оттуда, с Рыбновска, не перевозили, никого наших не было. Ну, пришла, захожу в коридор, стучу, она выглядывает, и я ей на нивхском говорю [говорит по-нивхски]. Она на меня глаза вылупила, как дверь закрыла и все. Я стою в коридоре, растерялась, думаю: «Да Боже мой, неужели здесь даже бабушки не говорят на своем языке? Потом она так дверь открывает, бедненькая, и говорит: «Тебе чего хочет?» Я опять на нивхском ей.

«Ой, — говорит, — напугала, ой как напугала. Вроде как на русскую похожа, — говорит, — у нас же молодежь здесь не говорит на своем языке. Молодая, а так говорит!» Ой, там такой прием был! Потом мы с ней подружились, я ходила к ней поговорить (ПМ 2013-б, запись Н.А. Мамонтовой).

Обращает на себя внимание тот факт, что массовый переход на русский язык среди коренных народов Севера, в том числе и на Сахалине, начался в 1960-е гг. (см. Вахтин 2001). По этой причине, на мой взгляд, все перечисленные факторы хотя и важны, но не являются достаточными, что видно при сравнении языковой ситуации на севере и юге Сахалина в первой половине XX в. Национальное строительство в Карафуто, переселенческая политика, всеобщее образование и высокие темпы промышленного освоения в бывшей японской провинции были сопоставимыми с советскими трансформациями в северной оконечности острова. В некоторых случаях, например, среди айнов, они привели к значительному языковому сдвигу, но в других не оказали столь сильного влияния. Поэтому следует также отметить Закон об образовании, принятый в 1958 году, который необходимо рассматривать наряду с другими причинами языкового сдвига.

Этот закон позволил родителям самим выбирать, какой язык необходимо учить их детям. В законе говорится о том, что ученики слишком перегружены школьными предметами — помимо родного языка, они должны были изучать русский и иностранные языки. С принятием же нового закона родители могли делать выбор в пользу того или иного языка. Однако на практике выбор был ограничен возможностями школьной системы и условиями обучения. Так, школы на русском языке чаще всего были лучше укомплектованы по сравнению с «национальными» школами. Кроме того, ученики, желавшие продолжать свое обучение в высших учебных заведениях, отдавали предпочтение исключительно «русской» школе, что давало им возможность успешнее сдать вступительные экзамены. Если в союзных республиках родители зачастую выбирали родной язык, то в автономных республиках и национальных округах РСФСР русский обычно рассматривался родителями как более нужный для будущей жизни их детей. Результатом реформы явился переход значительной части представителей коренных народов на русский язык обучения (Алпатов 2000: 122; см. также Gorenburg 2006).

При этом родители, желая обеспечить своим детям профессиональное будущее, связанное с русским языком, не отказывались от родного языка.

Например, исследования В.А. Аврорина показали, что еще в 1960-х гг. среди коренных народов Севера был большой процент воздержавшихся от ответа на вопрос, на каком языке следует, по их мнению, обучать детей в школе. По мнению исследователи, родители просто считали себя недостаточно компетентными в данном вопросе, поэтому уклонялись от ответа. Однако данные опроса говорят о том, что выбор родного языка в качестве средства обучения обычно был довольно высоким у многих коренных народов (см. *Аврорин 1967; Аврорин 1975*). Эти исследования не были приняты во внимание. В 1970-х гг. обучение окончательно было переведено на русский язык, и родители стали отдавать своих детей в обычные «русские» школы. Таким образом, предопределенность выбора «русской» школы породила миф о добровольном переходе коренных народов Севера на русский язык преподавания.

Статистика за последующие годы отразила изменения. Так, в 1974 г. было проведено социолингвистическое исследование в ногликской школе-интернате, которое показало, что 29,7% родителей говорили со своими детьми только по-русски, 60,3% употребляли нивхский и русский языки, и лишь 9,9% общались в семье на нивхском. В 1979 г. процент родителей, говорящих с детьми только по-нивхски, снизился до 3,1% (Нивхи Сахалина 1988: 203). Комплексное исследование языковой ситуации у сахалинских нивхов в 1982 г. свидетельствует, что подавляющее большинство (94,2%) городских нивхов общались на работе только на русском языке, 5,8% — использовали оба языка. Среди сельских жителей этот показатель был равен 91,2% и 7,2% — на русском и на обоих языках, соответственно, и только 1,6% — преимущественно на нивхском. Авторы отмечают, что «причиной перехода нивхов на русский язык в производственной сфере можно было бы считать освоение новых видов труда. Ведь только 19% нивхов заняты в настоящее время традиционными видами труда. Но оказалось, что и в бытовом, семейном общении у нивхов преобладает русский язык» (*Бойко, Федоров 1988*). Когда со времен упомянутой реформы прошло уже 20 лет, неудивительно, что только 5 % нивхов Сахалина высказались за то, чтобы их дети обучались на нивхском языке (Нивхи Сахалина 1988: 203).

6. Степень сохранности языков коренных народов Сахалина

Из вышесказанного уже видно, что все языки коренных народов Сахалина в той или иной степени находятся под угрозой исчезновения, так как только старшее поколение носителей хорошо владеет своими этническими языками.

В настоящее время большинство говорящих по-нивхски являются людьми пожилого возраста. Х. Сираиси назвал ситуацию с сохранением нивхского языка катастрофической. Он отмечает, что все его информанты, хорошо знающие нивхский язык, — это люди старше 60 лет. Среднее поколение нивхов (40-60 лет) имеет лишь пассивное знание языка. Согласно его полевым наблюдениям, даже в тех случаях, когда общение происходит на нивхском языке, например, во время культурных мероприятий, то носители переходят на русский каждый раз, когда присутствует кто-нибудь, кто не понимает нивхского языка, например, молодой член семьи. Исследователь заключает, что использование нивхского языка между домочадцами — большая редкость (*Shiraishi* 2006). Такой же вывод делает и Е.Ю. Груздева на основе многолетних исследований нивхского языка. Согласно данным социолингвистического исследования, проведенного Е.Ю. Груздевой и Ю.В. Леоновой в 1989 г. среди нивхов п. Ноглики, 74 человека владели нивхским свободно (23.8 %), 93 человека не знали его совершенно (29.5 %) и еще 53.3 % опрошенных владели языком в той или иной степени. Исследовательница пишет о том, что уже тогда самому молодому информанту из первой группы было за 40. За последние 15 лет ситуация не изменилась к лучшему, несмотря на попытки отдельных активистом поддерживать жизнеспособность этого языка (*Gruzdeva* 2015: 247).

Н.Б. Вахтин, опираясь на данные, собранные международной группой ученых в начале 1990-х гг., отнес нивхский язык по степени сохранности к четвертой группе из пяти, отметив, что, вероятно, этот язык или его отдельные варианты следует рассматривать в пятой группе — «лишь старшее поколение способно говорить на языке, очень малая часть среднего поколения способна понять упрощенную речь. Все население русскоязычно» (*Вахтин* 2001: 178).

В 2004 г. комплексное социолингвистическое обследование нивхов п. Чир-Унвд Тымовского района было проведено в рамках проекта «Коренные народы Дальнего Востока в постсоветскую эпоху». По мнению Влады Барановой — одной из участников экспедиции — языковая ситуация в этом поселке отличается от тех, что можно наблюдать в Ногликах и Некрасовке, потому что последние являются признанными «центрами» нивхского языка. Чир-Унвд же в этом отношении представляет собой маленький нивхский поселок, находящийся в глубине Сахалинской области. Однако выводы, которые делает автор, можно применить и в отношении языковых ситуаций в остальных нивхских поселках (*Баранова* 2008: 193):

Судя по публикациям и полевым материалам, практически никто не использует нивхский язык в повседневном общении, однако язык продолжает выполнять функцию поддержания идентичности группы, служит для сообщества объединяющим символом, – и школьное преподавание нивхского языка способствует вовлечению в эту систему младших поколений нивхов.

Что касается уйльтаинского языка, то, согласно исследователям, работавшим в 1999 г. в поселках Вал и Ноглики в рамках проекта Университета Хельсинки «Коренные малочисленные народы Севера и Сибири», язык уйльта использовался только в быту. Причем людей среднего возраста, которые могли бы свободно говорить по-уйльтаински, было всего несколько человек (Функ и др. 2000; см. также Funk, Zenko 2008a). А.М. Певнов, проводивший исследование среди уйльта спустя десять лет после названного проекта, отметил, что этот язык находится на грани полного исчезновения. По его данным, в 2008 г. не более 15 человек в вышеназванных поселках могли говорить по-уйльтаински.³ По мнению жителей п. Вал, в настоящий момент осталось не более десяти носителей этого языка. Тем не менее, уйльтаинский язык остается живым и все еще используется для общения между представителями старшего поколения. Некоторые из них владеют также эвенкийским языком (ПМ 2009-в, запись Н.А. Мамонтовой):

Н.П.: У меня мама, когда вышла замуж за эвенка... отца моего похоронила... вышла за Егорова. А они – эвенки. Я, считай, выросла среди эвенков, и по-эвенкийски разговариваю, вот как разговариваю...

Е.Б.: Вот, мы чего-то делаем, по-эвенкийски разговариваем с ней.

Н.П.: Да.

Про современное положение языка сахалинских эвенков известно крайне мало. Ч.М. Таксами отмечал, что в 1960-е гг. эвенки в целом хорошо владели своим этническим языком, однако уже в то время, как пишет исследователь, некоторые дети школьного возраста говорили только по-русски (Таксами 1968: 40). По данным Н.Я. Булатовой, в 1990-х гг. ситуация с сохранением эвенкийского языка на Сахалине была более чем неудовлетворительной (Булатова 1999). В 2013 г. на Валу лишь несколько человек хорошо владели эвенкийским языком. Но в целом, современная социолингвистическая ситуация среди эвенков Сахалина не изучена. Особенно этот вывод относится к п. Виахту, который на острове является центром компактного проживания эвенков.

³ А. Pevnov. "On the uniqueness of the Oroch (Uilta) language". Доклад прочитан 19.05.2014 на семинаре «Insular Worlds: The Indigenous Peoples and Languages of Sakhalin and Hokkaido» в Университете Хельсинки.

Переписи населения не особо помогают исследовать динамику языкового сдвига, так как существует сильная диспропорция между числом говорящих на своих этнических языках и процентом называния этих языков «родными». Обычно второй показатель выше, хотя в некоторых случаях при полевом наблюдении оказывается, что, если принимать в расчет всех носителей языка, в том числе знающих его пассивно, то ситуация выглядит не так уж и плохо. Тем не менее, исследователи, анализируя варианты вопроса о родном языке в переписях, пишут о том, что в России с переписи 1939 г. и до переписи 1989 г. «родной язык» понимался, скорее, как индикатор «языковой идентичности» или «языковой принадлежности» (Тишков 2003: 212). С этой проблемой сталкиваются и лингвисты, которым нужно определить число действительно говорящих на том или ином языке. Они подчеркивают важность разграничения при анализе полученных данных символического отношения к языку и факта владения им (см. Агранат 2007).

По данным Всероссийских переписей населения, процент выбора языка своей группы при ответе на вопрос о родном языке постепенно снижается, что отражает и ухудшение языковой ситуации в целом. Если в 1959 г. 76,4% всех нивхов считали нивхский своим родным языком, то уже в 1989 г. этот показатель снизился до 23,3% (Соколова, Степанов 2007: 92). По уйльта данных за этот период нет (см. Вахтин 2001: 47-48). В 1989 г. менее 21% уйльта называли уйльтинский своим родным языком, в 2002 г. владение языком своей этнической группы указало 3,7% из них, а в 2010 — 3,5%. У нивхов Сахалина последние две переписи показали 11,6% и 5,1% в 2002 и 2010 гг. соответственно, а у эвенков — 9,9% и 8,1%.

Таблица № 1. «Владение языком своей этнической группы и русским по данным Переписи населения 2010 г.»

Этническая группа	Владение языком своей группы		Владение русским языком	
	Количество человек	Доля в %	Количество человек	Доля в %
нивхи	118	5,1	2287	99,6
уйльта	9	3,5	258	99,6
орочи ⁴	1	3,6	28	100%
эвенки	17	8,1	208	99,6
нанайцы	11	7,4	148	100,0
корейцы	6169	25	24752	99,5

⁴ Еще 3 человека из числа орочей называли уйльтинский в качестве родного. О проблеме этнонима орочи/ороки/уйльта см. главу 1.

Однако — и это обстоятельство особенно важно для анализа социолингвистической ситуации — переписи по-прежнему не фиксируют выбор двух и более языков в качестве родных. Более того, опрос показывает, что и во время полевой работы это выявить крайне сложно, так как в ходе интервью или анкетирования информанты склонны выбирать в качестве родного тот язык, который совпадает с названием их группы, выбор которой также может быть ситуативным, отражающий конвенциональные установки и ожидания исследователя. Без сомнения, для такого региона как Сахалин, особенно его южной части, эта проблема крайне существенна.

7. Преподавание языков коренных народов Сахалина

Преподавание языков коренных народов на Сахалине началось в конце 1920-х гг., когда в Ногликах и на Рыбновском побережье были открыты первые культбазы и интернаты, призванные ликвидировать неграмотность среди коренных народов Сахалина (подробнее о деятельности культбаз см. в разделе об образовании). Программа для обучения нивхскому языку была разработана Е.А. Крейновичем. Им же была создана программа краткосрочных курсов по переподготовке учителей родного языка (СОКМ, колл. № 6473, д. 103). Вплоть до конца 1950-х гг. нивхский язык использовался в обучении в подготовительных классах (Таксами 1967: 231–235). Однако после вышеназванного закона об образовании (1958 г.) школьное обучение было переведено на русский язык, а языки КМНС перестали преподавать даже в качестве предмета.

В 1977 г. Министерство просвещения РСФСР постановило начать разработку программ для начальных классов по нивхскому языку. После длительного перерыва, в 1981 г. в п. Некрасовка во многом благодаря деятельности местных активистов возобновилось обучение нивхскому языку в детском саду и школе с 0 (подготовительного) по 5 классы (Нивхи Сахалина 1988: 204). Учителя нивхского языка Н.М. Лайгун и В.М. Санги разработали программу по родному языку для старшей группы детского сада, а Н.Г. Бессонова написала к ней учебно-методическое пособие. На преподавание языка в школе было отведено по три часа в неделю со 2 по 4 классы. Учитывая разницу между двумя основными диалектами нивхского языка, в 1981–1982 гг. методисты создали два различных букваря: для носителей сахалинского диалекта (авторы — В.М. Санги и Г.А. Отаина) и для амурского диалекта (авторы — Ч.М. Таксами, М.Н. Пухта и А.М. Вингун).

По состоянию на 1993/1994 учебный год, нивхский язык преподавался уже в 14 школах с 1 по 9 классы, число учащихся составляло 747 человек (Баранова,

Маслинский 2008: 152). Информанты отмечали, что в первой половине 1990-х гг. постоянно проводились конференции, посвященные языкам коренных народов, в Южно-Сахалинске открылась Этнолаборатория, объединившая методистов родных языков, заработало радио на нивхском языке (см. также Funk, Zenko 2008б). Из интервью с первым диктором, Надеждой Бессоновой:

Какое-то время я вела радиопередачи на нивхском языке. Сначала нам дали 10 минут, потом я выбила 15 минут, потом выбила полностью день на программу на нивхском языке. Но там было интересно. Допустим, если материал такой серьезный, с мэрии или еще откуда-то, производственный материал, — все это на амурском диалекте. Если для тех, кто понимает, то тоже рубрика была, то, естественно, и на амурском, и на шмидтовском диалекте какие-то материалы. Потом делали детские передачи. Ну, тоже, вроде было все хорошо, хорошо, хорошо... потом даже заходим в магазин, а девочки там... по этим, вещам: «Бессонова, подойди сюда, посмотри, хорошо мне или нет, что-то такое». Женщина русская поворачивается, молодая: «Это Вы Надежда Бессонова?». Я говорю: «Да». — «Это Вы ведете передачи на нивхском языке?» — «Да, — говорю, — это я веду». — «Ой, как интересно! Как хорошо!» Я говорю: «Но Вы же не понимаете». — «Ну, как я не понимаю? Во-первых, слушать интересно. Во-вторых, у вас же там и перевод тоже идет. Мы всей семьей слушаем». Так что слушали. А бабушки вообще, наши нивхи, плакали, когда первые передачи появились. Такие звонки были, прямо плакали бабушки, что услышали вдруг (ПМ 2013-б, запись Н.А. Мамонтовой).

Кроме того, возобновилось книгопечатание на аборигенных языках острова. Например, в 1993 г. для детей школьного возраста на нивхском языке был опубликован сборник стихов М.Н. Пухта, изданы иллюстрации эвенкийского писателя и художника С. Надеина, а также переизданы некоторые произведения и переводы нивхского писателя В.М. Санги (ГИАСО, ф. 1198, оп. 1, д. 327, л. 24). В 1990 г. в виде приложения к газете «Сахалинский нефтяник» была опубликована страница «Нивх диф» на нивхском языке (ГИАСО, ф. 1198, оп. 1, д. 188, л. 45). Напомню, что самая первая газета на нивхском языке — «Нивхская правда» — появилась еще в 1930-е гг. (Нивхи Сахалина 1988: 204). С 1996 г. «Нивх диф» выходит в качестве самостоятельной газеты. Материалы в ней печатались на амурском, сахалинском и шмидтовском диалектах. Общий тираж составил 250 экземпляров (Арефьев 2014: 105). Газета до сих пор выходит в п. Некрасовка. Учитель и методист нивхского языка подвела итог деятельности 1980-х гг. следующим образом:

Тогда было легче. Я в 1980-е еще начала преподавать. Но трудно было, что не было вообще никакой литературы, никаких пособий, методик не было. Приходилось разрабатывать. Потом пошло легче. Потом этот закон вышел (о языках).⁵ Потом его счастливо забыли. Все (ПМ 2013-б, запись Н.А. Мамонтовой).

Учителя уйльтаинского языка также участвовали в процессе языкового возрождения:

(Когда) я работала в центре детского творчества, то, конечно, была свидетелем, что там работа по языку систематизировано проводилась. Были планы определенные, и графики, и учебные [планы]. С Бибиковой группа была набрана, у Федяевой группа была. Изучение языка шло с изучения народно-прикладного искусства, то есть все вместе это было. Работая еще в детском саду, Ирина Яковлевна Федяева у нас работала, она тоже была методистом по национальному воспитанию. Мы так говорили — методист по национальному языку. Дети с удовольствием ходили, слушали (ПМ 2009-в, запись Н.А. Мамонтовой).

По мнению информантов, в середине 1990-х гг. финансирование проектов по возрождению языков Сахалина резко сократилось. В связи с этим некоторые методисты были вынуждены уехать с острова, по этой же причине перестала работать нивхская радиопрограмма, а также уменьшилось количество школьных часов, отведенное на родные языки. С другой стороны, специалисты отмечают, что пик изучения нивхского языка приходится как раз на середину 1990-х, когда два раза в неделю в качестве предмета и один раз на основе факультатива уроки нивхского посещало более 200 школьников. Дополнительно, судя по архивным данным, Управление народного образования администрации области финансировало выпуск учебников и книг на аборигенных языках Сахалина на всем протяжении 1990-х гг. (ГИАСО, ф. 1198, оп. 1, д. 328, л. 128). Согласно статистике, резкое сокращение объемов преподавания произошло только в 2000-х гг. Например, в 1996/97 учебном году все еще 26% школьников на Сахалине изучали языки коренных народов, но к 2009/10 году этот показатель снизился до 19,9 %. Наиболее же заметно уменьшились часы преподавания родных языков в 2010/2011 учебном году (Арефьев 2014: 158, 430–431).

Преподавание уйльтаинского языка в школе началось только в 2011 г.

⁵ Имеется в виду Закон РСФСР от 25.10.1991 N 1807-1 "О языках народов РСФСР".

В лицее № 3 на о. Южном Поронайского района уроки уйльтинского языка присутствуют в расписании с 1 по 3 классы. Учитель родного языка является носителем южного диалекта. Большинство учеников лицея — представители коренных народов Сахалина. В детском саду уроков уйльтинского языка нет. В п. Вал, где живут носители северного диалекта, этот язык не преподается ни на одной из ступеней образования. В 2009 г. местные жители выражали надежду на то, что в скором времени уроки уйльтинского языка появятся в школьном расписании. Однако и в 2013 г. ситуация осталась прежней. Более того, учителя уже не надеются на то, что когда-нибудь преподавание этого языка станет возможным, так как оставшиеся носители уйльтинского языка либо не имеют педагогического образования, либо уже в значительно преклонном возрасте.

В 2013 г. занятия по нивхскому языку проводились в детском саду в п. Некрасовка, а также в трех школах: в Некрасовке, Ногликах и Чир-Унвде. В Некрасовке нивхский язык преподается в детском саду в двух подгруппах по 15-20 минут два раза в неделю (обучается 30 детей) и с 1 по 4 классы в качестве кружка по 1 часу в неделю, а также на внеурочной деятельности в 1-3 классах по 1 часу в неделю. Этот язык до недавнего времени использовался на занятиях в детском саду в Ногликах, но в настоящий момент занятия приостановлены. В 2009 г. в ногликской школе № 2 училось примерно 300 детей, из них представителей коренных народов было 79. Изучали нивхский язык только 20 человек (Мамонтова 2010). Количество часов, отведенных по плану на его изучение, уменьшается с каждым годом: в 2009 г. было 5 часов в неделю с 5 по 9 классы, в 2013 г. — 4 часа. В начальной школе в Ногликах обучение нивхскому языку не предусмотрено, что создает разрыв в программе между детским садом и средней школой. Занятия проходят в игровой форме: во время обучения дети рисуют, вышивают, иллюстрируют нивхские сказки. Нивхский язык в учебное расписание ставят обычно последним уроком, так как он не входит в общую школьную программу. Получается, что занятия проходят довольно поздно, когда у детей уже нет желания проводить еще 45 минут в школе.

В 2009 и 2013 гг. среди основных проблем обучения детей родным языкам учителя назвали следующие: маленькое количество часов, отведенное на преподавание родных языков, отсутствие методической и учебной литературы. По данным исследования, проведенного в п. Чир-Унвд, помимо указанных проблем, учителя нивхского языка также акцентировали внимание на проблеме передачи языка младшему поколению: дети, поступающие в школу, не владеют

даже базовыми знаниями родного языка, а учителя зачастую не обладают достаточными навыками его преподавания. Иногда учителя в качестве одной из важнейших причин неэффективности школьного обучения родному языку называли нежелание детей или их родителей изучать нивхский язык:

Мы настраиваем родителей на то, что должны все ходить. Хотя есть такие родители, которые против. Они говорят, (что) нам не нужно, в будущем это не пригодится. Такие родители есть. Приходится заинтересовывать детей. Уже сами (дети) родителей начинают уговаривать, что я хочу ходить, мне интересно. Не родители детей настраивают, а дети родителей (ПМ 2013-б, запись Н.А. Мамонтовой).

Последнее они связывали обычно с негативными стереотипами, распространенными в обществе относительно языков меньшинств. В опросе 2009 г. ученики ногликской школы подтвердили, что дополнительный урок нивхского языка, предназначенный для детей из числа коренных, вызывает насмешки у их русскоязычных одноклассников (Мамонтова 2010). Но, вероятно, здесь проблема не в негативном отношении к языку, а в восприятии дополнительного урока как наказания. Учителя в поселках, в которых мы работали, нередко говорили, что у русских детей желания посещать уроки нивхского языка даже больше, чем у самих нивхов. Преподаватель нивхского языка в детском саду п. Ноглики отметила, что русскоязычных детей, желавших ходить на ее уроки, оказалось так много, что пришлось некоторым отказать:

Им нравится. Родители подходили, просили. Я говорю: «Вы понимаете, я не могу вас записать, мне надо своим дать знания». Пусть наши сначала научатся своему (языку) (ПМ 2013-а, запись Н.А. Мамонтовой).

Недостаточное количество учителей и отсутствие дополнительных мест для всех желающих изучать языки коренных народов Севера создают дополнительные трудности для языкового возрождения, так как вовлечение учеников не из числа коренных народов в изучение миноритарных языков представляется важным для формирования позитивного отношения к этим языкам в обществе. В тех случаях, когда учителя пытаются ограничить круг учеников только представителями коренных народов, возникают проблемы, связанные, хотя и с позитивной, но все же дискриминацией. Например, в

одном из ногликских детских садов родители-нивхи не поддерживали идею учителя организовать специальную группу нивхского языка только для нивхов с дополнительным бюджетным финансированием. Они посчитали, что такая сегрегация может негативно сказаться на их детях. Эта проблема особенно существенна в свете уменьшения количества школьников, изучающих нивхский и уйльтинский языки как родные. Статистика по количеству школьников из числа КМНС Сахалина, обучавшихся языкам коренных народов Севера, в основном нивхскому, с 1996 по 2013 гг., выглядят следующим образом (Арефьев 2014: 430):

Таблица № 2. Обучение языкам КМНС Сахалина в 1996-2013 гг.

Учебные годы	1996/97	2001/02	2005/06	2006/07	2007/08	2008/09	2009/10	2012/13
Общая численность школьников из числа КМНС	660	720	570	556	554	516	512	503
Из них, изучавшие родные языки как предмет	170	127	93	97	40	114	102	12
Доля изучавших родной язык как предмет в общей численности школьников КМНС, %	25,8	18,1	16,3	17,4	7,2	22,1	19,9	2,4

Данные по населенным пунктам на Сахалине и Амуре вместе свидетельствуют о том, что в 1996/97 учебном году 30,3% школьников из числа КМНС изучали нивхский язык, но в 2009/10 году этот показатель снизился до 17,3%. Иными словами, отрицательная тенденция составляет минус 12,5%, а отдельно по Сахалину этот показатель равен минус 23,4% (Там же: 121). Что касается уйльтинского языка, то число школьников, изучающих этот предмет, с 2011 года остается на уровне 10-14 человек.

Уроки эвенкийского языка на Сахалине были введены в начальной школе с. Виахту только четыре года назад. Нанайский язык не представлен ни в дошкольной, ни в школьной системе образования. Согласно сообщению, полученному от директора лицея № 3 о. Южный, нанайский язык, возможно, в скором времени будет преподаваться в этом лицее. Однако в связи с тем, что школьная нагрузка уже распределена, уроки нанайского языка можно добавить в расписание только в качестве факультатива, на что потребуется дополнительное финансирование. Переговоры по этому поводу планировалось провести с компанией «Сахалин Энерджи».

Табл. № 3. «Количество учеников из числа коренных народов Сахалина, изучавших родной язык как предмет в 2013 г.»⁶

Административная единица	Количество детей, обучающихся в образовательных учреждениях	Количество детей, изучающих родной язык как самостоятельный предмет					
		1-4 класс (чел.)	%	Факультативно (чел.)	%	5-11 кл. (чел.)	%
Александровск-Сахалинский район	27 чел. (ОУ-27 чел.)	9	33	16	59,2	7	26
Городской округ Ногликский	201 чел. (ОУ-126 чел., ДОУ-75 чел.)	8	4	41	20,4	33	16,4
Охинский район	243 чел. (ОУ-189 чел., ДОУ-54 чел.)	29	12	29	12	—	—
Поронайский район	86 чел. (ОУ-86 чел., ДОУ-?)	8	9,3	—	—	—	—
Смирныховский район	11 чел. (ОУ-11 чел.)	—	—	—	—	—	—
Тымовский городской округ	54 чел. (ОУ-31 чел., ДОУ-23 чел.)	31	57,4	16	29,6	—	—
Город Южно-Сахалинск	49 чел. (ОУ-49 чел., ДОУ-?)	—	—	—	—	—	—
Итого	671 чел. (ОУ – 519 чел., ДОУ – 152 чел.)	85	12,7	102	15,2	40	6

Важно отметить, что нивхский и уйльтинский языки преподаются также на курсах для взрослых. Несколько лет назад в Ногликах при мастерской общины «Геван» для всех желающих открылись курсы северного диалекта уйльтинского языка. В настоящий момент эти курсы проходят в краеведческом музее два раза в неделю. В Поронайске в 2013 г. учитель уйльтинского языка Сирюко Минато собиралась открыть подобные курсы для южного диалекта при сувенирном цехе. Преподаватель планировала написать заявку на грунт в программу «План содействия». Курсы нивхского языка функционируют в п. Некрасовка при Центре по сохранению и развитию традиционной культуры коренных народов «Кых-кых». Местные активисты намеревались открыть подобные курсы и в Поронайске, где нивхский язык не преподается ни на одной ступени образования. Однако не нашлось учителя, который мог бы преподавать нивхский язык тем взрослым, которые не владеют им совершенно.

В этой связи учителя постоянно говорили о проблеме нехватки кадров. Действительно, в 2012/2013 учебном году в РГПУ им. Герцена нивхскому

⁶ Таблица построена на основе данных, полученных в Администрации Сахалинской области.

языку обучалось всего 3 студента и 1 человек изучал уйльтинский. Для сравнения: студентов, обучавшихся, например, эвенкийскому языку, было 23, а долганскому — 54 (Арефьев 2014: 147). Кроме того, по мнению учителей, молодые специалисты неохотно возвращаются на Сахалин, а их уровень знания родных языков не всегда достаточен для ведения педагогической деятельности. Поэтому обучение детей зачастую сводится к тому, что их учат всего лишь узнавать слова в тексте, что, в целом, является распространенной практикой преподавания языков коренных народов (см. Казакевич 2010). Некоторые учителя подтверждали, что не могут передать коммуникативные навыки детям, так как зачастую среди нет ни свободно говорящих специалистов, ни соответствующих методик, ни просто достаточного количества школьных часов на эту деятельность:

У нас нет преподавателей, говорящих на языке свободно. У нас родной язык сегодня превалирует в бытовой речи. А чтобы знать предметы, физику, географию, биологию на родном языке – я не знаю... Учебников нет, трудность с методикой. Пособий никаких нет, чтобы переводить. А было бы прекрасно, если бы человек взялся создать такой учебник. Например, ребенок мог бы изучать биологию на родном языке, анатомию. Мы же изучаем, как на родном языке будут глаза, голова, волосы, живот, части тела, что он бегаёт, прыгает, ест, он тонкий, толстый. В принципе, мы все это изучаем (ПМ 2009-а, запись Н.А. Мамонтовой).

Кроме того, как неоднократно подчеркивалось выше, люди, хорошо владеющие родными языками, старше 60 лет, и у многих из них нет высшего образования, поэтому они не могут официально преподавать в детских садах и школах (более того, посторонние люди вообще не могут находиться в этих учреждениях без особого разрешения). Такая проблема, в частности, возникала в Поронайске, когда в лицее хотели ввести уроки нивхского языка. Местная администрация готова была оплатить потенциальному учителю курсы методики преподавания родного языка на базе Института народов Севера им. Герцена в Санкт-Петербурге. Однако институт отказал в такой возможности на том основании, что у носителя языка, который, подчеркну, свободно говорит по-нивхски и был готов работать с детьми, нет педагогического образования.

Таблица № 4. «Преподавание языков КМНС Сахалина на разных ступенях образования»

язык	детский сад	начальная школа	средняя школа	курсы
нивхский	+	+	+	+
уйльтинский	–	+	–	+
нанайский	–	–	–	–
эвенкийский	–	+	–	–

Среди множества проблем учителя также выделяли отсутствие единой поэтапной программы обучения родным языкам от детского сада до школы: в каких-то поселках нет преподавания этих языков в детском саду, в других — разрыв между детским садом и средней школой. Они говорили и о сложности постановки произношения, например, в отношении нивхского языка, и об устаревших учебниках, а по уйльтинскому языку учебники вообще не были созданы. Все учебники нивхского языка за исключением одного электронного пособия и большинство учебников по эвенкийскому языку были разработаны еще в советское время и предназначались для детей, свободно владеющих «языком своей группы». Однако в связи с тем, что в настоящий момент дети поступают в школу без знания этих языков, данные учебники не подходят: они сложны не только ученикам, но и учителям. Еще одна проблема заключается в том, что учебники для амурского диалекта подходят не во всех районах проживания нивхов, но, если в школе нет других учебников, то именно по ним учителям приходится вести уроки нивхского языка. Поэтому учителя просто «исправляют» учебники, заменяя в них слова на те, которые существуют в их родных диалектах. То же самое делают и учителя эвенкийского языка. Хотя проблема известна, но имеющиеся учебники продолжают переиздаваться без изменения содержания:

Тот же наш учебник взять. Он хороший, красочный, но содержание... Там же стихи про Ленина! Они спрашивают у меня, а что такое «интернат», «колхоз»? (ПМ 2009-а, запись Н.А. Мамонтовой)

Наконец, некоторые учителя, отчаявшись добиться помощи и финансирования в местной администрации, самостоятельно пытаются разработать методики преподавания нивхского языка в качестве иностранного — в этих целях они используют для примера методики обучения английскому языку. При

этом они отмечали, что эта работа слишком сложна для них, так как требует соответствующего образования, сил и времени.

Заключение

Уникальность социолингвистической истории Сахалина заключается в том, что его аборигенное население с давних времен общалось на множестве различных языков. Сохранению многоязычия в этом регионе способствовали и удобное расположение острова, и развитая сеть торгово-обменных отношений в рамках широкого ареала, и развитость навигации, и особенности подвижного образа жизни населения Сахалина. Однако уже во второй половине XIX в. коренные народы острова попали в орбиту геополитических интересов Японии и России, которые стремились ассимилировать их, используя модные в то время эволюционистские методы взаимодействия с неевропейскими народами. Это привело, с одной стороны, к формированию у коренного населения этнических идентичностей (современного типа), основанных на принадлежности к определенным группам, но, с другой стороны, к постепенной утрате локальных языков и переходу на доминирующие языки общения. Особенно активно процесс языкового сдвига стал развиваться во второй половине XX в. Таким образом, в настоящий момент все языки коренных народов Сахалина находятся под угрозой исчезновения. Однако это совершенно не означает, что они непременно в скором времени выйдут из употребления. Ученые еще в конце XIX в. прогнозировали в ближайшем времени исчезновение северных народов, а с середины XX в. их внимание в этом отношении переключилось на вымирающие языки. Но, к счастью, за некоторым исключением, ни того, ни другого не произошло. Тем не менее, следует признать, что языки народов Сахалина, действительно, переживают не лучшие времена, и их возрождение требует не только желания самих коренных народов, но и значительных усилий различных сторон, участвующих в принятии решений в области языковой политики и планирования.

Источники и литература

Полевые материалы

ПМ 1999 — Полевые материалы Д.А. Функа. Экспедиция в п. Вал Сахалинской обл. (октябрь 1999 г.) в рамках проекта «Коренные малочисленные народы Севера и Сибири» (финансирование Алексантери Института Университета

Хельсинки).

ПМ 2009 — Полевые материалы. Экспедиция в Сахалинскую обл. (август–сентябрь 2009 г.) в рамках проекта «Землепользование и этничность в циркумполярном регионе» (CLUE) (рук. Х. Бич; финансирование NSF):

- а) п.г.т. Ноглики, Ногликский район;
- б) п. Некрасовка, Охинский район;
- в) г. Поронайск, Поронайский район.

ПМ 2013 — Полевые материалы. Экспедиция в Сахалинскую обл. (июнь 2013 г.) в рамках проекта «Этнологическое исследование КМНС Сахалинской области» (рук. Д.А. Функ, финансирование Exxon Neftegaz Ltd.):

- а) п.г.т. Ноглики, Ногликский район;
- б) п. Некрасовка, Охинский район;
- в) г. Поронайск, Поронайский район;
- г) п. Вал, Ногликского района.

Литература

- Asahi 2009a. — Asahi Y. 'Cookbook Method' and Koine-Formation: A Case of the Karafuto Dialect in Sakhalin // *Dialectologia*. 2009. No. 2. P. 1-21.
- Asahi 2009b. — Asahi Y. Linguistic Features of a Japanese Variety in a Japanese Diaspora. An Evidence from a Sakhalin Japanese Speaker of Uilta // *Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers: HUSCAP*. Hokkaido, 2009. P. 27-40.
- Atkine 1997 — Atkine V. The Evenki Language from The Yenisei to Sakhalin // *Northern Minority Languages: Problems of Survival*. Ed. by Shōji, Hiroshi, Janhunen, Juha. Helsinki, 1997. P. 109-121.
- Bukh 2010 — Bukh A. Ainu Identity and Japan's Identity: The Struggle for Subjectivity. *The Copenhagen Journal of Asian Studies*. 2010. No. 28(2). P. 35-54.
- De Graaf 1992 — De Graaf T. The Languages of Sakhalin // *International Journal on the Sociology of Languages*. 1992. No. 94. P. 185-200.
- De Graaf, Shiraishi 2013 — De Graaf T., Shiraishi H. Documentation and Revitalisation of two endangered languages in Eastern Asia: Nivkh and Ainu // *Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage*. Erich Kasten, Tjeerd de Graaf (eds.). Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2013. P. 49-64.

- Doerfer 1978 — Doerfer G. Classification Problems of Tungusic // *Tungusica. Beiträge zur Nordasiatischen Kulturgeschichte*. Michael Weiers (ed.). Wiesbaden: Harrassowitz, 1978. P. 1-26.
- Fishman 2006 — Fishman J.A. Do Not Leave your Language Alone: The Hidden Status Agendas within Corpus Planning in Language Policy. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2006.
- Funk 2000 — Funk D. Materialien zur gegenwärtigen Situation der Uilta-Sprache // *Zentralasiatische Studien*. 2000. No. 30. P. 143–152.
- Funk, Zenko 2008a — Uilta, Interviews Conducted and Summarized by D.A. Funk and A.P. Zenko // *Awakening Siberia. From Marginalization to Self-Determination: The Small indigenous Nations of Northern Russia on the Eve of the Millennium*. L. Sillanpää (ed.). Helsinki, 2008. P. 398-415.
- Funk, Zenko 2008b — Nivkh, Interviews Conducted and Summarized by D.A. Funk and A.P. Zenko // *Awakening Siberia. From Marginalization to Self-Determination: The Small indigenous Nations of Northern Russia on the Eve of the Millennium*. L. Sillanpää (ed.). Helsinki, 2008, p. 416–439.
- Gorenburg 2006 — Gorenburg D. Assimilation and Soviet Nationalities Policy // *Rebounding Identities: The Politics of Identity in Russia and Ukraine*. B. Ruble and D. Arel (eds.). Woodrow Wilson Center Press. Johns Hopkins University Press: Washington, D.C. and Baltimore MD, 2006.
- Grant 1993 — Grant B. Siberia Hot and Cold: Reconstructing the Image of Siberian Indigenous Peoples // *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. G. Diment, Y. Slezkine (eds.). New York: St. Martin's Press. P. 227-253.
- Grant 1996 — Grant B. In the Soviet House of Culture. A Century of Perestroikas. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Grenoble 2003 — Grenoble L. Language policy in the Soviet Union. Kluwer Academic Publishers, USA, 2003.
- Gross 2007 — Gross J. Forging a Monolingual Country in: Teaching Oregon Native Languages. J. Gross (ed.). Corvallis, OR: Oregon State University Press, 2007.
- Grube 1892 — Grube W. Linguistische Ergebnisse. Giljakisches Wörterverzeichnis, nach den Originalaufzeichnungen von L. von Schrenk und P. Glehn und mit grammatischen Bemerkungen von Dr. W. Grube. Anhang zu Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1854 - 1856. Die Völker des Amur-Landes. Leopold von Schrenck (ed.). St. Petersburg, 1892.
- Grube 1900 — Grube W. Linguistische Ergebnisse 2: Goldisch-deutsches Wörterverzeichnis [mit vergleichender Berücksichtigung der übrigen

- tungusischen Dialekte]. Anhang zu Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1854 — 1856. Die Völker des Amur-Landes. Leopold von Schrenck (ed.). St-Petersburg, 1900.
- Gruzdeva 1996 — Gruzdeva E. The Linguistic Situation on Sakhalin Island // Atlas of Languages of Intercultural Communication in the Pacific, Asia, and Americas. S.A. Wurm, P. Mühlhüsler, D.T. Tryon (eds.). Vol. 3. Berlin, New-York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 1007-1012.
- Gruzdeva 1998 — Gruzdeva E. Nivkh. Languages of the World. Materials 111. Linkom Europa, 1998.
- Gruzdeva 2000 — Gruzdeva E. Aspects of Russian-Nivkh Grammatical Interference: The Nivkh Imperative // Language in Contact. D.G. Gilbers, J. Nerbonne, S. Schaecken (eds.). Amsterdam, Atlanta GA: Rodopi, 2000. P. 121-134.
- Gruzdeva 2015 — Gruzdeva E. 2015. Explaining Language Loss. The Sakhalin Nivkh Case. In: Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. Comparative Studies on Equality and Diversity Series: Multilingual Education, Vol. 13. H.F. Marten, M. Rießler, J. Saarikivi, R. Toivanen (eds.). Berlin: Springer. P. 265-289.
- Harrison 1955 — Harrison J.A. Kita Yezo Zusetu or a Description of the Island of Northern Yezo by Mamiya Rinso. Proceedings of the American Philosophical Society. 1955. No. 99 (2). P. 93-117.
- Haugen 1987 — Haugen E. Blessing of Babel: Bilingualism and language planning. Berlin, New York, 1987.
- House 2005 — House D. Language Shift Among the Navajos: Identity Politics and Cultural Continuity. The University of Arizona Press, 2005.
- Ikegami 1958 — Ikegami J. Orok texts. Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 1958. No. 17. P. 85 – 95.
- Ikegami 1970 — Ikegami J. Materials for the Study of the Orok language // Bungakubu-kiyo (The annual report on cultural sciences). Hokkaido University. 1970. No. 25. P. 31 – 55.
- Ikegami 1974 — Ikegami J. Versuch einer Klassifikation der Tungusischer Sprachen // Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Völker. G. Hazai (ed.), Berlin: Akademie Verlag, 1974. P. 271-272.
- Ikegami 1980 — Ikegami J. An Uilta Basic Vocabulary // Research Reports of the Language and Culture of Uiltas (Oroks). Sapporo, 1980.
- Indigenous Peoples 2009 — Indigenous Peoples and Boarding Schools: A Comparative Study. Prepared by Andrea Smith for the Secretariat of the

- United Nations Permanent Forum on Indigenous Issues, Permanent Forum on Indigenous Issues. Eighth session. 2009. [Электронный ресурс]. URL: www.un.org/esa/.../8session_CRP1.doc
- Janhunen 2005 — Janhunen J. Tungusic: An Endangered Language Family in Northeast Asia // *International Journal of The Sociology of Language*. 2005. No. 173. P. 37–54.
- Janhunen 2012 — Janhunen J. The Expansion of Tungusic as an Ethnic Process // *Recent Advances in Tungusic Linguistics*. A. L. Malchukov, L. J. Whaley (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. P. 5-16.
- Kikuchi 1999 — Kikuchi T. Ainu Ties with Ancient Cultures of Northeast Asia // *Ainu: Spirit of a Northern People*. W. Fitzhugh, O. Chisato, O. Dubreuil. Washington, DC: Smithsonian Institution, 1999. P. 47-51.
- King 2011 — King A.D. *Living with Koryak Traditions. Playing with Culture in Siberia*. Lincoln, London: University of Nebraska Press, 2011.
- Kriukov 2001 — Kriukov D. Civil Administration on South Sakhalin and the Kurile Islands, 1945-1948: The Memoirs of Dmitrii N. Kriukov. Trans. by M. Sevela. *Monumenta Nipponica*. 2001. No. 56(1). P. 39-91.
- Lankov 1991 — Lankov A. Forgotten People: The Koreans of Sakhalin Island, 1945-1991 // *Transactions of the Royal Asiatic Society, Korea Branch*. 2010. No. 85. P. 13-28.
- Mamontova 2014 — Mamontova N. What Language Do Real Evenki Speak? Discussions Surrounding the Nomad Preschool // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2014. No. 52(4). P. 37-75.
- McCarty 2002 — McCarty T. *A Place to be Navajo: Rough Rock and the Struggle for Self-determination in Indigenous Schooling*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 2002.
- Missonova 2009 — Missonova L. I. Sakhalin Uil'ta: Who, How Many, and Why? // *Post-Soviet Transformation. Politics of Ethnicity and Resource Use in Russia*. Uppsala: Uppsala Universitet, 2009. Pp. 83-101.
- Morris-Suzuki 1999 — Morris-Suzuki T. Lines in the Snow: Imagining the Russo-Japanese Frontier // *Pacific Affairs*. 1999. No. 72(1). P. 57-77.
- Morris-Suzuki 2004 — Morris-Suzuki T. Northern Lights: the Making and Unmaking of Karafuto Identity // *Rice, Identity and Migration in Modern Japan: Imagined and Imaginary Minorities*. M. Weiner (ed.). New York: Routledge, 2004. P. 645-671.
- Murasaki 1993 — Murasaki K. (ed.). *Ethnic Minorities in Sakhalin*. Yokohama, 1993.

- Pevnov 2009 — Pevnov A.M. On Some Features of Nivkh and Uilta (in Connection with Prospects of Russian-Japanese Collaboration) // *Saharin-no gengo sekai* (Linguistic World of Sakhalin). Sapporo, 2009. P. 113-125.
- Pilsudski 1998 — Pilsudski B. Report on the Expedition to the Oroks in 1904. In: *Trends in Linguistics Documentation* 15-1. The Collected Works of Bronislaw Pilsudski. Vol. 1. The Aborigines of Sakhalin. A. Majewicz (ed.). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 192-221.
- Romaine 2000 — Romaine S. *Language in Society. An Introduction to Sociolinguistics*. Second edition. Oxford, New York: Oxford University Press, 2000.
- Sasaki 1998 — Sasaki H. The Trade Activity of the Peoples of the Lower Amur Basin in the 18th and 19th Centuries // *Bulletin of the National Museum of Ethnology*. Vol. 22. № 4. 1998.
- Shiraishi 2006 — Shiraishi H. *Topics in Nivkh Phonology*. Groningen: Rijksuniversiteit, 2006.
- Siddle 1996 — Siddle R. *Rice, Resistance and the Ainu of Japan*. New York: Routledge, 1996.
- Skutnabb-Kangas 2000 — Skutnabb-Kangas T. *Linguistic Genocide in Education — or Worldwide Diversity and Human Rights?* Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 2000.
- Son 1992 — Son I.S. Koreans in Sakhalin. *International Journal on World Peace*. 1992. No. 9(3). P. 7-15.
- Vovin 1993 — Vovin A. Towards a New Classification of Tungusic Languages // *Eurasian Studies Yearbook*. 1993. No. 65. P. 99-113.
- Vovin 2015 — Vovin A. On the Linguistic Prehistory of Hokkaido // *On the Languages of Hokkaidō and Sakhalin*. Ed. by J. Janhunen (в печати).
- Wurm 1996 — Wurm S.A. Indigenous Lingue Franche and Bilingualism in Siberia (Beginning of the 20th Century) // *Atlas of Languages of Intercultural Communication in the Pacific, Asia, and Americas*. S. A. Wurm, P. Mühlhüsler, D.T. Tryon (eds.). Vol. 3. Berlin, New-York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 975-988.
- Yamada 2010 — Yamada Y. A Preliminary Study of Language Contacts around Uilta in Sakhalin // *Journal of the Center for Northern Humanities*. 2010. No. 3. P. 59-75.
- Авдорин 1953 — Авдорин В.А. Литературные языки народов Севера и местные диалекты // *Вопросы языкознания*. № 2. 1953. С. 7-27.

- Аврорин 1960 — Аврорин В.А. О классификации тунгусо-маньчжурских языков // XXV Международный конгресс востоковедов. Издательство восточной литературы. М., 1960.
- Аврорин 1967 — Аврорин В.А. Развитие языков народов Сибири в советский период // Известия Сибирского отделения АН СССР, серия общественных наук. Вып. 3. № 11. М., 1967.
- Аврорин 1975 — Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.
- Агранат 2007 — Агранат Т.Б. Специфика полевой работы с носителями вымирающих языков (на материале водского языка) // Полевая лингвистика: сб. статей. М., 2007.
- Алпатов 2000 — Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000.
- Алькор 1930 — Алькор (Кошкин) Я.П. Проект алфавита эвенкийского (тунгусского) языка. Академия наук СССР. Комиссия по изучению Якутской автономной советской социалистической республики. Материалы. Вып. 33. 1930.
- Алькор 1932 — Алькор (Кошкин) Я.П. Вопросы создания и развития национально-литературных языков и письменности народов Севера // Материалы I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера. Под ред. Я.П. Алькора (Кошкина). Л., 1932.
- Арефьев 2014 — Арефьев А.Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М.: Министерство образования и науки РФ ФГНУ «Центр социологических исследований», 2014.
- Баранова 2008 — Баранова В. «Оно должно вот так продолжаться и продолжаться...» (О функциях школьного преподавания родного языка) // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 185-202.
- Баранова, Маслинский 2008 — Баранова В.В., Маслинский К.А. Язык и современная языковая ситуация // История и культура нивхов. Историко-этнографические очерки. Под ред. В. А. Тураева. СПб, 2008. С. 148-158.
- Бойко, Федоров 1988 — Бойко В.И., Федоров А.И. Русский или родной? (Эволюция функционирования родного и русского языка у народностей Севера) // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия история, филология и философия. Вып. 3. 1988. С. 40-46.

- Бошняк 1858 — Бошняк Н.К. Экспедиция в Приамурском крае // Морской сборник. 1858. № 12.
- Булатова 1984 — Булатова Н.Я. Классификация говоров эвенкийского языка // Просвещение на Крайнем Севере. Вып. 21. Л., 1984. С. 81-87.
- Булатова 1999 — Булатова Н.Я. Язык сахалинских эвенков. СПб., 1999.
- Бурыкин 1987 — Бурыкин А.А. Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма // Лингвистические исследования 1987. Общие и специальные вопросы языковой типологии. М., 1987. С. 46–54.
- Бурыкин 1988 — Бурыкин А.А. Тунгусо-маньчжуро-нивхские связи и проблема генетической принадлежности нивхского языка // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов крайнего севера СССР. Л., 1988.
- Бурыкин 2000 — Бурыкин А.А. Изучение фонетики языков малочисленных народов Севера России и проблемы развития их письменности (обзор) // Язык и речевая деятельность. Т. 3. Ч. 1. СПб., 2000. С. 150-180.
- Бурыкин 2005 — Бурыкин А.А. Названия металлов в нивхском языке // Кюнеровские чтения (2001–2004): Краткое содержание докладов. СПб., 2005. С. 177–185.
- Василевич 1936 — Василевич Г.М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. М.-Л., 1936.
- Василевич 1948 — Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. М., 1948.
- Василевский 2007 — Василевский А. А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск, 2007.
- Вахтин 2001 — Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.
- Вахтин 2010 — Вахтин Н.Б. Языки народов Северо-Востока Сибири: современная ситуация // Народы Северо-Востока Сибири. Айны. Алеуты. Ительмены. Камчадалы. Кереки. Коряки. Нивхи. Чуванцы. Чукчи. Эскимосы. Юкагиры. Под ред. Е.П. Батяновой, В. А. Тураева. М., 2010.
- Груздева 1997 — Груздева Е.Ю. Нивхский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1997. С. 139-154.
- Груздева, Леонова 1990 — Груздева Е.Ю., Леонова Ю.В. К изучению русско-нивхского двуязычия в социолингвистическом аспекте // Лингвистические исследования: Системные отношения в синхронии и диахронии. М., 1990. С. 48-55.
- Дин 2013 — Дин Ю.И. Миграция корейского этнического населения на южный Сахалин в период японского правления (1905-1945) //

- Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4. С. 34-42.
- Дьяченко, Ермолова 1994 — Дьяченко В.И., Ермолова Н.В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока. СПб., 1994.
- Ермолова 1984 — Ермолова Н.В. Эвенки Приамурья и Сахалина. Формирование и культурно-исторические связи. XVII - начало XX вв. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Рукопись. СПб., 1984.
- Икегами 1994 — Икегами Д. Проект письменности уйльтаинского языка // *Acta Slavica Iaponica*. 1994. № 12. С. 253-258.
- Казакевич 2010 — Казакевич О.А. Языки коренных малочисленных народов Сибири в сфере образования: проблемы и перспективы // Решение национально-языковых вопросов в современном мире: Страны СНГ и Балтии. Под ред. акад. Е. П. Чельшева. М., 2010. С. 475–483.
- Кнорозов и др. 1984 — Кнорозов Ю.В., Спевиковский А.Б., Таксами Ч.М. Пиктографические надписи айнов // Полевые исследования института этнографии 1980-1981, М., 1984. С. 269-295.
- Колесникова 1952 — Колесникова В.Д. О диалектной основе эвенкийского литературного языка // Совещания по языкам народов Севера. Тезисы докладов. М.-Л., 1952. С. 29-33.
- Кондрашкина 2003 — Кондрашкина Е. Нивхский язык // Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 2. М., 2003.
- Константинова 1964 — Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. Л., 1964.
- Косарев 2009 — Косарев В.Д. Ороки (уйльта) в этногенетике тунгусоязычных народов Приамурья: задача со многими неизвестными // Культурное наследие народов Дальнего Востока России. Сахалинская область. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск, 2009.
- Крейнович 1934 — Крейнович Е.А. Нивхский (гиляцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Вып. III. Л., 1934. С. 181–222.
- Крейнович 1955 — Крейнович Е.А. Гиляцко-тунгусо-маньчжурские параллели // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР. 1955. № 8. С. 135–167.
- Латышев 2008 — Латышев В.М. Сахалинская жизнь Бронислава Пилсудского. Прологомены к биографии. Южно-Сахалинск, 2008. С. 136-137.
- Лярская 2003 — Лярская Е.В. Северные интернаты и трансформация

- традиционной культуры: На примере ненцев Ямала. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2003.
- Мамонтова 2010 — Мамонтова Н.А. Языки малочисленных народов Севера и Европейская языковая Хартия // Европейская языковая хартия и Россия. Под ред. С.В. Соколовского и В.А. Тишкова. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., ИЭА РАН, 2010. Вып. 218. С. 79-95.
- Мамонтова 2013 — Мамонтова Н.А. На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссии вокруг кочевого детского сада // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 47-77.
- Миссонова 2011 — Миссонова Л.И. История жизни языка и идентичности уйльта // Известия института наследия Бронислава Пилсудского. № 15. Южно-Сахалинск, 2011. С. 219-221.
- Миссонова 2013 — Миссонова Л.И. Лексика уйльта как историко-этнографический источник. М., 2013.
- Народное образование 1967 — Народное образование в СССР. Под ред. М. А. Прокофьева и др. М., 1967.
- Недялков, Отаина 2012 — Недялков В.П., Отаина Г.А. Очерки по синтаксису нивхского языка. Отв. ред. Э.В. Генюшене, С.Ю. Дмитренко. М., 2012.
- Нивхи Сахалина 1988 — Нивхи Сахалина. Современное социально-экономическое развитие. Отв. ред. В.И. Бойко. Новосибирск, 1988.
- Ниткук 1999 — Ниткук Е.С. Алахтунд из тетради № 1 Б.О. Пилсудского. 1999. № 3. С. 3-4.
- Ниткук 2000 — Ниткук Е.С. Третья тетрадь Б. О. Пилсудского из архива Е.А. Крейновича. 2000. № 4. С. 5-6.
- Ниткук 2001 — Ниткук Е.С. Тетрадь № 4 Б. О. Пилсудского из архива Е.А. Крейновича. 2001. № 5. С. 3-5.
- Ниткук 2002 — Ниткук Е.С. Пятая тетрадь Б. О. Пилсудского из архива Е.А. Крейновича. 2002. № 6. С. 3-4.
- Ниткук 2004 — Ниткук Е.С. Шестая тетрадь Б. О. Пилсудского из архива Е.А. Крейновича. 2004. № 8. С. 3-4.
- Ниткук 2005 — Ниткук Е.С. Песни из тетради № 7 Б. О. Пилсудского. 2005. № 9. С. 3-5.
- Ниткук 2006 — Ниткук Е.С. Восьмая тетрадь Б. О. Пилсудского из архива Е. А. Крейновича. 2006. № 10. С. 4-5.
- Новикова, Савельева 1953 — Новикова К.А., Савельева В.Н. К вопросу о языках коренных народностей Сахалина // Языки и история народностей

- Крайнего Севера СССР. Ученые записки. Факультет народов Севера. Вып. 2. Л., 1953. С. 84-134.
- Новомбергский 1903 — Новомбергский Н.Ю. Остров Сахалин. СПб., 1903.
- Озолия 2013 — Озолия Л.В. Грамматика орокского языка. Новосибирск, 2013.
- Озолия, Федяева 2003 — Озолия Л.В., Федяева И.Я. Орокско-русский и русско-орокский словарь. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2003.
- Отаина 1993 — Отаина Г.А. Нивхский фольклор // *Ethnic Minorities in Sakhalin*. K. Murasaki (ed.). Yokohama, 1993. С. 171–208.
- Панфилов 1962 — Панфилов В.З. Нивхская грамматика. Ч. 1. М.-Л., 1962.
- Панфилов 1965 — Панфилов В.З. Нивхская грамматика. Ч. 2. М.-Л., 1965.
- Панфилов 1968 — Панфилов В.З. Нивхский язык // *Языки народов СССР*. Т. 5. Л., 1968. С. 431-433.
- Панфилов 1973 — Панфилов В.З. Нивхско-алтайские языковые связи // *Вопросы языкознания*. 1973. № 1. С. 3–12.
- Парфенова 2003 — Парфенова О. Нанайский язык // *Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия*. Книга 2. М., 2003. С. 309-311.
- Патканов 1906 — Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. СПб., 1906.
- Певнов 1992 — Певнов А.М. Нивхский и тунгусо-маньчжурский языки: Проблемы контактов // Б.О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина: (Материалы Междунар. науч. конф. Южно-Сахалинск, 31 окт. – 2 нояб. 1991 г.). Т. 2. Южно-Сахалинск, 1992. С. 25-29.
- Певнов 2010 — Нивхские мифы и сказки из архива Отаиной Г.А. Предисловие и комментарии А.М. Певнова. М., 2010.
- Петрова 1967 — Петрова Т.И. Язык ороков (ульта). Л., 1967.
- Пилсудский 1999 — Пилсудский Б.О. Гиляцкие песни старинные. Подготовка текста и публикация Е.С. Ниткук. 1999. № 3. С. 5–11.
- Пилсудский 2000 — Пилсудский Б.О. Гиляцкие песни современные. Подготовка текста, публикация, примечания Ниткук Е.С. 2000. № 4. С. 7–15.
- Пилсудский 2001а — Пилсудский Б. Орокско-польский словарь // *Материалы по изучению языка и фольклора ороков*. Стеншев, 2001.
- Пилсудский 2001б — Пилсудский Б.О. Тетрадь № 4. Подготовка текста, публикация, примечания Е. С. Ниткук. 2001. № 5. С. 6–14.
- Пилсудский 2002 — Пилсудский Б. О. Тетрадь № 5. Подготовка текста, публикация и примечания Е. С. Ниткук. 2002. № 6. С. 5–13.

- Пилсудский 2003 — Пилсудский Б.О. Фольклор сахалинских нивхов. Публикация А.Б. Островского. Южно-Сахалинск, 2003.
- Пилсудский 2004 — Пилсудский Б.О. Гиляцкие песни современные. Подготовка текста, публикация и примечания Е.С. Нитчук. 2004. № 8. С. 5–11.
- Пилсудский 2005 — Пилсудский Б.О. Тетрадь № 7. Подготовка текста, публикация и примечания Е.С. Нитчук. 2005. № 9. С. 6–21.
- Пилсудский 2006 — Пилсудский Б. О. Тетрадь № 8. Подготовка текста, публикация и примечания Е.С. Нитчук. 2006. № 10. С. 6–15.
- Протодиаконов 1884 — Протодиаконов П. Гольдская азбука для обучения гольдских и гиляцких детей: По слуховому способу. Казань, 1884.
- Пылаева 2003 — Пылаева Б. Об исчезающем языке амурских эвенков // Амурские эвенки: Большие проблемы малого этноса: Сборник научных трудов. Под ред. Г. В. Быковой. Благовещенск, 2003.
- Роон 1966 — Роон Т.П. Уйльта Сахалина: историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII — середина XX веков. Южно-Сахалинск, 1996.
- Роон 2002 — Роон Т.П. Изменения в экономике коренных народов Сахалина в XX веке // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002. С. 146–160.
- Рудникова 2010 — Рудникова Е.В. Этногенез и этническая история // Народы Северо-Востока Сибири. Отв. ред. Е.П. Батьянова, В. А. Тураев. М., 2010. С. 383–388.
- Савельева, Таксами 1965 — Савельева В.Н., Таксами Ч.М. Русско-нивхский словарь. М., 1965.
- Савельева, Таксами 1970 — Савельева В.Н., Таксами Ч.М. Нивхско-русский словарь. М., 1970.
- Сем 1969 — Сем Л.И. Общая характеристика орокского языка // Общие закономерности исторического развития народов советского Дальнего Востока. Владивосток, 1969.
- Сем и др. 2011 — Сем Л.И., Сем. Ю.А., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Т. 14: Этнографические исследования. Отв. ред. В. А. Тураев. Владивосток, 2011.
- Слезкин 2008 — Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008.
- Смоляк 1975 — Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1975.

- Смоляк 1984 — Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1984.
- Смоляк 1986 — Смоляк А.В. К вопросу об этногенезе народов Нижнего Амура // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С.130-139.
- Соколова, Степанов 2007 — Соколова З.П., Степанов В.В. Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 75-95.
- Суник 1948 — Суник О.П. О языке нанайцев на р. Кура // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. VII, вып. 6. 1948.
- Суник 1985 — Суник О.П. Ульчский язык. Исследования и материалы. Л., 1985. С. 4-5.
- Таксами 1967 — Таксами Ч.М. Нивхи (современное хозяйство, культура и быт). Л., 1967.
- Таксами 1968 — Таксами Ч.М. Тунгусские народы на Сахалине // Страны и народы Востока. Вып. 6. Страны и народы Бассейна Тихого океана. М., 1968. С. 29-43.
- Тишков 2003 — Тишков В.А. Вместо введения. Как оказалась возможной этнография переписи? // Этнография переписи-2002. Под ред. Е. Филипповой. М., 2003. С. 9-31.
- Туголуков 1982 — Туголуков В.А. Эвенки // Этническая история народов Севера. Под ред. И. С. Гурвича. М., 1982. С. 122-155.
- Функ и др. 2000 — Функ Д.А., Зенько А.П., Силланпяя Л. Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14-29.
- Цинциус 1934 — Цинциус В.И. Пиктографическое письмо // Языки и письменность народов Севера. Ч.3. М.-Л., 1934. С. 184-189.
- Цинциус 1949 — Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
- Шмидт 1915 — Шмидт П. Этнография Дальнего Востока // Виват Академия. СПб., 1916.
- Шренк 1883 — Шренк фон Л. Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб., 1883.
- Штернберг 1900 — Штернберг Л.Я. Образцы материалов по изучению гилацкого языка и фольклора, собранных на острове Сахалин и в низовьях Амура // Изв. Императорской академии наук. Ноябрь. Т. XIII. № 4. 1900.
- Штернберг 1908 — Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гилацкого языка и фольклора. Т.1. Образцы народной словесности. Ч.1. Эпос. СПб., 1908.

Глава 8

(РЕ)ПРЕЗЕНТАЦИЯ КМНС САХАЛИНА

В репрезентации коренных малочисленных народов Сахалина отчетливо выделяются два аспекта: то, какими коренные народы пытаются представить себя (часто как некий единый организм), и то, какими представляют их СМИ, принадлежащие большинству. Наблюдается также некоторое различие между содержанием образа, который стремятся сформировать организации КМНС и частные лица.

Едва ли не самым распространенным и укоренившимся в российском и мировом дискурсе является фольклорный подход к репрезентации малочисленных этнических групп. Его часто придерживаются как сами представители таких групп, так и СМИ, и официальные лица. Такой подход заключается в конструировании образа этнической группы через ее культуру, образ жизни и другие особенности, делающие ее, с одной стороны, «Другой» для большинства, к которому обращена направленная вовне репрезентация, а с другой — очерчивающие определенные границы для реципиентов внутри самой группы. Если конструирование осуществляется внешними силами, то в этом случае речь, как правило, идет о намеренной или ненамеренной экзотизации малочисленного (или просто иного) народа. Под «ненамеренной» экзотизацией в данном случае подразумевается, в первую очередь, следование устоявшимся схемам изображения коренных народов.

Полевые данные позволили выделить несколько составляющих этого направления репрезентации.

Праздники

До недавнего времени крупные этнические праздники имели преимущественно светский характер и проводились в форме «Дней народов Севера», в рамках которых организовывались соревнования по национальным видам спорта, выступления ансамблей, дегустация блюд национальной кухни (подробнее о классификации современных праздников КМНС см.: Харитонов, Функ 2004: 157–160).

Последний медвежий праздник как религиозный обряд проводился, состоялся, по словам информантов, в 1980-е годы (точнее дату определить

трудно) в селе Вени Ногликского района. В нивхской среде разговоры о возрождении медвежьего праздника практически не ведутся. На соответствующий вопрос исследователя информанты, как правило, не отвечали отрицательно, но и энтузиазма не выражали. «Кому это теперь надо?» «Но кто будет это делать?» «Хорошо бы, но как это теперь сделаешь?», — типичные ответы на вопрос о желании возродить медвежий праздник.

В 2012 г. в Сахалинском краеведческом музее прошел стилизованный медвежий праздник¹, однако населению районов, в которых проходила работа экспедиции, он не запомнился.

Кроме того, в Поронайске часто проходил так называемый обряд кормления хозяина моря, однако только недавно это событие приняло довольно крупные масштабы и приобрело известность среди широкой публики.

Кроме того, в 2013 г., в период работы экспедиции состоялся первый, по утверждению В.М. Санги, с 1927 г.² праздник встречи родов, в рамках которого на изготовленных по старинным образцам лодках представители рода Тымфингун спустились по р. Тымь из селения Чир-Унвд к пос. Ноглики, где его приветствовал род Кевонгун и глава рода В.М. Санги. Большинство информантов убеждены, что праздник привлек внимание многих жителей поселка вне зависимости от этнической принадлежности.

Нельзя, однако, не отметить, что среди информантов нет однозначного мнения по поводу проводимых празднеств. С одной стороны, многие отмечают пользу таких мероприятий, говорят о сильных эмоциональных переживаниях, с ними связанных, с другой — неоднократно доводилось слышать мнение, что подобного рода обряды являются сакральными и не подлежат демонстрации.

Некоторые информанты отмечали также определенные нововведения, нарушавшие по их мнению, обряд, к примеру, использование стружек «инау» не шаманом, кормление Хозяина моря, осуществляемое женщиной и т. д. Следует, впрочем, отметить, что однозначно негативного отношения к этим празднествам зафиксировать не удалось, несмотря на неоднократно высказанные информантами заявления о том, что «сейчас все не так», «раньше такого не было».

Большая часть проводимых на Сахалине праздников коренных народов, имеющих именно традиционный характер, производит впечатление основанных на нивхских традициях и верованиях. Такая ситуация, тем не менее, представляется логичной ввиду разницы в численности между нивхами

¹ <http://sakhvesti.ru/?div=skr&id=35367>

² <http://www.simdp.ru/?page=news&id=1207&PHPSESSID=e131e586ac35fa2aa30c4d931ee4a263>

и другими коренными народами и ориентированности массовых праздников на годичный цикл рыболовства. Серьезных протестов со стороны представителей других КМНС по этому поводу нами, однако, зафиксировано не было. При этом, даже критично настроенные информанты заявляли, что наблюдение обрядов, несмотря на явную несовременность и несоответствие их «тому как было», все равно трогает их до слез и заставляет «чувствовать себя нивхами».

Безусловно, сейчас мы имеем дело с конструированием и реконструированием традиций, осуществляемыми с учетом зрелищности, привлекательности и расчетом на формирование положительного образа. В любом случае, следует учитывать, что полная аутентичность в данном случае недостижима, поскольку культурная преемственность во многом прервана и восстанавливать обычаи и традиции зачастую приходится по работам ученых. К примеру, многие информанты упоминали книгу Е.А. Крейновича «Нивхгу» (Крейнович 1973), как источник своих знаний о собственном народе. Среди уйльта звучали упоминания книг Т.П. Роон (1996) и Л.И. Миссоновой (2006).

Не стоит сбрасывать со счетов и тот вклад, который в конструирование современной традиционной культуры КМНС вносят представители старшего поколения, однако следует отметить, что они также в известной мере являются «изобретателями традиций», поскольку обучение в интернатах способствовало разрыву с традиционной повседневностью.

Ансамбли

Пожалуй, наиболее яркими выразителями фольклорного подхода к репрезентации этнических групп являются национальные ансамбли. Практически в каждом крупном месте компактного проживания коренных народов имеется как минимум один ансамбль. Отметим, что нам не довелось найти ни одного ансамбля с мононациональным составом, а в числе участников присутствовали и условно «русские», иногда даже в качестве руководителей.

Подход руководителей различных ансамблей к репрезентации национальной культуры весьма разнится.

Так, ансамбль «Пилакен» (с. Некрасовка) использует в своих выступлениях элементы фольклора других народов — в первую очередь, коряков. Поясняя свое решение, руководитель приводит два аргумента. Во-первых, по ее мнению, собственно нивхские национальные танцы недостаточно экспрессивны и зрелищны. Во-вторых, сохранилось слишком мало их описаний, не говоря уже о видео и аудиозаписях, чтобы можно было на их основе строить полноценную программу.

Ансамбль «Арила Миф» (пос. Ноглики) старается придерживаться именно традиционных форм, что его руководитель А.М. Горошко неоднократно подчеркивал в интервью. По его словам, основой всех танцев, исполняемых ансамблем является ритуальный нивхский танец «Тигд», исполнявшийся на медвежьем празднике и подражавший движениям медведя. Но и А.М. Горошко вынужден был признать, что нивхский танцевальный и музыкальный фольклор недостаточно экспрессивен и требует внесения более зрелищных элементов, источником которых является спорт или традиционные виды деятельности.

Ситуация с поронайским ансамблем «Мэнгумэ Илга» сложнее, поскольку его участники относятся к разным этническим группам и руководитель строит репертуар ансамбля так, чтобы в нем был представлен фольклор всех этих групп. При этом, к примеру, нанайцы и уйльта оказываются в неравном положении, поскольку первые имеют возможность связаться с представителями основной части нанайцев, проживающих на материке, и запросить консультации у них, а уйльта (как, впрочем, и нивхи) вынуждены брать информацию из трудов этнографов.

При этом следует отметить, что руководитель ансамбля резко осуждает распространившуюся практику заимствования элементов корякского фольклора, считая это неоправданным заигрыванием со зрителями, поскольку эти элементы не имеют отношения к «реальной» культуре КМНС Сахалина.

Говоря о заимствованиях в данном ключе, нельзя не отметить заимствования вынужденные — это, в первую очередь касается музыкальных инструментов. Поскольку технологии их изготовления во многом утрачены, а материалы труднодоступны: так, нерпичьи шкуры выделяются сейчас крайне редко вследствие большой трудоемкости процесса и изменения образа жизни, о собачьих шкурах можно сказать то же самое, кроме того, бубны из собачьих шкур, по словам информантов обладают достаточно глухим звуком и непригодны для выступлений перед залом. Вследствие этого ансамбли вынуждены заказывать бубны из оленьих шкур у мастеров Камчатки и Якутии, где технология их производства отработана куда лучше. Такие бубны отличны и по форме, и по материалу, и по звуку, однако многие считают их применение более целесообразным.

С точки зрения языковой ситуации в сфере фольклора также наблюдаются сложности. Поскольку большая часть участников ансамблей, за исключением небольшого числа энтузиастов и представителей (представительниц) старшего поколения, этническим языком не владеет, возникают сложности с пониманием и воспроизведением фольклорных произведений. Даже сами исполняемые ансамблями номера порой называются по-русски.

Сила традиционных представлений о доступном и запретном в культуре порой оказывается просто удивительной. Иногда такого рода представления распространяются и на деятельность фольклорных коллективов. Так, нам неоднократно приходилось встречать упоминания о наказании (болезнях или смерти), постигшем участников ансамблей, исполнявших роль шамана, но не являвшимся потомками шаманов: по мнению рассказчиков, эти люди не имели права заниматься такого рода «представлениями». Участники, использующие в своих номерах бубен, нередко просят у него разрешение перед своим выступлением.

Если говорить об источниках, на основании которых конструируется и транслируемый образ и создаются средства его трансляции, то можно выделить две категории: литература и полученная от представителей старшего поколения информация.

Среди литературы информанты, как упоминалось выше, выделяют книгу Е.А. Крейновича, а также недавний труд Н.А. Мамчевой, посвященный нивхским музыкальным инструментам (Мамчева 2012). В качестве источника для сюжетов наши информанты называли произведения В.М. Санги, основанные на нивхском фольклоре, собранном им в студенческие годы в ходе полевой работы.

Отметим, что опрошенные участники ансамблей отзывались о своей деятельности с большим энтузиазмом и гордостью. Родители посещающих ансамбли детей выражали удовольствие по этому поводу и сожалели только о том, что дети будут знать о своем народе больше них, родителей, которые не в состоянии ничего им в этом отношении дать.

Что же касается создаваемого ансамблем образа коренного народа, то осмелимся предположить, что транслируемый внутри образ создает ощущение сохранной преемственности культуры во времени и способствует укреплению этнической идентичности. Кроме того, красивые и зрелищные выступления, вероятно, ассоциирующиеся с «золотым веком» истории и культуры той или иной этнической группы, вполне могут способствовать поддержанию некоторого оптимизма на фоне сложных экономических и социальных условий.

Ремесла, народные промыслы

К числу народных промыслов, характерных для коренных малочисленных народов Сахалина относятся: работа с деревом, вышивка, работа с мехом и кожей нерпы, сивуча, собаки, оленя, работа с рыбьей кожей и берестой.

В ходе экспедиции удалось посетить несколько мастерских, среди них мастерскую при организации коренных малочисленных народов «Кыхых» в с. Некрасовка и мастерскую общественной организации КМНС г. Охи, а также встретиться с рядом мастеров, работающих самостоятельно. Среди них В. Осипова, В. Изгин, Л.И. Югайн, А. Мыгун, Н. Ялина.

Мастера и любители (в первую очередь, работающие с вышивкой), неоднократно признавались, что берут орнаменты из книг, посвященных орнаментам народов Севера. Некоторые сообщали, что способны придумать орнамент для вышивки сами, однако все мастера, даже представители старшего поколения, соглашались с тем, что первоначальное значение орнаментов утрачено.

Интересно, что несмотря на убежденность информантов в том, что прежде элементы орнамента и (в некоторых ответах) цвета нитей имели определенное значение, которое ныне утрачено, новые значения орнаментам не присваиваются.

С другой стороны, извне, например, в СМИ, практически все изделия народных промыслов наделяются статусом «древних» и «традиционных». Так, изделия В. Осиповой считаются выполненными «в традиционной технике, которой северяне владели с незапамятных времен»³, несмотря на то, что, по ее собственному заявлению, техника авторская.

Говоря о роли, которую народные промыслы играют в формировании образа КМНС, можно сравнить ее с деятельностью ансамблей, однако, пожалуй, единственное громкое упоминание работ сахалинских резчиков за последнее время — это сообщение о построенных Л.И. Югайном и В. Изгином лодках для праздника встречи родов. Также некоторую известность изделиям сахалинских мастеров придают сообщения об участии сахалинских делегаций в крупных выставках, таких, к примеру, как проводимая на ВВЦ ежегодная и достаточно престижная выставка «Сокровища Севера».

Несмотря на относительно большое число мастеров народных промыслов, о популярности их изделий говорить трудно. Среди причин этого, помимо прочего, и достаточно высокая их стоимость (халат из ткани с вышивкой может стоит от 10 до 17 тысяч рублей, в зависимости от сложности работы), и желание мастеров работать только на заказ, и некоторые логистические затруднения: северные районы, где проживает большая часть мастеров, менее населены и

³ <http://aleksandrovsk-sakh.ru/node/2034>

реже посещаются приезжими, нежели юг острова. Изготовление более мелких, популярных и доступных по цене изделий — таких как подвески или чехлы для телефонов, многим мастерами кажется нерентабельным — установить покрывающие затраты времени и материалов цены не представляется возможным. Изделия резчиков на рынок в настоящий момент вообще не поступают.

Мастерская общественной организации в Охе занимается пошивом современной одежды с этническими мотивами, однако о ее популярности говорить, по словам самих швей, сложно. Несколько выше спрос на аналогичные изделия — одежду и сумки — производимые цехом поронайского хозяйства «Тый».

Действовавшие в 1990-е и ранее сувенирные цеха, такие как «Абориген Сахалина», закрылись в силу, вероятнее всего, нерентабельности. Существующие ныне мастерские представляют собой, скорее, клубы по интересам, нежели коммерческие учреждения, позволяющие иметь относительно стабильный заработок. Единственный функционирующий подобным образом цех принадлежит родовому хозяйству «Тый».

Существует также проблема, о которой в интервью говорили мастера, посещающие крупные выставки и фестивали на материке: отсутствие возможностей для обмена опытом и обучения у выдающихся мастеров, к примеру, из числа амурских нивхов. Мастер-классы на Сахалине проводятся достаточно редко, а возможности выехать на обучение у большинства мастеров нет.

В быту продукты традиционного ремесла самими представителями коренных народов практически не используются. Так, халаты носят в основном участники ансамблей во время выступлений, произведения резчиков также заказывают в основном музеи. При этом информанты старшего и среднего возраста достаточно часто высказывали мысли о том, что желали бы иметь национальный костюм, даже если носить его они не собираются: «... уже созрели на то, чтобы у них, как говорится, в гардеробе обязательно был халат – *хухт*. Каждый хочет».

В некоторых случаях традиционная национальная одежда является частью идентичности, поиск которой с возрастом и сменой социальных ролей становится вновь актуальным.

Литература

Основным и практически единственным писателем, пишущим о нивхах, для нивхов и на нивхском языке, является Владимир Михайлович Санги, творчеству

которого посвящена обширная литература и энциклопедические статьи (см., напр.: Funk 2005: 1836–1838). Другие современные авторы, способные создавать крупные литературные произведения на этнических языках, нам не известны. Попутно можно отметить, что попытки литературного творчества все же предпринимались отдельными яркими представителями аборигенных народов Сахалина: так, в ходе работы в селе Некрасовка нам удалось обнаружить рукопись Н.В. Соловьева, посвященную временам установления Советской власти на Сахалине и написанную в стиле старинных нивхских сказаний.

Говоря о творчестве действительно яркого самобытного писателя и поэта В.М. Санги, следует все же отметить, что, поскольку его произведения написаны на восточно-сахалинском диалекте нивхского языка, амурский и, в особенности, «шмидтовский» – северо-сахалинский, оказываются лишены литературного выражения. При этом, несмотря на то, что еще один известный нивхский автор и ученый, Ч.М. Таксами, использовал в своей литературной деятельности амурский диалект, его имя ни разу не прозвучало в наших беседах с информантами, за исключением одного упоминания, не имевшего отношения к литературе и языку.

Что касается современных произведений сахалинских писателей, то трудно сказать, чтобы коренным народам было посвящено большое количество произведений. В целом коренные народы редко фигурируют в произведениях современных (в особенности молодых) сахалинских авторов. Можно назвать разве что пьесу С.В. Лозовского «Анлой», написанную по мотивам нивхских легенд.

Существуют и издаются произведения молодых писателей и поэтов из числа КМНС (напр., Е. Ловгун, Г. Кехан), однако они, к сожалению, недостаточно известны даже на острове, не говоря уже о более широкой публике.

Следует отметить, что не так давно сахалинским драматическим театром «Чехов-центр» был поставлен спектакль по мотивам повести Чингиза Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря»⁴, однако резонанса данный спектакль не вызвал ни среди представителей КМНС, ни среди широкой публики: в разговорах с информантами он не был упомянут. При этом сама повесть была названа однажды, в беседе с человеком, лично говорившим с Айтматовым. Также один раз в интервью зашла речь о снятом по книге фильме — информант принимал участие в массовке. В целом, трудно говорить о каком-либо отношении нивхов к образу их этнической группы, транслируемому через повесть Айтматова.

⁴ <http://www.sakhalin.info/news/83905/>

В целом наши полевые материалы позволяют достаточно уверенно говорить о том, что многие представители коренных малочисленных народов Севера Сахалина желали бы, чтобы их язык и особенности их культуры и повседневности были бы зафиксированы — в литературной или какой-либо иной форме — как можно подробнее и сохранены для будущих поколений.

Образование

В настоящее время преподавание нивхского языка ведется только в младших классах нескольких школ Сахалинской области и включает в себя только минимальное знакомство детей с нивхской культурой. При этом недостающую информацию даже при наличии заинтересованности дети практически не могут получить от родителей, поскольку те — за исключением активных участников ансамблей и ремесленников — сами не всегда обладают достаточными познаниями в этой области. Практически во всех случаях в качестве источника называется, и реально служит таким источником, книга Е.А. Крейновича «Нивхгу».

В целом преподавание краеведения ведется в ограниченном объеме и сводится по большей части к истории открытия и освоения региона. При общении с жителями юга Сахалина (не из числа КМНС) и в ходе интервью зачастую обнаруживалось, что информанты, несмотря на наличие среднего и порой высшего образования, не могут даже назвать коренные малочисленные народы острова, не говоря уже о каких-то элементах их культуры.

До недавнего времени краеведение в школах Сахалинской области велось только номинально: в частности, в рамках уроков английского языка школьники читали учебник М.С. Высокова «Brief History of Sakhalin and the Kurils» (Vysokov 1996).

В вузовском учебнике истории Сахалина и Курильских островов, рассчитанном на студентов-историков (Высоков и др. 2008), нивхам и уйльта отведено ок. 5% текста (40 страниц) и еще девять страниц — теме «Влияние колонизации на жизнь коренного населения Сахалина и Курил». Спецкурс «История Сахалина и Курил», преподаваемый в рамках других специальностей вуза, содержит еще меньше информации. По словам информантов-студентов, интерес к этому курсу крайне низок.

В 2005 г. приказом Департамента образования Сахалинской области был утвержден региональный компонент государственного стандарта общего образования (Приказ 2005) по курсу «Краеведение», а в 2008 г. вышел учебник

для пятого класса, однако, по нашей информации, предмет «Краеведение» преподается далеко не во всех школах области.

Говоря о школьном образовании, нельзя не упомянуть две школы из числа тех, где нам довелось побывать в ходе экспедиционных работ, ориентированные на работу с детьми из числа коренных малочисленных народов Севера и в программу которых входят соответствующие компоненты. Это школа с. Некрасовка, школа №2 пос. Ноглики и лицей на о.Южный в Поронайске. Обе школы, ранее национальные, теперь работают с детьми разных национальностей, но «северный» компонент сохранился не только в программе — в виде факультативных уроков нивхского языка — но и в организации внешкольного досуга детей. При обеих школах проводятся летние лагеря, в рамках которых дети знакомятся с составляющими нивхской культуры. Также при школах существуют спортивные команды по национальным видам спорта.

Транслируемый через работу летних лагерей образ нивхов — образ рыболовов и охотников, тесно связанных с природой, активных, сильных и способных довольствоваться малым. Образ охотника и рыболова при этом становится ведущим. Что касается транслируемого в школе традиционного гендерного распределения ролей, полевые данные не позволяют утверждать, что оно имеет место. Образ охотника и рыболова транслируется одинаково и мальчикам и девочкам.

В программу летних лагерей входят спортивные мероприятия, уроки нивхского языка и знакомство с традиционными ремеслами. Ранее, когда ногликский летний лагерь «Норх» проходил в форме туристического лагеря на берегу Ныйского залива, дети учились обработке и ловле рыбы, а также приготовлению в полевых условиях национальных блюд. Можно предположить, что в такой форме детям было легче преодолеть разрыв во времени и культуре и идентифицироваться с охотниками и рыболовами, образ которых им не был знаком с раннего детства. К сожалению, в настоящее время выездных лагерей для детей КМНС нет.

В Поронайске, несмотря на наличие лицея-интерната, рассчитанного на подростков из числа коренных малочисленных народов Севера, не удалось обнаружить сколько-нибудь оформленного образа представителя того или иного из малочисленных народов, транслируемого через школу. На основании интервью можно заключить, что теперешнее руководство лицея придерживается, скорее, ассимиляционного подхода (если вообще существует мотивировка какого-либо осознанного подхода).

Интерес представляет сообщение педагога детского сада «Светлячок» (пос. Ноглики), работающей с детьми КМНС, о попытках познакомить детей с самого раннего возраста с культурой собственного народа. Разработанная ею с этой целью программа также основана на образе рыболова и морского охотника. Так, в рамках одного упражнения, дети пытаются «добыть» муляж нерпы, используя вместо гарпуна мешочки с песком.

Спорт

На Сахалине, как и в других местах проживания коренных народов Севера, проводятся соревнования по национальным видам спорта. Наиболее интенсивно занимаются этим школьники, однако в Поронайске нам удалось наблюдать участие в такого рода соревнованиях и молодых мужчин.

Собственно, национальные виды спорта включают в себя так называемое «северное многоборье»: бег с палкой по пересеченной местности, стрельба из лука, метание топора, прыжки через нарты, тройной прыжок. Кроме того, на Сахалине, к этому добавляется метание гарпуна с качелей и широко распространенный в тюрко-монгольском мире элемент «трех игрищ мужей» — национальная борьба на поясах. Некоторые из информантов упоминали также о прыжках через веревку. В местах проживания оленеводов в список видов спорта входит и метание аркана. В соревнованиях, в настоящее время обычно сопровождающих обряд кормления моря, используется такой вид, как скоростной спуск лодки на воду.

Зимние виды спорта включают в себя бег на лыжах и охотничий биатлон.

По большей части эти виды спорта трудно назвать национальными. Так, ни нивхи, ни уйльта, насколько можно судить по этнографическим материалам, боевых топоров не использовали.

Образ, формируемый спортом, это вновь образ охотника и рыболова. С другой стороны, на основании собранного материала трудно сделать выводы о влиянии традиционных видов спорта на идентичность участников, и о впечатлении, которое спортивные мероприятия производят на стороннего зрителя. И те, и другие выказывали достаточную индифферентность. Так, юные борцы из с. Некрасовка на вопрос о том, почему поединки проходят обязательно в национальной одежде, затруднились с ответом, на вопрос, ощущают ли различие они сами, ответили отрицательно. Бабушка одного из участников соревнований — сама член общественной организации народов Севера — призналась, что и для нее, и для внука это просто спорт. Выказывавшие

энтузиазм дети позднее признавались, что национальные виды спорта для них — это способ подготовки к участию в видах спорта более «традиционных», то есть современных, таких как волейбол и легкая атлетика.

В спортивных состязаниях активизируется не только и даже, наверное, не столько этническая, сколько региональная/локальная идентичность, поскольку соревнования обычно проводятся между районами.

Антропонимикон

Порой очевидные формы позитивной репрезентации КМНС остаются вне поля зрения как простых людей, так и, условно говоря, «имиджмейкеров» в лице ассоциаций КМНС или государственных административных структур.

Известно, что у значительного числа этнических групп КМНС по всей России устойчиво сохраняется и транслируется следующим поколениям такой способ репрезентации своей культурной специфики как собственная антропонимическая система. Группы, принявшие православие, как правило, не сохранили специфики в именнике, хотя порой прежние имена оказались застывшими в «говорящих» фамилиях людей. На Сахалине ни у эвенков, ни у северных уйльта какой-либо специфики в антропонимической системе в целом выявить уже не удастся. Собственные специфические фамилии сохраняются у нанайцев (Бельды, Киле и др.), а также — фамилии эпохи Карафута — у большинства нивхов и уйльта Поронайска. Наибольшей же этнической спецификой в данном случае обладают нивхи, у которых традиционные имена отчасти образовали фонд наследственных фамилий (Авдин, Анюнь, Вазгун, Ваклик, Вовкук, Воркун, Зальгук, Играин, Кавозг, Кехан, Ловгун, Лок, Окляв, Паркизин, Погыон, Пулюс, Садыгун, Санги, Сачгун, Тлавгун, Хурьюн, Чвыгайн, Чхаврун, Экзайн и др.), но также сохранились в качестве вторых имен у представителей самого старшего поколения и в памяти многих людей о своих родословных. Этот ресурс саморепрезентации был замечен лишь недавно. В качестве позитивного события можно отметить издание брошюры Р.П. Хайловой (2011) со списком нивхских имен и их предварительной этимологией. Обширный нивхский именник при правильной организации его «продвижения» вполне мог бы стать дополнительным фактором формирования чувства национального достоинства у собственно нивхов, но также и – выйдя за пределы собственно нивхской этнической группы – послужить расширению скудного списка имен при имянаречении у представителей любых иных этнических групп в регионе.

Национальная кухня

Заслуживает упоминания и такое явление, как саморепрезентация через национальную кухню. Практически все информанты называли национальную кухню в более или менее адаптированном к современным, европеизированным вкусам, составляющей своей идентичности.

Можно сказать, что основу ее для нивхов и части уйльта составляет рыба. Питание рыбой, пусть даже и приготовленной европеизированным способом является, по мнению подавляющего большинства информантов, неотъемлемой частью идентичности. Так, многие из них подчеркивали невозможность для себя переезда даже в крупные города области, поскольку там невозможно получить свежую рыбу в достаточном количестве.

Также неотъемлемой частью кухни и, если можно так выразиться, гастрономической идентичности является нерпичье мясо и сало.

Основываясь на ответах информантов, можно вывести следующее утверждение: «Я — нивх (реже уйльта) и понимаю это, потому что не в состоянии обходиться без рыбы и нерпичьего мяса». Во всяком случае, высказывания типа: «мои дети (внуки) смешанного происхождения все же нивхи, поскольку не могут обходиться без рыбы» встречались неоднократно. Также как и: «наши русские соседи — почти нивхи — поскольку они едят то же, что и мы».

«А сейчас даже русские называют друг друга гильяками. «А что, я не гильяк что ли, рыбу ем, нерпу ем, что я, не гильяк что ли?»».

Родители с гордостью заявляли, что их дети очень любят национальную пищу. В случае, если дети не умели готовить соответствующие блюда, родители выражали надежду научить их этому рано или поздно.

Учащиеся школы с. Некрасовка с гордостью и некоторой радостью сообщали, что на уроках труда А. Мыгун учила их готовить национальные блюда. Несмотря на то, что непосредственно в интервью таких утверждений и не звучало (вероятно, потому, что мы не задали соответствующие вопросы), можно предположить, что такого рода уроки содействовали укреплению их национальной идентичности и идентификации с положительным образом представителя КМНС как охотника и рыболова. Образ хозяйки, хотя также сопряженный с национальной кухней, упоминался реже, но также оценивался как положительный и желаемый.

С другой стороны, на основании разговоров с условно русскими, знакомыми с национальной кухней КМНС, можно заключить, что именно национальная

кухня является для них наиболее экзотическим и трудным в принятии элементом культуры КМНС, делающим последних в их глазах «другими». Впрочем, и сами представители КМНС часто подчеркивают, что их кухня не подходит «русским». Думается, что здесь сказываются этнические и стереотипы, во многом базирующиеся на незнании культур друг друга.

В области традиционной пищи, как и в иных областях культуры, активно идут процессы «трансформации традиций». Ряд блюд оказался адаптированным к современным несколько «европеизированным» вкусам, а также новому ритму жизни. Так, ритуальное блюдо «мос» — студень из рыбьих шкур, нерпичьего жира и ягод, который ранее приготавливался путем многочасового разминания шкур пестом, ныне готовится при помощи блендера с добавлением сахара и сгущенного молока. Блюдо «муви», ранее представлявшее собой толкушу из сушеной икры, нерпичьего жира и ягод (Крейнович 1973), трансформировалось в картофельное пюре с ягодой и сахаром.

И все же, независимо от степени трансформации способов приготовления традиционных блюд, нам представляется необходимой более активная организация диалога культур. Проблему этнических стереотипов можно решать не только через образование детей и взрослых и не только при помощи издания кулинарных книг с рецептами национальных блюд, но и с помощью таких практических дел, как открытие национальных кафе и ресторанов, где будут доступны и оленина, и мос, и муви, и блюда из рыбы.

Поиск древних корней

Одним из распространенных способов репрезентации «этничности» является обращение к сюжетам из области этногенетических исследований с поиском единых исторических предков и удревнении истории, с организацией «древних, но забытых» праздников, с последующим введением малоизвестной информации в школьные, а порой и в вузовские учебники. В целом, это направление, авторы которого обращаются в своем творчестве к идеям древней истории, до некоторой степени также может быть определено как «фольклорное». Здесь также может встречаться обращение к «традиционной культуре», к «этнической истории». Эта идея может отчасти воплощаться в праздничных, порой многолюдных действиях с ритуальными элементами. Вместе с тем, именно в такого рода деятельности особенно заметен авторский стиль. Подобные «традиции» проявляются в течение короткого времени и происхождение их легко проследить. В академической

науке вслед за Эриком Хобсбаумом их принято называть «изобретенными традициями» (*Hobsbawm, Ranger 1983: 1*).

На Сахалине изобретенные традиции отчетливо видны в риторике общественных деятелей, использующих речевые конструкции типа «тысячелетняя духовная память великих предков»⁵ или же обращающихся к поискам «первоистоков» в археологических памятниках (Санги 1998), которые обычно самими археологами таковыми не считаются. Консолидация разрозненных территориальных, а в прошлом родовых групп нивхов, а также обоснование своего места среди так называемых «исторических» народов как цели такого рода деятельности, очевидны и в целом, особых вопросов (за исключением академической критики) не вызывают: это обычный для любой этнической группы прием в период национальной консолидации. Важен он и с точки зрения формирования персональных позитивных этнических идентичностей, поскольку позволяет людям избавиться от негативных ассоциаций и стигмы «отсталости», зачастую связанной в советской и нынешней российской риторике с термином «коренные народы».

Среди уйльта аналогичное направление мысли нами не отмечено, в том числе и, видимо, по причине отсутствия пока ярких национальных лидеров.

У нанайцев и эвенков Сахалина нет необходимости обозначать себя каким-то особым образом, дабы утвердиться среди более многочисленных этнических групп, поскольку они в большей (нанайцы) или меньшей (эвенки) степени ассоциируются и ассоциируют себя с многочисленными «материнскими» группами материковой части России. Недавно переселившиеся на остров нанайцы до сих пор, согласно информантам, пользуются консультациями своих соплеменников с материка.

СМИ

Особой сферой, в значительной степени также обслуживающей все выделенные выше направления и способы репрезентации КМНС Сахалина, являются средства массовой информации. Среди обилия имеющихся материалов выделим лишь два вида презентаций: репрезентация КМНС Сахалина областными средствами массовой информации и саморепрезентация, осуществляемая в основном Охинской общественной организацией коренных малочисленных народов Севера «Кыхкых» через сайт организации и газету «Нивх Диф» («Нивхское слово»).

⁵ <http://www.simdp.ru/?page=news&id=1223>

В ходе знакомства с тем, какой образ коренных малочисленных народов транслируется областными средствами массовой информации, отражающими мнение доминирующей культуры и обращенными к ее носителям, было отмечено весьма небольшое количество публикаций, посвященных КМНС. Большая часть этих статей сводилась к освещению праздников, фестивалей и других мероприятий, проводимых коренными малочисленными народами⁶, а также поездок делегаций КМНС Сахалина на крупные фестивали КМНС на материке. Встречаются сообщения о презентациях книг, связанных с КМНС⁷.

Правовые и политические вопросы, связанные с КМНС в прессе отражены слабо. Как пример можно, пожалуй, привести интервью с президентом ассоциации КМНС Сибири и Дальнего Востока Г. Ледковым⁸, сообщения о переводе «Декларации прав человека» на нанайский и нивхский языки⁹ и недавнем издании Всеобщей декларации прав человека и Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов на языках всех четырех основных групп КМНС Сахалина (Презентация 2015)¹⁰, а также сообщение о протестах нивхов против проведения геологоразведки в местах рыбного промысла¹¹.

При этом следует отметить, что такие новости, опубликованные на интернет-порталах, практически не вызывают обсуждения. Тема КМНС в обсуждении обычно поднимается в связи с выловом рыбы (в первую очередь, лосося) и тратами области на поддержку коренных малочисленных народов. Очень характерны для такого рода комментариев три темы: неограниченный вылов рыбы, на которую, по мнению авторов высказываний, КМНС не имеют права, излишние траты областной администрации на поддержку КМНС и протест против того, что коренными называют только четыре народа, а не все население, родившееся или долго прожившее на Сахалине и Курилах. Порой новости, связанные с КМНС, служат поводом для националистических высказываний, особенно в интернете.

Портрет КМНС, который можно составить на основании такого рода

⁶ К примеру: <http://www.sakhalin.info/news/07.08.2013/85680/>, <http://www.sakhalin.info/news/74609/>

⁷ К примеру: <http://www.sakhalin.info/news/79911/>

⁸ <http://www.sakhalin.info/news/85076/>

⁹ <http://sakhvesti.ru/?div=skr&id=128093>, <http://www.sakhalin.info/news/02.08.2013/85614>

¹⁰ См. тж. информацию на сайте <http://www.sakhalinenergy.ru> в разделе «Пресс-релизы»; на сайте ИЭА РАН в разделе «Новости науки» за 27.02. 2015 г. (<http://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=591>). Следует заметить, что недавно в журнале «Вестник антропологии», выпускаемом в Институте этнологии и антропологии РАН, была опубликована критическая заметка с тезисом о нецелесообразности такого рода изданий (Чешко 2015: 136–140).

¹¹ <http://www.sakhalin.info/news/55762/>

комментариев, выглядит, скорее, негативно. Среди понятий, чаще всего сопряженных с понятием «представитель КМНС» (разделение на конкретные этнические группы в этом контексте отсутствует, см. тж. Гл.1), встречаются такие как «алкоголизм», «нежелание работать», «иждивенчество». Трудно, впрочем, однозначно сказать, связано ли это собственно с образом сахалинских КМНС, или же с господствующими в российском интернете настроениями (см. Ураева, Боголюбова 2013: 12).

Что касается транслируемого СМИ образа, то уже из тематики публикаций ясно, что создается весьма экзотизированная картина. Малочисленные коренные народы предстают перед зрителями и читателями одетыми в национальную одежду носителями языческих верований и исполняющими древние экзотические обряды.

Коренные малочисленные народы как общности граждан современной России, живущие в той же информационной, правовой и политической среде, что и авторы публикаций, практически не находят своего отражения в СМИ.

Можно предположить, что это связано с устоявшимися схемами изображения КМНС, продиктованными патерналистским отношением к ним со стороны советского государства. Новые схемы существуют, но в Сахалинской области, ввиду действительно малой численности означенных этнических групп, в них, судя по всему, не возникало нужды. Кроме того, по всей видимости, экзотизация пока не является настолько актуальной для коренных народов Сахалина проблемой, чтобы породить громкий протест.

С другой стороны, из разговоров с информантами следует, что им хотелось бы избавиться от негативных коннотаций, связанных со словосочетанием «КМНС» и занять равное с представителями других, более многочисленных народов, место, однако жертвовать ради этого своей идентичностью и различиями в образе жизни они не готовы.

Что касается СМИ самих КМНС, то картина представляется несколько другой. Разумеется, фольклорным праздникам и фестивалям уделяется определенное место, но, в частности, на сайте Охинской местной общественной организации «Центр по сохранению и развитию традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера «Кыхкых» («Лебедь»») (<http://www.kykhkykh.org>) размещено равное или даже большее количество материалов, посвященных политическим и экономическим темам. Публикуются также и новости, посвященные другим народам Севера и Сибири. В целом, можно заключить, что сайт и (в меньшей

степени) газета этой организации «Нивх Диф», посвящены формированию образа нивхов как народа в первую очередь современного, хотя и имеющего особенности, отличающие его от, условно говоря, усредненной российской культуры и повседневности западного образца, занимающего свое место в системе других подобных народов.

И сайт, и газета «Нивх Диф», предназначены, судя по содержанию новостей, для нивхской аудитории. Отметим, однако, что далеко не все представители целевой аудитории имеют доступ к интернету и обладают компьютерной грамотностью. По крайней мере, в ходе разговоров с информантами за пределами собственно организации сайт не упоминался вовсе.

* * *

Преобладающим в настоящее время подходом КМНС к саморепрезентации является так называемое фольклорное направление. До определенной степени оно поддерживается и извне — традиционный образ жизни и хозяйствования спонсируется государством и предприятиями нефтегазового комплекса, СМИ делают акцент на «традиционном», представляя культуру и повседневность КМНС.

Такой подход, вероятно, нельзя назвать прогрессивным, но на данный момент он представляется оптимальным, поскольку даже изобретенная история и изобретенные традиции могут служить некоторым якорем в условиях социальной и экономической нестабильности. Кроме того, такой подход позволяет создать положительный образ народа в противовес сложившемуся и тиражируемому в общественном сознании весьма негативному, и идентифицироваться с ним. Отметим также ориентированность фольклорного подхода на время до интернатов и, таким образом, на идею независимости и самодостаточности — весьма важную в сложившихся условиях.

Что касается транслируемых и внутрь и вовне образов, то, несмотря на неоднократно высказываемое информантами положение о спокойствии, мягкости и уступчивости нивхов, образ представителя коренных народов севера является в первую очередь образом охотника и рыболова. Гендерное разделение образов присутствует — образ мягкой, послушной жены, умелой хозяйки и заботливой матери, находит выражение в номерах фольклорных коллективов, при этом «хозяйка» выступает на первый план, однако не педалируется сверх меры. Вероятно, это связано с подавляющим преобладанием женщин в сферах, относящихся к фольклору.

Образ охотника и рыболова можно считать при этом главенствующим.

Несмотря на годы интернатского образования и порожденный ими культурный разрыв, традиции остаются для КМНС ценностью, равно как и этническая идентичность. Это представляется вполне положительным явлением, поскольку дает, в условиях сложной социальной ситуации, необходимую опору для дальнейшего движения.

Традиции, легитимизированные опорой на этнографические источники или на воспоминания современных пожилых людей, или же откровенно «изобретенные», во всех случаях — при принятии их хотя бы какой-то частью этнической группы — со временем становятся равно легитимными; как и «аутентичная» традиция, традиция изобретенная также имеет свое начало и не будет существовать вечно, во всяком случае, в неизменном, застывшем виде.

Источники и литература

- Высоков и др. 2008 — Высоков М.С., Василевский А.А., Костанов А.И., Ищенко М.И. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времён до начала XXI столетия: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений региона по специальности “История” / Ответственный редактор д.и.н. М.С. Высоков. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2008. 712 с.
- Крейнович 1973 — Крейнович Е.А. Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973.
- Мамчева 2012 — Мамчева Н.А. Музыкальные инструменты в традиционной культуре нивхов. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. тип., 2012. 386 с.
- Миссонова 2006 — Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина. Большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука 2006.
- Презентация 2015 — Презентация сборника основополагающих документов ООН на языках коренных народов Севера Сахалинской области // ООН в России. От экономического роста к устойчивому социальному развитию, основанному на правах человека, 2015, №1 (97), с.9–10. http://www.unrussia.ru/sites/default/files/oon_097_rus.indd_.pdf
- Приказ 2005 — Приказ департамента образования Сахалинской области №528-ОД от 12.09.2005 г. «Об утверждении Регионального (национально-регионального) компонента государственного стандарта общего образования в Сахалинской области».

- Роон 1996 — Роон Т.П. Уйльта Сахалина. Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII — середины XX вв. Южно-Сахалинск, 1996.
- Санги 1998 — Санги В. Город - крепость древних нивхов: [О территории на сев. - вост. побережье Сахалина] // Сов. Сахалин. -1998. - 14 окт.
- Ураева, Боголюбова 2013 — Ураева Г.Е. Боголюбова О.Н. Опыт переживания онлайн-агрессии у молодых взрослых: современное состояние и перспективы исследования проблемы // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 27. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.03.2015 г.).
- Хайлова 2011 — Хайлова Р.П. Нивхское имя. Южно-Сахалинск, с. Некрасовка, Центр по сохранению и развитию традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера «Кыхкых» («Лебедь»), 2011. 46 с.
- Харитонов, Функ 2004 — Харитонов В.И., Функ Д.А. Духовная культура и религия // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад под ред. В.А. Тишкова. М., 2004. С. 149–176.
- Чешко 2015 — Чешко С.В. А надо ли переводить сопромат на язык айнов? // Вестник антропологии, 2015, №2 (30), с.136–140.
- Funk 2005 — Funk D. Sangi, Vladimir // Encyclopedia of the Arctic. Ed. Mark Nuttall. New York: Routledge, 2005. 3 vols. P. 1836–1838.
- Hobsbawm, Ranger 1983 — Hobsbawm Eric and Terence Ranger (eds.) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.
- Vysokov 1996 — Vysokov M. A Brief History of Sakhalin and the Kurils. Yuzhno-Sakhalinsk: The Sakhalin Book Publishing House, 1996. 84 p.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Большая часть выявленных нами проблем имеет, несомненно, системный характер. С учетом сложности предложения в этой ситуации «однозначных» рекомендаций и следует воспринимать предлагаемый ниже набор первоочередных мер. Авторы понимают важность и, может быть, даже первостепенность решения блока экономических задач, которые при успешной постановке дела смогут дать когда-нибудь положительные результаты и в иных анализировавшихся нами областях. Тем не менее, мы осознанно отказались от формулировки каких бы то ни было предложений собственно в сфере экономики: анализировать имеющийся материал без привлечения опытных экономистов вряд ли будет разумным. То же самое касается и нашей оценки и возможных предложений в сфере областного законодательства. База нормативно-правовых документов Сахалинской области в целом является на сегодняшний день одной из наиболее позитивных в целом в Российской Федерации по отношению к КМНС. Тем не менее, проблемы, и весьма серьезные, остаются и порой видны даже невооруженным глазом. И все же, как и в случае с экономическими вопросами, мы решили не затрагивать в своих рекомендациях собственно правовые вопросы, не имея в своем составе профессиональных юристов, специализирующихся на вопросах обычного права и в целом законодательства в сфере отношений государства с аборигенным населением циркумполярного пояса.

В области социальной сферы можно предложить:

- создание благотворительных фондов на местах, для покрытия срочных нужд, таких как ликвидация последствий пожара, срочное лечение, похороны и т.п.;
- целевое обучение выпускников школ, с тем, чтобы по окончании среднего или высшего профессионального учебного заведения, они имели возможность поступить на работу в оплатившую обучение организацию;
- включение в список грантов дотации на ремонт жилья тем семьям, которые не имеют возможности осуществить его самостоятельно и вынуждены жить в малоприспособленных для этого условиях. Это может положительно повлиять как на психологическое состояние семьи, так и на ее физическое здоровье;

- субсидирование малоимущим представителям КМНС транспорта из поселков в районный центр. Многие не обращаются к врачу, в том числе и потому, что не в состоянии до него доехать.

Для оптимизации отношений между коренными народами и промышленными компаниями считаем необходимым предложить следующее:

Содействие коренным народам должно иметь комплексный характер, а принимаемые меры должны быть рассчитаны на долгосрочную перспективу.

- Компании обязаны предоставлять информацию о проектах и сроках проведения общественных слушаний, которые следует назначать с учетом хозяйственного цикла коренных народов. Представляется целесообразным развивать и обратную связь, чтобы жители могли отправлять свои жалобы и предложения;
- При упоминании коренных народов в документации, отчетах, справочных изданиях следует избегать колониальной риторики и ошибочной или устаревшей терминологии; с этой целью возможно организация семинаров для административных работников силами специалистов в области социальной антропологии/этнологии;
- Помимо мероприятий, ориентированных на привлечение туристов к культуре коренных народов Сахалина, следует обратить внимание на финансирование социальной сферы, образования и деятельности, направленной на сохранение языков КМНС;
- Хорошим решением проблемы безработицы и оптимизации отношений с жителями поселков могла бы стать финансовая поддержка их обучения по профильным специальностям с возможностью последующего трудоустройства в промышленных компаниях;
- В местах промышленного освоения необходимо вести постоянный мониторинг экологической ситуации. Помимо специалистов к этой деятельности могут быть привлечены представители коренных народов, которые в силу специфики своей традиционной хозяйственной деятельности и ее зависимости от биоресурсов хорошо знают флору и фауну Сахалина и тонко реагируют на любые изменения в экологии;
- В дополнение к экологической экспертизе настоятельно рекомендуется проведение «этнологической экспертизы» (social impact assessment / оценка социального воздействия) без ограничения ее задач этническим аспектом проблемы или лишь проблемами, связанными с нефтегазовой

отраслью хозяйства. Попутно хотелось бы обратить внимание на неразработанность в РФ процедуры т.н. этнологических экспертиз и на отсутствие адекватного научного инструментария. Без использования зарубежного опыта в данном случае обойтись не удастся.

В деле сохранения языков КМНС

Эта задача должна решаться комплексно, с хорошо разработанной программой языкового планирования. Единичные мероприятия окажутся лишь бессмысленной тратой денег и сил. Поэтому такая программа должна быть направлена на достижение долгосрочного эффекта, что невозможно без существенного расширения сферы использования языков КМНС.

Основные меры поддержки, которые можно рекомендовать принять в отношении языков Сахалина:

- По возможности введение уроков родных языков в детских садах и школах во всех поселках компактного проживания коренных народов;
- Организация семинаров с целью знакомства общественности с современными методиками («языковое гнездо» и пр.) возрождения миноритарных языков;
- Применение альтернативных форм языкового обучения, в которых основной акцент делается на коммуникативных навыках с устранением на время обучения языка-посредника (русского);
- Разработка современных учебников для невладеющих миноритарными языками. Эти учебники должны быть подготовлены как для школьников, так и для взрослых;
- Финансовая поддержка языковых курсов для взрослых;
- Привлечение представителей старшего поколения к возрождению языков коренных народов;
- Разработка системы переквалификации учителей родных языков в виде семинаров и краткосрочных курсов с приглашенным методистом;
- Обеспечение поддержки языков КМНС Сахалина наиболее распространенными программными продуктами, создание корпусов текстов на языках КМНС, разработка электронных словарей, модулей проверки орфографии и т. п. с опорой на имеющийся в стране опыт и с привлечением энтузиастов из числа коренных жителей.

В сфере образования

При принятии каких-либо мер по решению проблем в образовании необходимо осознавать, что поставленные проблемы касаются не только детей коренных народов Сахалина, поэтому меры должны применяться с учетом всех детей. На наш взгляд, неприемлемо открыто/подчеркнуто выделять детей КМНС, особенно в дошкольном и школьном образовании. Выделение какой-либо группы из общей массы и обеспечение ей особых условий помимо создания неравных возможностей имеет ряд негативных последствий: например, ощущение неравенства между детьми (психологическая напряженность как у окружающих детей, так и у самих детей из числа КМНС).

Набор мер, рекомендованных к осуществлению:

- Разработать программы и организовать непрерывное этнокультурное образование: от детских садов до ВУЗов

Дошкольное образование

- Организовать дополнительное дошкольное образование в виде детских садов (возможно, частных, но получивших лицензию) и кружков интеллектуального развития для детей младшего возраста

Школьное образование

- Разработать программу курса краеведения, в который будут входить география, геология, биология, экология, история, этнография, литература. Продумать, как краеведческие темы соотнести со стандартными программами истории, географии, биологии и литературы. В программе необходимо показать параллели между учебной информацией и окружающей реальностью. Важно, чтобы после курса краеведения дети представляли историю Сахалина как часть истории России и мира. На литературном краеведении можно читать не только произведения сахалинских авторов и художественные книги о Сахалине, но и отрывки из этнографических работ Пилсудского, Крейновича, Штернберга и других выдающихся исследователей Сахалина. Это способствует интеграции разных предметных сфер;
- Разработать и издать методические пособия для учителей краеведения;
- Разработать и издать учебники краеведения (так, чтобы ими можно было обеспечить всех школьников), а также другие учебные пособия, в том числе наглядные. Можно для начала объявить конкурс на разработку

таких пособий (причем учителя могут разрабатывать пособия вместе с детьми). Можно использовать уже имеющийся опыт создания ярких профессионально подготовленных учебников и набора карт по таким предметам, как география и история, успешно используемым в учебном процессе в школах Чукотского АО;

- Организовать в Южно-Сахалинске курсы и преподавательский форум для учителей краеведения для обмена идей и дополнительного образования по краеведческим сферам;
- Создать возможность реализации детских изделий на специальных ярмарках (например, во время городских и поселковых праздников), также детские работы могли бы выкупать крупные компании или организации Сахалина в качестве ежегодного акта благотворительности и одновременно корпоративных сувениров (такая практика существует по всему миру);
- Обеспечить в школах проведения регулярных дополнительных занятий для слабых детей (курсы подтягивания по основной программе).

Среднее и высшее профессиональное образование

- Обратить внимание на необходимость скорейшего решения проблемы выпускников коррекционных классов за счет существующих социальных программ. Необходимой представляется организация частных училищ, курсов по техническим или творческим специальностям;
- Организовать дистанционное образование для тех, кто не имеет возможности учиться в других населенных пунктах.

В деле адекватной и позитивной презентации КМНС Сахалина:

- Создание учебника краеведения, полно отражающего, в числе прочего, достоверную информацию об этническом, культурном, языковом многообразии населения Сахалина;
- Восстановить летние детские лагеря с выездом в полевые условия, где дети смогут научиться навыкам охотника и рыболова и идентифицировать себя с положительным образом представителя своей этнической группы. Кроме того, навыки ловли и разделки рыбы весьма полезны и в современном быту. Стоит также принимать в такие лагеря некоторое количество условно «русских» детей;
- Желательно предоставить народным мастерам возможность посещать мастер-классы выдающихся ремесленников из числа КМНС и выезжать,

по возможности, на обучение. Такого рода мастер-классы важно проводить систематически в рамках специальной областной программы;

- Учитывая важность национальной кухни для идентичности, стоит зафиксировать ряд национальных рецептов и издать их в виде книги и рекламных буклетов. Содействовать, в первую очередь, представителям КМНС в открытии бизнес-предприятий общественного питания с использованием элементов национальной кухни;
- Наладить каналы сбыта изделий сахалинских мастеров, что позволило бы поднять и уровень работ, и несколько облегчить экономические проблемы, с которыми сталкиваются народы севера Сахалина. Использовать опыт «ярмарок» предметов народного декоративно-прикладного творчества аборигенов мира.

Сахалин обладает уникальным опытом взаимодействия всех заинтересованных сторон и уже значительным позитивным багажом такого взаимодействия. Несмотря на сложности, вызываемые многочисленностью аборигенных организаций, претендующих на исключительное представительство интересов КМНС, в целом все эти организации готовы к диалогу и с правительством области, и с промышленными компаниями. Здесь существует многолетняя практика поиска оптимальных форм сотрудничества с аборигенными организациями, в целом – поддержки экономических и социальных инициатив коренного населения. Как в государственных административных органах, так и в крупных нефтегазовых компаниях существуют специальные отделы по делам коренных народов Севера или связям с общественностью, что может рассматриваться в качестве позитивного фактора в деле оптимизации положения КМНС Сахалинской области. Сахалин является площадкой, где давно и плодотворно ведут исследования ученые самых различных направлений, в том числе и специалисты в области социальных и этнических процессов, причем не только российские: в развитии международного сотрудничества видится один из залогов успешности любых социально-ориентированных проектов.

Мы перечислили лишь некоторые важные достижения, которые можно рассматривать в качестве позитивных факторов, и предложили лишь некоторые из числа возможных рекомендаций. Ситуация с этническими культурами, в целом ситуация в социальной сфере меняется достаточно быстро, отвечая на любые социально-экономические трансформации в стране и в регионе. Предложенный нами взгляд на проблему и пути ее решения является,

безусловно, авторским видением, причем основанным на материалах по большей части экспедиционных работ одного года. Такого рода исследования должны стать регулярной практикой. Без организации постоянно действующего независимого социального мониторинга любые попытки выработать «раз и навсегда» некие решения будут обречены на неудачу. Мы рассчитываем, что выполненная нами работа станет первым шагом в деле организации такого рода мониторинга – составной части оценки социального воздействия («этнологической экспертизы») реализуемых на Сахалине проектов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1.

Распределение КМНС Сахалинской области по населенным пунктам (по состоянию на 01.04.2013 г.) (предоставлено начальником отдела коренных народов Севера аппарата Губернатора и Правительства Сахалинской области Е.А. Королевой)

Место традиционного проживания КМНС	Всего КМНС (чел.)	Нивхи	Ороки (уйльта)	Эвенки	Нанайцы	Другие этнические группы
МО ГО «Александровск-Сахалинский район», в том числе:	159	101	-	58	-	-
г. Александровск-Сахалинский	35	32	-	3	-	-
с. Виахту	73	20	-	53	-	-
с. Трамбаус	51	49	-	2	-	-
МО «Городской округ Ногликский», в том числе:	1 122	856	155	103	-	8
пгт. Ноглики	877	802	33	36		
с. Ныш	5	-	-	5	-	-
с. Венское	5	5	-	-	-	-
с. Катангли	14	14	-	-	-	-
с. Вал	221	35	122	62	-	-
МО ГО «Охинский», в том числе:	1 455	1 346	9	79	7	14
г. Оха	645	548	5	74	6	12
с. Некрасовка	720	708	4	5	1	2
с. Москальво	46	46	-	-	-	-
с. Рыбное	34	34	-	-	-	-
с. Рыбновск	10	10	-	-	-	-
МО ГО «Поронайский», в том числе:	609	231	217	39	115	7
МО ГО «Смирныховский», в том числе:	61	9	14	4	22	12
с. Буюклы	17	2	13	-	2	-
с. Онор	4	2	-	2	-	-
с. Орлово	12	-	-	-	12	-
с. Первомайск	9	-	-	-	-	9
с. Рошино	1	1	-	-	-	-
п. Смирных	18	4	1	2	8	3
МО «Тымовский городской округ», в том числе:	293	269	-	6	9	9
пгт. Тымовское	22	14	-	-	3	5
с. Чир-Унвд	226	225	-	1	-	-
с. Иркир	5	5	-	-	-	-
с. Арги-Паги	9	6	-	-	3	-
с. Адо-Тымово	6	6	-	-	-	-
с. Восход	3	-	-	-	3	-
с. Славы	5	-	-	5	-	-

с. Воскресеновка	3	3	-	-	-	-
с. Кировское	11	7	-	-	-	4
с. Молодежное	3	3	-	-	-	-
МО ГО «Город Южно – Сахалинск»	322	228	2	21	48	23
ИТОГО:	4 021	3 040	397	310	201	73

Таблица 2.

Половозрастной состав населения КМНС по группам (апрель 2013 г.)
(предоставлено начальником отдела коренных народов Севера аппарата
Губернатора и Правительства Сахалинской области Е.А. Королевой)

№ п/п	Наименование группы	ВСЕГО	Мужчины (чел.)	Женщины (чел.)	Сельское население (чел.)	Трудосп. возраст (чел.)	Средний возраст (лет)	Молодежь (от 18 до 35 лет, чел.)	Пожилые граждане (от 65 лет и старше)
1	Нанайцы	128	51	77	26	78	34,7	35 (27 %)	11 (9 %)
2	Нивхи	2221	977	1256	942	1376	28,2	765 (34 %)	74 (3 %)
3	Ороки (уйльта)	254	115	141	107	172	29,1	92 (36 %)	7 (2,7 %)
4	Эвенки	199	64	135	123	122	32,2	69 (35 %)	8 (4 %)
5.	Другие группы	104	-	-	-	-	-	-	-
	Итого (включая представителей других этнич. групп, проживающих дисперсно)	2906	1207/42 %	1609/55 %	1198/41 %	1748/60 %	31,05/1,2 %		100 (3,4 %)

Примечание: пожилых граждан в возрасте 80-84 года всего 7 человек (эвенки – 1 чел., уйльта – нет, нанайцы – 1 чел.; нивхи – 5 чел., из них пгт Ноглики – 4 чел, Оха – 1 чел.)

Таблица 3.

Число общин и родовых хозяйств КМНС по районам и видам хозяйственной деятельности по состоянию на 1 пол. 2013 г. (предоставлено начальником отдела коренных народов Севера аппарата Губернатора и Правительства Сахалинской области Е.А. Королевой)

Место традиционного проживания КМНС	Количество проживаю- щих из числа КМНС (чел.)	Количество общин и родовых хозяйств	Обществ. объеди- нения	Виды традиционной хозяйственной деятельности
1. МО ГО «Александровск – Сахалинский район»: г. Александровск-Сахалинский с.Виахту с.Трамбаус	172 40 81 51	8	0	Рыболовство, охота, собирательство дикоросов
2. МО «Ногликский городской округ»: пгт. Ноглики п. Вал с. Катангли с. Венское с. Ныш	1104 856 221 16 5 6	8	2	Рыболовство, оленьеводство, охота, собирательство дикоро- сов, художественные промыслы
3. МО ГО «Охинский»: г. Оха с. Некрасовка с. Москальво с. Рыбное с. Рыбновск с. Романовка	1422 601 713 44 48 10 6	18	2	Рыболовство, охота, собирательство дикоросов, художественные промыслы
4. МО ГО «Смирныховский»: пгт. Смирных с. Орлово с. Буюклы с. Омор с. Первомайск с. Пильво	53 15 11 11 4 9 3	0	0	
5. МО ГО «Поронайский»: Г. Поронайск, С. Гастелло С.Забайкалец	525 509 14 2	19	2	Рыболовство, охота, собирательство дикоросов, художественные промыслы
6. МО «Тымовский городской округ»: с. Чир-Унвд с.Иркир с. Арги-Паги с. Адо-Тымово с. Восход с. Славы с. Воскресеновка с.Кировское пгт. Тымовское	289 225 4 10 10 3 5 1 11 20	6	1	Рыболовство, охота, собирательство дикоросов, художественные промыслы
7. МО ГО «Город Южно – Сахалинск»	244	1	4	Рыболовство, охота, собира-тельство дикоросов, художест- венные промыслы
Итого:	3809	60	12	

SUMMARY

The amazingly beautiful island of Sakhalin has for centuries been a contact area of different cultures. Here since ancient times collided the interests of those who managed to feel aboriginal and those initially considered outsiders, strangers, and who regarded themselves as such. In the past century and a half these contacts became much more intense due to the active development of Sakhalin and the Kuril Islands by Russia and Japan. There is a variety of factors that affected the condition of all areas of culture of the aboriginal population of Sakhalin. Amongst them the development of natural resources of the island by convicts, then afterwards by civilian employees, by one state and then another, difficult inter-state relations between the two powers, the specifics of the national policy of the USSR in the postwar period, the incredibly difficult post-perestroika period and a sharp intensification of industrial companies' activities in the area of extraction of non-renewable natural resources.

Today, there does not exist a single person who would consider him/herself Ainu on Sakhalin. Only among the older people one still can find those of whom at least one parent was Ainu, and very rarely those with both parents Ainu. However, even these people do not call nor see themselves as Ainu, do not know the language of their ancestors, and do not retain even single elements of this culture.

The culture of the Tungus reindeer herders and sea fishermen – the Orok/Orochen people--which increasingly call themselves Uilta, has undergone dramatic changes too. The ethnic language has almost disappeared, reindeer breeding is preserved only in the northern group of Uilta (the settlement Val of the Nogliki region) and only on a minute scale. This situation exists already for a long time as the southern group of Uilta/Orok stopped breeding reindeer more than 30 years ago. The main part of this ethnic group became citizens or residents of large settlements with consequent changes in the social status of the people. For the Sakhalin Evenki the situation is similar.

Despite its relatively large number (in comparison to the rest of the Sakhalin indigenous ethnic groups) Nivkhi also could not avoid abrupt changes in their lifestyle: Many elements of ethnic culture and the opportunity to practice traditional ways of interaction with nature are gone, while the ethnic language is almost out of use. Some of the Nivkhi people are trying to fight for the right to at least partially maintain their traditional lifestyle, by organizing in so-called tribal enterprises and communities. Others, without any ties to traditional trades,

fit into the reality of modern life and can afford to go twice with their family on vacation to Europe or Asia, while there are those living only on their grandmother's pension, allowing them to buy alcohol... Part of the aboriginal population, no matter how "successfully" they integrated into the culture of the majority, experiences difficulties due to such social illnesses as alcoholism and drug addiction. Serious problems remain too in the field of education and employment

In the meantime, Sakhalin is one of the constituent entities of the Russian Federation, where, in addition to federal laws, the local legal framework is actively developed and largely put into practice relating to the indigenous peoples of the North. Here it is where by the efforts of the oil companies a lot of projects are carried out in the field of traditional economy, arts and crafts, language and scenic culture, book publishing, museum activity, etc. The path to more or less regulated relations of all interested parties (aboriginal population, government institutions and oil companies) was not easy. However, the situation today is far from being looked at through rose-tinted glasses.

In Russia in the last decade and a half a lot has been talked and written about "ethnological expertise" (EE). This term once appeared in Russian legislation №82-FL "On guarantees of the rights of indigenous peoples of the Russian Federation" (1999) and has since been actively used in the Russian-language literature, and even in some of the local legislative acts. Separate studies of this kind were conducted in the Taz and Yamal regions of the Yamal-Nenets Autonomous District (See e.g., Martynova, Novikova 2011, Golovnev et al. 2014), in the Belovo, Guryevsk and Novokuznetsk districts of the Kemerovo region (EE in January 2005, EE in February 2008). In the Republic of Sakha (Yakutia) there does not only exist the law "On ethnological expertise in the areas of traditional residence and traditional economic activities of indigenous minorities of the Republic of Sakha (Yakutia)" of 2010, but also a position on the procedure of organizing and conducting it (Regulation 2011). In the meantime it is absolutely clear that in all cases EE is solely an attempt for expert assessment pertaining to situations that arise only with regard to the feasibility of economic projects in the areas of traditional residence and economic activity of indigenous peoples. On the sideline therefore remains a broad spectrum of other forms and methods of influence on local cultures, untouched by EE. It is also clear that all so-called "ethnological expertise" held today are limited to the ethnic aspect, as if to hide from the attention of the concerned parties all other social groups, including the groups of old-timers and local population that are equally under the influence

of implementation of social and economic projects of the state and business structures as small ethnic groups. Finally, analysis of previously carried out ethnological expertise indicates the absence of developed standardized methods for assessing exposure, prevention or mitigation and valuation methodologies for immediate and delayed damage; whereas the international practice that found answers to many such questions remains untouched by Russian experts. Based on the foregoing current project was conceived, and based on the results of its implementation this book was written. We purposely abandoned the idea of expertise of any kind, considering the lack of methodology. The aim of our research was the collection and analysis of published, archival and own field materials, which were supposed to allow us to present in a historical context, as far back as possible in the dynamics, the main ethnic and cultural/social characteristics of the studied indigenous cultures of the Sakhalin region. The research was conducted during 2013 in the settlements of three municipalities with population of over 300 Aboriginal people, that is, in the Okha (998 people in March 2013), Nogliki (856 people) and Poronaisk districts (344 people) as well as in the regional center Yuzhno-Sakhalinsk (254 people) (Population size in 2013). Within the duration of the project, there were interviewed about 170 people, more than 3,000 photographs were taken and about 100 videos were captured.

The main methods of the field phase of the project included semi-structured interviews, conversations, observations, also accompanied by audio, photo and video, working with the local press, working with museum and archival materials, as well as consultations (including expert interviews) with employees of local administrations. We have deliberately refused from opinion polls, preferring conversations and interviews. This was all the more important as a significant part of the informants with whom we spoke, were our old friends. In that way we managed to maintain the level of trust in our work and avoid private, narrow, short-term reactions of the respondents to some of the originally formulated questions, which is so characteristic of polls. However, in some places the communication developed differently. On Sakhalin, there are a number of public organizations, somehow representing the interests of (a part of) the indigenous population. Sometimes communication with “one party” would be perceived jealously by the other party, who considered themselves as the only spokesmen for the thoughts and aspirations of “their” people. This situation is common in Siberia and the North and with which we have long been familiar, having experience from field work in the Sayano-Altai, Evenki autonomous region, on the Yamal Peninsula, from the

Tomsk region and other regions. In all cases we tried to respect the neutrality of the research, carefully listening to each of the parties, avoiding the appearance of choosing a side in particular.

The wide set of initial tasks of the project was corrected by us during the course of carrying out the field work, and during subsequent processing of the collected materials. As a result, the summary report and the book presented here to readers include eight blocks (chapters) of information adequately representing the main results of the research. The contents identify the authors of each chapter, although in fact in the scientific editing and revision of all the chapters, apart from the head of the project, Nadezhda Mamontova and Kyrill Shakhovtsov participated actively as well.

A considerable part of the collected materials is still waiting for understanding and publication. This includes extensive material on folklore, including Uilta and Nivkh languages, lengthy descriptions of almost forgotten customs and rituals, which our informants were witnessing in the years of their youth, characteristic of the religious part of life of the northerners as a whole and a number of other aspects of modern life. These unique records and observations will certainly find its place in subsequent publications of the authors.

The project titled “Ethnological Studies of Sakhalin Indigenous Minorities” was initiated and financially supported by Exxon Neftegas Limited. It was performed by the researchers and Ph.D. students of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, and included both a field investigation phase (June-September and November 2013) and the actual time of preparing an analytical report and its subsequent processing in a scientific text, which was already carried out by some of the authors on the basis of the Moscow State University and the University of Helsinki (2014 - first half of 2015). We are particularly grateful for the constant attention and support at all stages of the project to the staff of ENL — Margarita L. Tsoi and Valery A. Kripa, to the director of LLC “Optima” Evgenia Smirnova for the excellent logistics for all our trips in 2013, and to the President of Association of Medical Anthropologists dr Valentina Kharitonova for the organizational support of the project preparation and publication of this book.

On behalf of the group of authors I also would like to thank all the foundations and organizations whose financial support has enabled us for a long time to collect and analyze field data concerning the most diverse aspects of contemporary life of indigenous peoples of the North of Sakhalin: the Finnish Ministry of Environment for their support of the project “The Small Indigenous

Nations of Northern Russia” (1997–1999; the head of the project L.Sillanpää), the National Science Foundation (NSF) for the support of the international project “Circumpolar Land-Use and Ethnicity” (CLUE) (2001–2004; the head of the project H. Beach) and the Government of the Russian Federation for support of the project “Man in a changing world. Issues of identity and social integration in the history and the present” (grant № 14.B25.31.0009; 2013–2015; the head of the project D.A. Funk). Without the diversity of materials gathered during these projects, including first and foremost on Sakhalin, and without the possibility of being purposefully engaged in their processing, we could hardly imagine publishing a significant part of the materials today in such variety. Without it we would hardly manage to identify certain tendencies in the change of cultural identity, demographics, socio-linguistic situation in the indigenous population of Sakhalin.

Finally, we are particularly grateful to our associates, especially Alena V. Kavozg and Alexey G. Limanzo (urban-type settlement Nogliki), Svetlana S. Kile (town Poronaisk), Natalia K. Chaika (settlement Nekrasovka), Vladislav V. Solovyov and Irina Y. Fedyaeva (settlement Val), the heads of the departments of indigenous peoples of Sakhalin in the regional and district administrations, the directorate and employees of local history museums in Yuzhno-Sakhalinsk, Poronaisk, Nogliki and Okha, and to all of our informants. Without their help this study would have been impossible. We hope that the time spent by people in communication with us will not be perceived by them spent in vain after reading this work.

Sources and Literature

- EE-1 2005 — Ethnological expertise. Vol. 1. The assessment of the impact of LLC “MetAl”, OJSC “Magnitogorsk Iron & Steel Works” and the SC “Southern Kuzbass” on life support systems of the population of indigenous peoples and the Russian population of Chuvashka village administration of the municipal district of “Myski”, Kemerovo region / A.N. Sadovoy, O.V. Nechiporenko, V.V. Poddubikov et al. / Kemerovo: Publishing House ICC SB RAS, 2005.
- EE-2 2008 — Ethnological expertise. Vol. 2. Ethno-political, socio-economic and ethno-demographic processes in the environment of Teleuts of Belovo and Guryevsk districts of the Kemerovo region / V.I. Boiko, A.N. Sadovoy, V.V. Poddubikov, O.V. Nechiporenko, M.V. Belozerova et al. Novosibirsk: Publishing House of SB RAS IFIP, 2008.

- Golovnev et al. 2014 — Golovnev A.V., Lezova S.V., Abramov I.V., Belorussova S.Y., Babenkova N.A. Ethno-expertise on the Yamal Peninsula: Nenets camping grounds and gas fields. Yekaterinburg: "Publisher SBA", 2014. 232 p.
- Martynova, Novikova 2011 — Martynova E.P., Novikova N.I. Taz Nenets under the conditions of oil and gas development: An ethnological expertise of 2011. Moscow: "IE A.G. Yakovlev", 2011. 132 p.
- Population size in 2013 — The number of indigenous peoples for ethnic groups in March 2013 (according to the Local Agency of Federal State Statistics Service of the Sakhalin region). Statistical Information provided by the head of Indigenous Peoples Office of the Governor and the Government of the Sakhalin area E.A. Koroleva.
- Regulation 2011 — Regulation on the organization and conduct of ethnological expertise. Approved by Resolution of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) of 06.09.2011 of №428.

ОБ АВТОРАХ

Функ Дмитрий Анатольевич (1962 г.р.), доктор исторических наук, профессор, в 1995–2013 гг. заведующий отделом Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН (Москва), с ноября 2013 г. — заведующий кафедрой этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; лауреат премии Фонда Гумбольдта за выдающиеся исследования в области этнологии; автор около 300 научных работ по истории и культуре народов Сибири и Севера; в 2013–15 г. — руководитель мега-гранта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант № 14.B25.31.0009) Правительства РФ на базе Томского государственного университета; победитель конкурса проектов Российского научного фонда 2015 года (проект № 15-18-00112 ««Ресурсное проклятие» на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп»)

Мамонтова Надежда Александровна (1987 г.р.), кандидат исторических наук, магистрант департамента восточноазиатских исследований университета Хельсинки, автор научных работ по прикладной, социальной и лингвистической антропологии малочисленных этнических групп Эвенкии и Сахалина, в 2012–14 гг. руководила проектом РГНФ «Контент-анализ фольклорных текстов на языках коренных малочисленных народов Севера (эвенкийский и ненецкий)» (грант № 12-31-01355)

Шаховцов Кирилл Геннадиевич (1973 г.р.), кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН, автор научных статей по этнической истории селькупов, в 2012–14 гг. руководил проектом Президиума РАН «Развитие и пополнение электронного корпуса текстов на языках малочисленных народов Сибири (на материалах ненецкого, телеутского, шорского и эвенкийского языков)»

Терехина Александра Николаевна (1987 г.р.), аспирантка Института этнологии и антропологии РАН, сфера научно-прикладных интересов — антропология образования, специалист по истории и культуре ненцев, с марта 2015 года находится в годичной экспедиции у ненцев в Ямальской тундре

Скибина Александра Георгиевна (1985 г.р.), уроженка г. Южно-Сахалинска, аспирантка Института этнологии и антропологии РАН, сфера научных интересов — антропология города и идентичности на материалах по Сахалинской области

**Культура и ресурсы.
Опыт этнологического обследования
современного положения народов Севера Сахалина**

Под редакцией Д. А. Функа

Научное издание

Издательская подготовка ООО «Издательство «Демос»
Дизайн, компьютерная вёрстка – О.Е. Грибов.

Подписано к печати 01.07.2015

Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная.
Цветная вкладка – матовая мелованная бумага 130гр/м².
Гарнитура Agora Sans Pro. Печать офсетная.
Усл. печ. листов: 24,18. Уч.–изд. листов: 12,98.
Тираж 500 экз. Заказ №0550.

Отпечатано в ООО «Типография «Демос»
634033, ул.Пушкина, 22, оф.30.